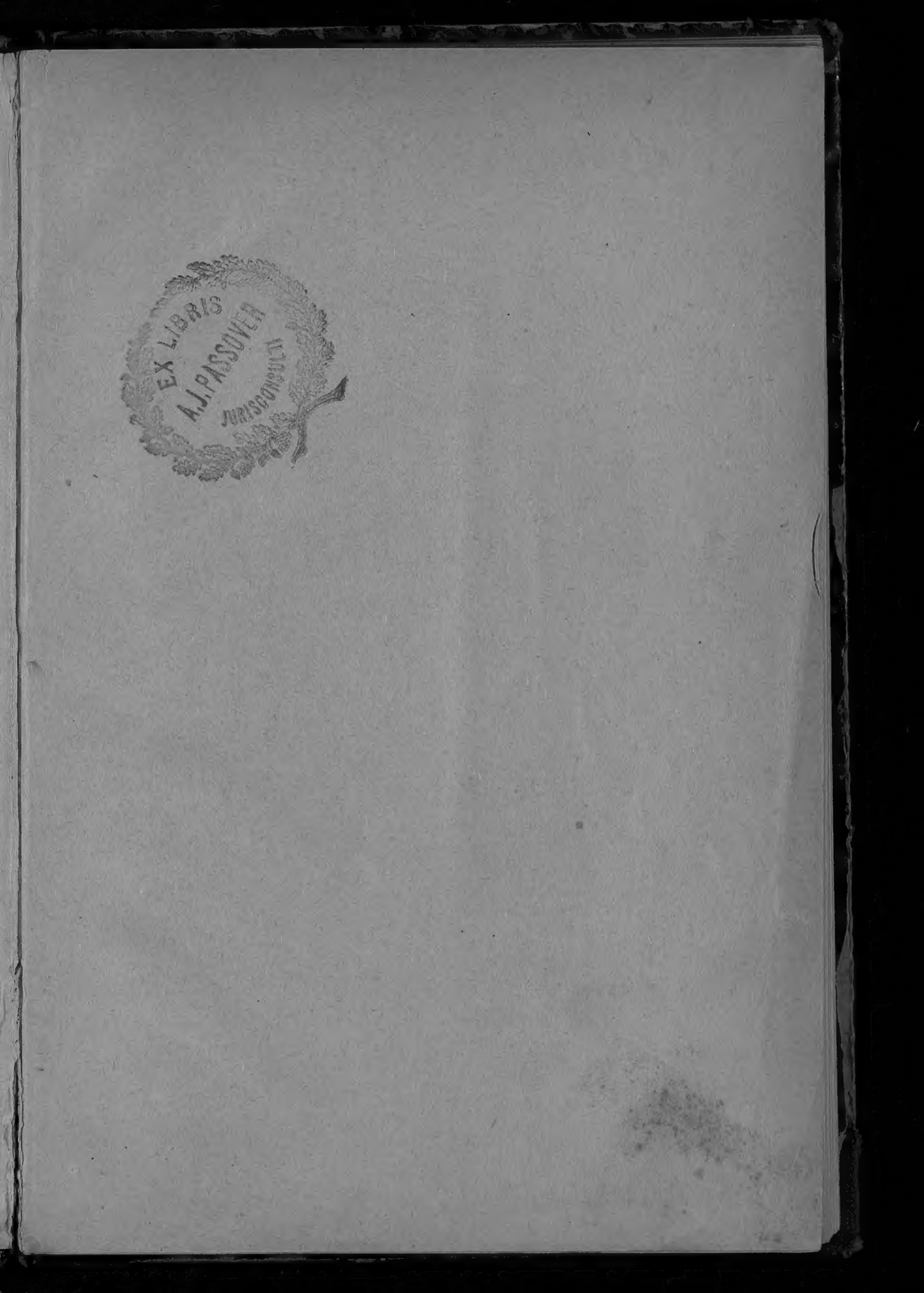

EX LIBRIS
A.J.PASSOVER
JURISCONSULTI

Л. А. Тихомировъ.

ЕДИНОЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ

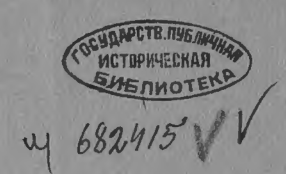
КАКЪ ПРИНЦИПЪ

ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЕНІЯ.

Отдѣльный оттискъ изъ *Русскаго Обозрѣнія* 1897 года.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1897.

Дозволено цензурой. Москва, мая 15 дня 1897 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ЕДИНОЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ

КАКЪ ПРИНЦИПЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЕНІЯ.

I.

Невниманіе общества къ пониманію принциповъ власти.—Ихъ научная необслѣдованность.—Важность обслѣдованія.

Свойства и значеніе различныхъ принциповъ власти, дѣйствующихъ въ политикѣ и соціальной жизни, въ настоящее время возбуждаютъ чрезвычайно мало интереса въ массѣ публики. Можно даже сказать, что большинство и не подозрѣваетъ, что въ этой области есть цѣлые „вопросы", полные жгучаго значенія. Это большинство, довольствуясь двумя-тремя ходячими афоризмами, убѣждено, что тутъ нечего болѣе и узнавать, особенно въ отношеніи начала *единоличной власти.* Это, однако, большая ошибка со стороны общественнаго мнѣнія, и притомъ ошибка, влекущая за собою множество практически вредныхъ послѣдствій.

Само собою разумѣется, что политическій принципъ, дѣйствовавшій въ теченіе тысячелѣтій, не могъ, понятно, не обнаружить съ достаточною ясностью многихъ сторонъ своихъ. Но точно также издревле люди наблюдали и, стало быть, до извѣстной степени знали множество явленій астрономическихъ и метеорологическихъ. Отъ такого рода знанія, однако, очень далеко еще до научной астрономіи и метеорологіи. То же самое можно сказать о нашихъ знаніяхъ соціологическихъ, и особенно политическихъ. Во многихъ отношеніяхъ они въ настоящее время даже болѣе хаотичны, нежели во времена чистаго эмпиризма, ибо эмпиризмъ, не довѣряя силѣ обобщающей мысли, по крайней мѣрѣ не смѣетъ выходить изъ подчиненія фактамъ. Онъ неспособенъ былъ овладѣть ими и проникнуть во внутренній

смыслъ ихъ идеи, но, по крайней мѣрѣ не забывалъ ихъ существованія. Его выводы недостаточны и поверхностны, но не фантастичны. Между тѣмъ первыя попытки обобщающей мысли, сознавшей свою силу, но еще не успѣвшей овладѣть фактами, сплошь и рядомъ совершенно фантастичны и, такъ сказать, отрицаютъ факты. Въ этой стадіи развитія находится наука объ обществѣ, соціологія, которой развитіе отвлекло силы современнаго ума отъ собственно политики и, сверхъ того, подрываетъ въ политикѣ старыя эмпирическія истины вторженіемъ кое-какъ скомпанованныхъ, каждое десятилѣтіе мѣняющихся соціальныхъ теорій.

Развитіе собственно *политической науки* въ настоящее время весьма отстало отъ другихъ наукъ, и человѣкъ, привыкшій, напримѣръ, къ точной, твердой, научной постановкѣ вопросовъ естествознанія, филологіи или даже политической экономіи,— входя въ область *государственнаго права*, чувствуетъ себя въ какомъ-то совершенно особомъ мірѣ условностей, случайностей, противорѣчій. Съ трудомъ онъ можетъ различить, что̀ здѣсь дѣйствительно *научно*, т. е. составляетъ констатировку объективнаго факта и выясненіе его внутренняго смысла, и что̀ относится къ области тѣхъ опаснѣйшихъ недоразумѣній, которыя создаются логикой, аргументирующею на ложныхъ или фантастическихъ посылкахъ.

Такое состояніе государственной науки еще болѣе ухудшается отъ того, что она, не успѣвъ выйти изъ эмпирической стадіи развитія, захвачена была чрезвычайно сложною политическою эволюціей современныхъ европейскихъ странъ, для объективнаго анализа которой у ней недоставало средствъ. Эта политическая эволюція европейской государственности, при такомъ условіи, поколебала самыя основныя эмпирическія понятія государственнаго права, не находившаго въ политической наукѣ твердыхъ основъ для пониманія текущихъ историческихъ явленій. Вмѣсто того, чтобы руководить понятіями общественнаго мнѣнія, государственное право при этомъ само въ прискорбнѣйшей степени проникается его давленіемъ и строитъ теоріи подчасъ столь же „научныя“, сколько была бы научна астрономія, если бы дѣятели Пулковской обсерваторіи стали руководиться не показаніями телескопа, а разсказами окрестныхъ обывателей деревень.

При такихъ условіяхъ, политическія понятія собственно общества, средняго круга людей, во многихъ другихъ отношеніяхъ „образованныхъ“, въ настоящее время оказываются запутан-

ными до чрезвычайности. Для многихъ стало неясно самое понятіе *государства* или *власти*, т. е. даже такія понятія, для уясненія которыхъ политическая наука и государственное право могли бы дать публикѣ очень многое, если бы пользовались его довѣріемъ. Даже въ сферѣ этихъ элементарныхъ понятій общество представляетъ легкую добычу самыхъ дикихъ отрицаній, самыхъ фантастическихъ надеждъ. Но само собою понятно, что, человѣкъ, не знающій смысла *государственности* или *власти*, не можетъ тѣмъ болѣе сознавать сколько-нибудь ясно смысла *частныхъ* формъ государственности, съ проявляющимися въ ней формами власти монархической, аристократической или демократической.

Люди, знакомые съ научнымъ состояніемъ вопроса о формахъ власти, и достаточно пытливые, чтобы думать о нихъ, конечно, не скажутъ, чтобы эти основы политики были сколько-нибудь общеизвѣстны. Несравненно чаще, желая дать себѣ ясный отчетъ о дѣйствіи различныхъ формъ власти, мы принуждены приходить къ выводу, что многое въ этой области не только не всѣмъ извѣстно, а даже *никому неизвѣстно*, и еще стоитъ передъ наукой какъ вопросъ неразслѣдованный и неразрѣшенный. Человѣкъ, у котораго потребность теоретическаго пониманія окружающихъ явленій неспособна затихнуть передъ обезкураживающимъ зрѣлищемъ общаго незнанія, невольно принужденъ дѣлать попытки личныхъ гипотезъ, какъ бы ни мало довѣрялъ себѣ. Таково, полагаю, дѣйствительное положеніе вопроса о формахъ власти, и если попытка разсужденія о государственномъ значеніи *единодержавія* могла бы быть находима неумѣстною, то никакъ не по общеизвѣстности вопроса, а скорѣе по его необслѣдованности во многихъ существеннѣйшихъ пунктахъ.

Это обстоятельство однако лишь увеличиваетъ теоретическій интересъ вопроса.

Мы не можемъ сверхъ того забывать, что вопросъ о власти, ея значеніи, формѣ и дѣйствіи, имѣетъ всегда, а особенно въ настоящее время, не одинъ теоретическій интересъ, а глубоко затрогиваетъ наши обязанности гражданина.

Правильное пониманіе вопросовъ политической науки одно приводитъ людей къ обладанію *искусствомъ правленія*, къ умѣнію *сознательнаго направленія общественной жизни*, а стало-быть, и къ разумному исполненію *личныхъ обязанностей члена общества и подданнаго государства.*

А между тѣмъ формы власти стали нынѣ предметомъ великой исторической борьбы, отъ которой не въ правѣ стоять въ сторонѣ ни одинъ мыслящій человѣкъ, ибо здѣсь каждая малая сила на той или иной чашкѣ вѣсовъ способна дать перевѣсъ рѣшеніямъ неизмѣримой важности.

II.

Единоличная власть.—Принципъ демократіи.—Противуположеніе политическихъ типовъ.

Въ ряду основныхъ вопросовъ Политической науки начало *единоличной* власти возбуждаетъ особенно жгучій интересъ. Исторія человѣческой культуры вообще, исторія государственности въ частности—до такой степени связана съ нимъ, что иногда съ трудомъ отъ него отдѣлимы. Большая часть государственной жизни большинства народовъ протекла подъ господствомъ монархическаго принципа. Теоретическое пониманіе такого виднаго факта исторіи не можетъ не возбуждать сильнаго интереса. Онъ еще болѣе усиливается, когда мы вспомнимъ, что въ настоящее время въ культурнѣйшихъ странахъ міра это начало власти стало предметомъ полнаго отрицанія. Естественно является вопросъ: „почему“? Почему начало власти, столько тысячелѣтій дѣйствовавшее въ исторіи, отрицается въ настоящее время? Для насъ, русскихъ, этотъ вопросъ еще болѣе важенъ потому, что наша страна доселѣ живетъ на основахъ монархической власти. Сверхъ того—вопросъ высокаго интереса создается еще и тѣмъ, что нашъ монархическій строй,—если не подбирать искусственно отдѣльныхъ моментовъ, а взять тысячелѣтнюю исторію Россіи въ совокупности,—никакъ не можетъ быть признанъ ослабляющимся. Напротивъ, въ общемъ, онъ отъ столѣтія къ столѣтію развивается, и послѣ каждой эпохи своего кажущагося упадка поднимается съ силой, затмевающею предыдущія эпохи. Достаточно сказать, что именно XIX вѣкъ у насъ представилъ царствованія Николая Павловича и Императора Александра III. Въ то время какъ въ европейско-американскомъ мірѣ совершенно ясно всё болѣе развивается принципъ *демократическій*, у насъ скорѣе можно считать наиболѣе развивающимся принципъ *монархическій*. Въ этомъ отношеніи между Западомъ и Востокомъ Европы, быть можетъ, также проявляется нѣкоторое общее *противуположеніе*. Леруа Болье высказалъ однажды, что „разстояніе“ между Европой и Россіей не уменьшается, а увеличивается, и объяснялъ

это увеличивающееся несходство тѣмъ, что Европа движется по пути „прогресса“ быстрѣе Россіи. Невольно, однако является, вопросъ: не объясняется ли дѣло только тѣмъ, что мы движемся *разными путями?*

Западный міръ послѣднія столѣтія постепенно переходилъ къ *демократическому* принципу, и въ XIX вѣкѣ мы видимъ лишь заключительное слово этого давно начавшагося процесса. Въ Россіи не можемъ ли мы наоборотъ наблюдать процессъ нарастающаго сложенія монархическаго принципа? Вопросъ этотъ имѣетъ чрезвычайный соціологическій интересъ, ибо при положительномъ его рѣшеніи мы получимъ важныя данныя для установки національныхъ *типовъ*. Если въ настоящее время, въ ряду странъ высшей культуры, обозначается снова сопоставленіе двухъ различныхъ типовъ политическаго строя, основанныхъ на различныхъ формахъ верховной власти, то очень важно не пропустить момента для *научнаго* наблюденія ихъ. Не разъ уже человѣчество имѣло передъ собою это сопоставленіе, не разъ оно и производило на основаніи его свой выборъ. Но это дѣлалось болѣе на глазомѣръ, полуинстинктивно. А между тѣмъ въ настоящее время—сопоставленіе, быть-можетъ, болѣе поучительно, чѣмъ когда бы то ни было, такъ какъ *выборъ* долженъ сопровождаться особенно важными послѣдствіями въ силу всемірнаго вліянія Европы и Россіи.

III.

Отношеніе общества къ государственности.—Идеи анархическія.—Психологическія основы политики.

Вопросъ о различныхъ *формахъ власти* представляетъ такимъ образомъ чрезвычайно разносторонній интересъ, какъ въ смыслѣ теоретическомъ, такъ и по своему отношенію къ ряду чисто практическихъ задачъ. При разсмотрѣніи его намъ, однако, необходимо нѣсколько коснуться болѣе общихъ вопросовъ о *государствѣ* и *власти*, такъ какъ въ настоящее время политическая идея вообще заволоклась въ умахъ особеннымъ туманомъ.

Подъ вліяніемъ разочарованій революціоннаго вѣка, въ Европѣ и Америкѣ сильно распространяется нѣкоторое отрицательное отношеніе къ политикѣ. Были времена, когда лучшіе люди считали политическое искусство всесильнымъ и были вполнѣ увѣрены въ возможности организовывать разсчитаннымъ искусствомъ сильныя и счастливыя государства. Въ передовыхъ странахъ Запада эта вѣра нынѣ исчезла до такой степени, что луч-

шіе люди, съ идеалами и убѣжденіями, все болѣе устраняются совсѣмъ отъ политики, которая все болѣе захватывается исключительно профессіональными „политиканами". Такое зрѣлище еще болѣе подрываетъ въ обществѣ довѣріе къ принципу власти. Это разочарованіе, въ свою очередь способствуетъ развитію идей чисто анархическихъ, совсѣмъ отрицающихъ принципъ власти и кладущихъ начало разложенію современнаго общества, противъ котораго выдвигается фанатическая борьба революціонеровъ, тогда какъ общество защищаетъ себя холодно и апатично, само очень мало вѣря въ справедливость и особенно силу своихъ собственныхъ основъ.

Эта политическая болѣзнь, какъ все доброе и худое переживаемое Европой, передается образованнымъ слоямъ и нашего русскаго общества.

Подъ вліяніемъ ея, наше образованное общество, кое-что знающее по соціальной наукѣ или политической экономіи, крайне пренебрежительно относится къ знанію *политики.* Незнакомство съ соціальнымъ значеніемъ *власти,* то есть самой основы государства—отражается у насъ на множествѣ сторонъ дѣятельности общества, передаваясь посредствомъ „общественнаго мнѣнія" и въ сферы самихъ политическихъ дѣятелей. Въ разсужденіяхъ печати—разносимыхъ нынѣ среди милліоновъ людей самыхъ разнообразныхъ слоевъ—школа политическаго нигилизма, незнанія, непониманія и неуваженія *начала власти,* — сказывается въ размѣрахъ незнакомыхъ даже самой Европѣ.

Будучи вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ, это забвеніе *политическаго элемента* въ то же время является у насъ едва ли не главнѣйшимъ препятствіемъ для сравнительнаго изученія нашего и европейскаго политическаго строя. Ходячія общественныя мнѣнія сильно вліяютъ на науку, особенно столь слабую какъ наша, лишаютъ ее необходимой свободы наблюденія и выводовъ. Въ свою очередь подчиненіе науки общественному мнѣнію лишаетъ послѣднее столь нужнаго ему въ настоящее время руководства.

Анализъ и оцѣнка политическихъ учрежденій невозможны безъ правильнаго отношенія къ самой идеѣ *государства.* Въ основѣ государства особенно наглядно виденъ для всѣхъ элементъ *власти.* Какое же значеніе имѣетъ для человѣческаго общества элементъ *власти*? Наше отношеніе къ государству существенно зависитъ отъ того, какъ рѣшаемъ мы этотъ вопросъ. Въ настоящее время, подъ вліяніемъ превратныхъ понятій о *свободѣ,*

отношеніе общественнаго мнѣнія къ идеѣ власти сдѣлалось чрезвычайно отрицательнымъ. Не останавливаюсь на анархическомъ идеалѣ полнаго *безвластія* (ан-архія). Онъ составляетъ до сихъ поръ достояніе меньшинства, хотя и постепенно возрастающаго. Но и въ понятіяхъ большинства власть также все болѣе начинаетъ разсматриваться лишь какъ нѣкоторое необходимое и неизбѣжное *зло*. Идеалы прогресса человѣческихъ обществъ связываются съ постепеннымъ ослабленіемъ этого „зла".

Такіе взгляды чрезвычайно распространены и въ Европѣ и у насъ. Достаточно указать на симпатію, съ которою встрѣчаются, напримѣръ, анархическіе взгляды гр. Л. Толстаго не только среди молодежи, но и среди людей, имѣющихъ всю видимость серьезности, занимающихъ даже важныя государственныя должности, а ужъ тѣмъ болѣе среди представителей печати.

Тотъ же идеалъ упраздненія государства въ будущемъ раздѣляется соціальною демократіей, то-есть многими милліонами дѣятельнѣйшихъ гражданъ различныхъ странъ Европы и тысячами ученыхъ профессоровъ, писателей, воспитателей и т. д.

Отрицательное отношеніе къ государству, хотя въ меньшей степени, замѣчается также и въ иныхъ консервативныхъ направленіяхъ, какъ, напримѣръ, среди французскихъ *партикуляристовъ*.

Такое направленіе умовъ явилось въ XIX вѣкѣ отчасти благодаря недостаткамъ тѣхъ государственныхъ формъ, которыя повсюду вводятся въ мірѣ европейской культуры, какъ яко бы „наиболѣе совершенныя". Это новое государство, безсильное и въ то же время старающееся мѣшаться во всякія мелочи народной жизни,—теряетъ уваженіе и возбуждаетъ неудовольствіе. О цѣнности всякихъ человѣческихъ учрежденій должно, однако, судить по тому, что они способны дать, будучи организованы *согласно* своей основной идеѣ, а не при извращеніи *вопреки ей*. Изъ того, что *современное* государство, „усовершенствованное,"— оказывается столь мало способнымъ на что-либо полезное и такъ легко дѣлается орудіемъ зла, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобъ эти недостатки были присущи государству вообще. Тѣмъ менѣе плохое или неразумное примѣненіе власти можетъ говорить противъ самаго ея принципа.

Въ этомъ отношеніи нельзя достаточно пожалѣть о томъ, что знакомство съ государственнымъ правомъ у насъ считается совершенно необязательнымъ для „образованнаго" человѣка. Нельзя однако не сказать также, что и въ самой существующей

наукѣ,—хотя она и могла бы многому научить публику—чрезвычайно шатка основная точка зрѣнія, такъ сказать *философско-соціологическая*. Господствующіе матеріалистическо-механическія воззрѣнія на человѣческую природу до послѣдняго времени мѣшали твердой постановкѣ идеи власти на почву *психологическую*. Между тѣмъ, это единственная почва, разумно объясняющая общій фактъ власти и его различныя проявленія. Такимъ образомъ, въ виду этихъ пробѣловъ, невозможно было бы продолжать разсужденія, не остановившись нѣсколько на общихъ идеяхъ *власти* и въ частности власти *государственной*.

IV.

Свобода и власть.—Ихъ кажущееся противуположеніе.—Ихъ единство.—Власть, какъ основа общества.

Фактъ власти въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ—есть совершенно основной. Безъ него не бываетъ никакой организаціи, никакого общежитія. Безполезно даже разсуждать о томъ, составляетъ ли онъ добро или зло, ибо это значило бы подымать вопросъ уже о *направленіи* и *употребленіи* власти, а не о ней самой по себѣ. Относительно же власти, какъ о всѣхъ явленіяхъ природы, можно лишь разсуждать—въ смыслѣ отыскиванія ея причинъ и слѣдствій. Но и причины ея появленія достаточно ясны.

Источникъ власти безъ сомнѣнія составляетъ свойство всякаго живаго существа вліять на другое существо. Такое вліяніе можетъ быть для послѣдняго пріятнымъ или непріятнымъ, сознаваемымъ или несознаваемымъ, благотворнымъ или гибельнымъ, наконецъ, можетъ проходить всѣ градаціи отъ тончайшаго нравственнаго до грубѣйшаго физическаго насилія; но во всѣхъ случаяхъ передъ ними одинаково оказывается тотъ результатъ, что одинъ человѣкъ заставилъ или не допустилъ другаго сдѣлать нѣчто въ противность собственному стремленію послѣдняго.

Способность людей группироваться еще болѣе осложняетъ этотъ фактъ, порождая власть и подчиненіе коллективныя. Но при этомъ не излишне замѣтить, что самая способность группировки въ нѣкоторую коллективность обусловливается у людей ихъ способностью властвовать и подчиняться. Вообще власть и принужденіе—столь основныя условія общественности, что всѣ мечты построить общество безъ этой связи напоминаютъ по фантастической неопредѣленности скорѣе туманныя картины сновидѣній, нежели хотя бы даже плохое разсужденіе человѣка.

О *свободѣ* и *власти* говорятъ иногда, какъ о чемъ-то противуположномъ. Это, однако, проявленія одного и того же факта. Обладаніе силой даетъ свободу, какъ субъективное состояніе сильнаго, и даетъ власть, какъ его объективное состояніе въ отношеніи окружающихъ. Даже равносильныя существа, вступая въ компромиссъ или соглашеніе, не дѣлаются оба только свободными, а также, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, взаимно подчиняются. Но равносильныхъ существъ, вообще говоря, не бываетъ, а группировка еще болѣе усложняетъ отношенія, отчасти уравнивая силы, отчасти еще болѣе увеличивая ихъ различіе. Въ результатѣ человѣческое общество оказывается все соткано изъ разнообразнѣйшаго сплетенія всевозможныхъ видовъ взаимной власти и подчиненія.

Не соглашаясь на множество подчиненій, ни одинъ человѣкъ не могъ бы сохранить и одной былинки своей свободы.

Уничтожить власть и подчиненіе—невозможно... по крайней мѣрѣ для насъ, людей. Одинъ Богъ могъ бы совершить такое чудотворное измѣненіе созданнаго имъ міра. Мы же можемъ только приспособляться къ законамъ природы своей, можемъ до извѣстной степени *направлять* явленія власти и свободы, комбинируя ихъ болѣе удобнымъ для себя способомъ. Такъ люди, по мѣрѣ разумѣнія, всегда и дѣйствовали. Вся исторія, съ извѣстной точки зрѣнія, есть исторія различныхъ приспособленій власти и принужденія, точно такъ же какъ, съ другой точки зрѣнія, это есть исторія человѣческой свободы.

Власть и свобода—это лишь различныя проявленія одного и того же факта—*самостоятельности человѣческой личности.*

Эта *психологическая* основа *юридическихъ* отношеній нерѣдко игнорируется и даже отрицается. Нерѣдко приходится слышать, будто бы всякое сближеніе вопроса о *свободѣ личности* въ смыслѣ психологическомъ и о *гражданской свободѣ* — только запутываетъ дѣло. Это глубокая ошибка узкихъ умовъ. Напротивъ, гражданская свобода дѣлается понятіемъ безъ всякаго мѣрила, безъ всякихъ мотивовъ, безъ всякой возможности разумнаго анализа,—какъ только мы забываемъ ея *психологическую* почву. Всѣ такъ называемыя юридическія отношенія въ исторіи выдвигаются, слагаются, измѣняются — на основѣ явленій, создаваемыхъ психологическими мотивами, и безъ этихъ послѣднихъ необъяснимы. На эту психологическую почву, какъ единственно реальную, мы и должны твердо стать съ самаго начала разсужденія, ни на минуту не упуская изъ виду, какъ выше

сказано, что *власть и свобода суть проявленія одного и того же факта, именно самостоятельности человѣческой личности.*

Съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, люди ропщутъ противъ принужденія и насилія, какъ и противъ злоупотребленій свободы. Дѣйствительно, какъ свобода можетъ приводить къ вреднымъ послѣдствіямъ, такъ и принужденіе, особенно въ своей крайней формѣ „насилія". Но вобще вопросъ о принужденіи и насиліи сложнѣе, чѣмъ выставляютъ декламаторы свободы.

Вообще говоря, границы, отдѣляющія благотворное *воздѣйствіе* отъ зловреднаго *насилія*, опредѣляются вовсе не присутствіемъ принужденія. Иные допускаютъ и даже рекомендуютъ „нравственное вліяніе", включительно до новомоднаго гипнотизма, и въ то же время возмущаются явнымъ принужденіемъ. Но „нравственное вліяніе" есть такое же принужденіе, какъ и насиліе физическое. Нерѣдко *само по себѣ* оно гораздо глубже подавляетъ свободу другого человѣка, сильнѣе его подчиняетъ, нежели принужденіе матеріальное.

Принужденію матеріальному человѣкъ подчиняется лишь въ отношеніи своихъ *поступковъ*, но не теряя внутренней свободы, тогда какъ при воздѣйствіи нравственномъ способенъ превращаться совершенно въ то, чего желаетъ другой человѣкъ. Во имя ли *свободы* рекомендовать такую систему? Человѣкъ, цѣнящій свою личность, конечно, предпочтетъ быть жертвой насилія, нежели стать игрушкой чужаго „нравственнаго вліянія". Съ точки зрѣнія *пользы* общественной, точно также, не всегда нравственное вліяніе предпочтительнѣе принужденія. Сверхъ того принужденіе само по себѣ оказываетъ въ иныхъ случаяхъ „нравственное вліяніе", а въ другихъ, и очень многихъ, случаяхъ въ сферахъ дѣйствія *власти* общественной остается *единственнымъ* средствомъ. Въ подобныхъ случаяхъ принужденіе, будучи *необходимо*, тѣмъ самымъ *законно*. Въ другихъ же случаяхъ и „нравственное воздѣйствіе" можетъ быть не только вреднымъ, и стало-быть предосудительнымъ, но даже преступнымъ.

Вообще никакихъ способовъ воздѣйствія на другого человѣка суммарно и безусловно нельзя ни рекомендовать, ни отрицать. Когда, въ какой мѣрѣ они нужны или допустимы — это опредѣляется нашею *вѣрой*, нашею *философіей, окружающими условіями*,— и на основѣ всего этого—*разсужденіемъ, закономъ, обычаемъ, исторической практикой* и т. п. Все это не *порождаетъ* власти и проистекающаго отъ нея принужденія, а лишь стремится подчинить то и другое дѣйствію разума и нравственнаго начала. Сами же

по себѣ власть и принужденіе, всетаки, остаются вѣчны, потому что проистекають изъ *природы* человѣка, и не уничтожаются въ числѣ орудій человѣческаго общежитія, которое выростаетъ изъ природы личности. Такимъ образомъ весь вопросъ состоитъ только въ томъ или иномъ ихъ *направленіи.*

Нѣкоторые полу-анархическіе оттѣнки мысли отрицаютъ *государство,* противуполагая ему *общество,* какъ союзъ будто бы свободный. Въ такомъ воззрѣніи есть лишь небольшая доля истины. Общество, совокупность мелкихъ союзовъ—дѣйствительно составляетъ сферу болѣе самостоятельной дѣятельности личности, потому что представляетъ для нея болѣе способовъ *выбирать* то или иное подчиненіе, а также *пріобрѣтать власть* личную. Поэтому общество есть по преимуществу та сфера, въ которой *развивается* способность человѣка къ свободѣ. Но это не уничтожаетъ совершенно такого же присутствія въ обществѣ элемента власти и принужденія. Всѣ мелкіе союзы общества, семьи, общины, сословія, партіи, кружки — точно также пропитаны властью, подчиненіемъ и принужденіемъ. Различіе между обществомъ и государствомъ только въ характерѣ власти. Съ другой стороны, само государство есть въ извѣстныхъ отношеніяхъ высшее торжество человѣческой свободы и главное средство *обезпеченія* для личности ея свободы въ обществѣ. Та *способность* къ свободѣ, которая *воспитывается* по преимуществу въ обществѣ, получаетъ возможность приводить къ *фактической* свободѣ по преимуществу благодаря государству. Государство въ этомъ отношеніи является лишь дополненіемъ и завершеніемъ общества.

V.

Государство, какъ завершеніе общества. — Государство, какъ охрана свободы.—Неизбѣжность государственности.

Если элементъ *власти* является неотдѣлимымъ началомъ всякой общественности, то *государство* служитъ завершеніемъ системы общественной власти.

Противъ современныхъ тенденцій къ отрицанію государства громко говоритъ весь историческій опытъ человѣчества. Съ тѣхъ поръ какъ люди живутъ сколько-нибудь сознательно, съ тѣхъ поръ какъ они имѣютъ исторію,—человѣчество живетъ на основѣ *государственности.* Современные соціалисты вызываютъ тѣни доисторическаго прошлаго, ища въ немъ *общества* чуждаго государственности, какъ опоры для своихъ мечтаній о безгосудар-

ственномъ будущемъ. Но развѣ можетъ служить идеаломъ будущаго бытъ дикихъ стадъ одичавшихъ людей доисторическаго прошлаго? Для нихъ самихъ, какъ только они начинали нѣсколько подниматься изъ паденія, развѣ не появлялся, наоборотъ, идеалъ государственности, при помощи котораго они и успѣвали достигать болѣе высокихъ ступеней общественности и культуры? Этотъ идеалъ возникалъ одинаково у всѣхъ народовъ, порождаемый, очевидно, самою природой человѣка. Отрицаніе, отголосокъ дикихъ сторонъ этой природы, не составляетъ какого-либо изобрѣтенія современности. Оно тоже всегда было. Древнія декламаціи какого-нибудь софиста Протагора ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ революціонныхъ декламацій:

„Пусть, говорилъ еще Протагоръ,—явится человѣкъ съ могучею природой, стряхнетъ и порветъ всѣ эти путы, попрёгъ ногами всѣ наши писанія, чары, волшебства, наши законы, противные природѣ, и станетъ надо всѣмъ этимъ, какъ господинъ, онъ, котораго мы сдѣлали рабомъ, и тогда мы увидимъ торжество справедливости, какъ оно установлено природой"...

Эту дешевую премудрость звѣриной „свободы" люди знали издревле, но что же отъ нея осталось въ исторіи въ наслѣдство человѣчеству? Что двигало наши общества, кто остался учителями человѣчества? Не эти отрицатели и нигилисты, а умы, какъ Платонъ, Аристотель, которые анализировали идею государства, находя въ ней даже *высшую* человѣческую идею. Служили благу своего времени и остались съ благимъ вліяніемъ на будущее практическіе устроители государствъ, юристы, формулировавшіе правовыя идеи... Вотъ кѣмъ *жило* и двигалось человѣчество. Нигилистическія же декламаціи есть нынѣ, какъ были въ древности, но какъ теперь—и тогда ничего не создавали, многое разстраивали, но все-таки остались безсильны свернуть человѣчество съ его *государственнаго* пути развитія.

Да и возможно ли иначе? Вездѣ и всегда происходило то, что такъ прекрасно обрисовываетъ Б. Чичеринъ, говоря о періодѣ съ еще неразвитою государственностью въ Россіи.

„Положеніе человѣка,—говоритъ онъ,—опредѣлялось частными, случайными, даже внѣшними его преимуществами. Личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности лежали въ основаніи общественнаго быта, и должны были привести къ господству силы, къ неравенству, междуусобіямъ и анархіи"... Такое положеніе создавало необходимость *высшаго* союза—государства. „Только въ государствѣ можетъ развиваться разум-

ная свобода и нравственная личность; предоставленныя же самимъ себѣ, безъ высшей сдерживающей власти, оба эти начала разрушаютъ сами себя...

„Государство, поясняетъ онъ,—есть высшая форма общежитія, высшее проявленіе народности въ общественной сферѣ. Въ немъ неопредѣленная народность собирается въ единое тѣло, получаетъ единое *отечество*, становится *народомъ*. Въ немъ верховная власть служитъ представительницей высшей воли общественной, каковъ бы ни былъ образъ правленія. Эта общественная воля подчиняетъ себѣ воли частныя и устанавливаетъ такимъ образомъ твердый порядокъ въ обществѣ.

„Ограждая слабаго отъ сильнаго, она даетъ возможность развиться разумной свободѣ; уничтожая всѣ преимущества случайныя, не имѣющія для общества никакого вѣса, она производитъ уравненіе между людьми; оцѣнивая единственно заслуги, оказанныя обществу, она возвышаетъ внутреннее достоинство человѣка. Заставляя всѣхъ подданныхъ удѣлять часть своихъ средствъ для общественной пользы, она содѣйствуетъ осуществленію тѣхъ разнообразныхъ человѣческихъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты только въ общежитіи при взаимной помощи, и для которыхъ существуетъ гражданскій союзъ“. [1]

Идея государства вытекаетъ изъ самой глубины человѣческаго сознанія. Въ теченіе всѣхъ историческихъ тысячелѣтій, народы всевозможныхъ племенъ и степеней развитія своимъ глазомѣромъ, умозаключеніемъ и опытомъ всегда и повсюду были приводимы къ *одной* идеѣ.

Мы ее можемъ, стало-быть, разсматривать какъ *политическую аксіому*, подобно тому какъ въ математикѣ и логикѣ аксіомы суть ничто иное, какъ формулировка всеобщаго одинаковаго впечатлѣнія.

Эта аксіома гласитъ, что въ государствѣ люди находятъ *высшее орудіе для охраны своей безопасности, правъ и свободы.*

Самые современные отрицатели государственности противъ воли даютъ подтвержденіе этой истины, такъ какъ, покидая государство, въ своихъ чаяніяхъ будущаго представляютъ себѣ лишь одно изъ двухъ: либо простое *господство сильнѣйшаго* (въ анархіи), либо *подчиненіе человѣка стихійнымъ силамъ* (въ соціальной демократіи).

Дѣйствительно, соціалисты, послѣдователи экономическаго ма-

[1] „Опыты по исторіи русскаго права“, стр. 368, 369.

теріализма, только потому и надѣются на возможность уничтоженія принудительной власти, что, по ихъ мнѣнію, грядущее безгосударственное общество будетъ вставлено въ рамки коммунистическаго производства, которое само по себѣ будетъ регулировать жизнь и дѣятельность людей.

Человѣчество здѣсь приглашается къ уничтоженію *своей*, разумной, обдуманной власти надъ собою, но для чего же? Чтобы *подчиниться* нѣкоторой безаппелляціонной стихійной власти, которая подавитъ нашу свободу со всею безпощадностью безсознательныхъ силъ природы. Вмѣстѣ съ государствомъ мы бы, стало-быть, разрушили высшее орудіе нашей человѣческой власти надъ нашею жизнью, то есть, другими словами, нашей *свободы*. Ибо, что же такое наша свобода, какъ не возможность самостоятельно направлять теченіе дѣлъ нашихъ, дѣлать то, что̀ мы считаемъ нужнымъ, и не дѣлать того, чего мы желаемъ избѣжать, то есть, въ сферѣ отношеній соціально-политическихъ—не быть слѣпою игрушкой стихійныхъ силъ, но приспособлять ихъ къ нашимъ *человѣческимъ* потребностямъ?

На это въ наибольшей степени даетъ намъ способы союзъ *государственный*, союзъ, въ которомъ народъ объединяетъ свои силы, дисциплинируетъ ихъ и направляетъ ихъ для достиженія своихъ цѣлей со всѣмъ могуществомъ, которое способно дать правильно организованная и разумно дѣйствующая *власть*.

Этотъ элементъ *власти* составляетъ существеннѣйшую основу государства. Власть предполагаетъ подчиненіе. Но создавая власть, которой должны подчиняться, мы не жертвуемъ своею свободой. Подчиненіе условіямъ природнымъ составляетъ неизбѣжный удѣлъ существъ, не одаренныхъ безграничными силами. Создавая государство, мы, вмѣсто подчиненія стихійнымъ силамъ, подчиняемся *самимъ себѣ*, подчиняемся тому, что сами сознаемъ необходимымъ, то есть выходимъ изъ слѣпаго подчиненія обстоятельствамъ и пріобрѣтаемъ *независимость*, первое условіе дѣйствительной свободы. Идеалъ безгосударственный, наоборотъ, вмѣсто подчиненія людей *самимъ себѣ*,—влечетъ ихъ къ подчиненію силамъ *внѣ ихъ находящимся*. Понятно, что люди всегда предпочтутъ первый исходъ. Сверхъ того какъ сила *сознательная*, государствовсегда возьметъ верхъ надъ силами внѣшними, безсознательными, хотя бы люди и не задавались такою цѣлью. Торжество государственности поэтому всегда неизбѣжно, и въ концѣ-концовъ, съ какой бы теоретической анархіи мы ни начали, а кончимъ всегда возстановленіемъ государственности.

VI.

Верховная власть, какъ основа государства.—Правительство и подданные.—Различеніе націи, государства и верховной власти.

Для того, чтобъ не потеряться въ анализѣ государственно-обязательныхъ отношеній, необходимо однако точно опредѣлить, что такое государство.

Всякій союзъ человѣческій, каковы бы ни были его цѣли— семья, общины экономическія, религіозныя, общества научныя и т. д., всякая *коллективность*, характеризуется присутствіемъ общей *власти* и частнаго *подчиненія*. Въ національной жизни, по разнообразнымъ запросамъ ея, формируется безчисленное множество такихъ небольшихъ или даже очень крупныхъ организацій, изъ которыхъ каждая, въ предѣлахъ своихъ цѣлей и притягательной силы, имѣетъ извѣстную власть цѣлаго для соподчиненія частей его. Но въ государствѣ, какъ принято опредѣлять въ государственномъ правѣ, *власть* получаетъ нѣкоторый специфическій характеръ, а именно становится *верховною*.

Она характеризуетъ государство вообще, различныя же ея формы порождаютъ разные типы государствъ. Эта власть имѣетъ характеръ *верховный*, владычествующій, раздѣляющій націю на *правительство* и *подданныхъ*.

„Даже въ самой полной демократіи,—замѣчаетъ Блюнчли,— гдѣ эта противоположность, повидимому, исчезаетъ, она въ дѣйствительности все-таки существуетъ. Народная община аѳинскихъ гражданъ была *правительствомъ*, а отдѣльные аѳиняне по отношенію къ ней *подданными*. Гдѣ нѣтъ облеченнаго авторитетомъ правительства, гдѣ подданные отказали въ политическомъ повиновеніи, при чемъ каждый дѣлаетъ что хочетъ, словомъ, гдѣ анархія, тамъ прекращается государство“ (*„Общ. Гос. Право“*).

„Существенный признакъ, отличающій государство отъ всѣхъ другихъ союзовъ, говоритъ Чичеринъ, состоитъ въ томъ, что всѣ они юридически подчиняются государству, *государство же владычествуетъ надъ всѣми*“. Этимъ и обусловливается его благодѣтельная служба обществу. Въ человѣческихъ обществахъ много силъ единоличныхъ и коллективныхъ. Государство возвышается надъ всѣми ими какъ „верховный, державный, владычествующій союзъ“. „Верховная власть принадлежитъ ему по самому его существу“.[1].

---

[1] *Курсъ Госуд. Науки,* т. I.

Таковы опредѣленія государственнаго права. Оно говоритъ, что такая *верховная властъ* необходима и неизбѣжна, что только она можетъ создавать гармоническое развитіе общественныхъ силъ, которыя безъ нея неизбѣжно вступаютъ въ разрушительную борьбу. Это истины, совершенно твердо принятыя. Всѣ мыслители, имѣвшіе научное значеніе и заслуги—приблизительно одинаково ихъ формулируютъ.

Но въ настоящее время ихъ согласіе далеко не столь же твердо въ отношеніи *формъ верховной власти.*

Практика исторической жизни и анализъ политической науки показываютъ, что государство можетъ возникать и организоваться на *нѣсколькихъ* неодинаковыхъ началахъ верховной власти. Мы не можемъ ни понимать государства, ни организовать его, ни поддерживать его правильнаго дѣйствія, не уяснивъ себѣ этихъ различныхъ принциповъ верховной власти, ихъ сущности, ихъ отличій. Въ этомъ отношеніи однако даже среди серіозныхъ мыслителей замѣчается шаткость и противорѣчіе понятій.

Это происходитъ въ значительной степени отъ того, что уже въ исходномъ пунктѣ анализа — въ уясненіи отношеній *государства* и *верховной власти*—наукой многое оставляется безъ достаточно точныхъ опредѣленій.

Совершенно безспорно, что въ государственныхъ отношеніяхъ проявляется власть именно *верховная.* Но государство—есть ли это сама верховная власть? Почему власть государственная получаетъ характеръ именно верховный, владычествующій? Неясность пониманія этихъ вопросовъ отзывается особенными запутанностями въ такъ-называемомъ конституціонномъ правѣ. Необходимо разобраться въ указанныхъ понятіяхъ.

Въ этомъ отношеніи прежде всего должно замѣтить, что *государство* и *верховная властъ*—вовсе не одно и то же. Точно также государство не порождаетъ верховной власти. Верховная власть порождается изъ *самой націи*, изъ того же общества, которое мы видимъ разбитымъ на миріады мелкихъ и частныхъ слоевъ и союзовъ. Подобно тому, какъ люди сплачиваются въ эти мелкіе союзы, такъ, по мѣрѣ развитія національной жизни, начинаетъ обнаруживаться въ сознаніи всѣхъ, что надъ всѣми этими частными лицами, группами и семьями есть или должна быть нѣкоторая *высшая сила*, сила *для всѣхъ обязательная*, объединяющая всѣ *частные и групповые* интересы.

Какая же это сила? Ниже мы разсмотримъ это подробнѣе. Иногда—это есть сила большинства, массы, иногда это сила

справедливости, иногда сила опыта, знанія, авторитета. Но какова бы она въ представленіи націи ни оказывалась, во всякомъ случаѣ обнаруживается, что для совмѣстнаго существованія всѣхъ этихъ лицъ и группъ необходима нѣкоторая высшая, *верховная*, надо всѣми ими владычествующая сила. Эта-то сила въ лицѣ своихъ конкретныхъ выразителей и составляетъ *верховную власть*.

Государство не можетъ появиться, пока въ націи не явилось сознанія *верховной власти*, и не имѣется ея *конкретныхъ выразителей*. Лишь тогда, когда выработано то и другое, можетъ явиться государство, какъ созданіе уже верховной власти. Верховная власть сплачиваетъ около себя націю на основаніи своего собственнаго принципа. Дѣлается ли это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или нѣсколькихъ столѣтій, во всякомъ случаѣ получается *государство, т. е. нація, соединенная подъ одною верховною властью во всемъ, что, по сознанію націи, выражающемуся въ данномъ принципѣ верховной власти, требуетъ общаго, обязательнаго единства.*

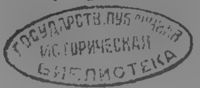
Необходимо тщательно разграничивать эти три явленія и понятія: *нація*, *верховная власть* и *государство*. При самой тѣсной связи между собой они имѣютъ каждое—свое особое существованіе, и могутъ даже приходить въ столкновеніе. Это случаи, конечно, болѣзненные, но патологія во многомъ объясняетъ законы физіологіи.

Вообще—*нація* есть вся масса лицъ и группъ, коихъ совмѣстное историческое существованіе порождаетъ *идею* верховной власти, надо всѣми ими одинаково владычествующей, а также выдвигаетъ конкретныхъ представителей этой идеи.

Верховная власть выражаетъ то, что во мнѣніи націи составляетъ объединяющую всѣхъ силу, и притомъ не въ видѣ лишь отвлеченнаго принципа, а также въ конкретномъ представительствѣ его.

Государство въ широкомъ смыслѣ есть нація, поскольку она объединена верховною властью въ одной организаціи. Нація однако живетъ съ государствомъ лишь нѣкоторою частью своего существованія; также и каждый членъ націи есть лишь отчасти членъ государства, насколько этого требуютъ его права и обязанности, опредѣляемыя верховною властью.

Государство въ тѣсномъ смыслѣ есть вся та организація націи, которая потребна для осуществленія цѣлей объединенія ея. Не должно также смѣшивать государства съ *правительственнымъ*

механизмомъ, котораго задача быть *орудіемъ* верховной власти для осуществленія цѣлей государствъ. Эта организація *системы управленія* тѣмъ болѣе не должна быть смѣшиваема съ верховною властью.

Замѣтимъ также мимоходомъ, что самая идея управленія, свойственная данной формѣ верховной власти, должна быть лишь съ большою осторожностью опредѣляема по наличной системѣ управленія, которая обусловливается не одною внутреннею логикой верховной власти, но множествомъ историческихъ случайностей и представляетъ всегда многое, существующее даже въ прямомъ противорѣчіи съ собственною идеей данной формы верховной власти.

VII.

Простота принципа верховной власти.—Сложность принциповъ управленія.—Монархія, аристократія, демократія. — Ложное ученіе о „современномъ“ государствѣ.

Итакъ *верховная власть* есть объединительная національная идея, воплотившаяся въ конкретной силѣ и организующая *государство.*

Изъ исторіи извѣстно, что организація *управленія* государствомъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе формъ. Но собственно формы *верховной власти* очень немногочисленны, и если организація управленія представляетъ весьма сложное сочетаніе различныхъ принциповъ, то принципы верховной власти, наоборотъ, всегда *просты.* Въ этомъ случаѣ приходится стать въ полное противорѣчіе съ современнымъ государственнымъ правомъ, которое говоритъ о какихъ-то *новыхъ началахъ* верховной власти, будто бы открытыхъ въ настоящее время. Это несомнѣнная ошибка, характеризующая лишь трудность разобраться въ политическихъ явленіяхъ современности.

Оставаясь на почвѣ *фактовъ*, современная политическая наука прекрасно знаетъ, что всѣ основныя начала верховной власти дѣйствовали у разныхъ народовъ съ незапамятныхъ временъ. Эти основныя начала, создающія три основныя формы верховной власти, суть: *монархія*, *аристократія* и *демократія.* Ничего, кромѣ этихъ основныхъ формъ, оставаясь на почвѣ фактовъ, нельзя найти и нынѣ, какъ не было никогда. Но подпадая подъ власть современныхъ *ходячихъ мнѣній*, наши ученые, подобно массѣ общества, чувствуютъ потребность убѣдить себя, будто бы въ настоящее время политическое творчество европейскихъ

народовъ создаетъ что то особенное, невиданное и неслыханное, и въ то же время будто бы „совершенное“. Популярное понятіе о „прогрессѣ“ подчиняетъ себѣ мысль людей ученаго слоя. Отсюда возникаетъ крайне спутанное ученіе о „современномъ государствѣ“, его совершенствѣ, универсальности и т. п.

Особенно тяжело все это отзывается на русской наукѣ, которая вмѣсто изученія *политическихъ фактовъ*, имѣющихся у нея на-лицо, склонна усматривать свою задачу въ пересадкѣ къ намъ „совершенныхъ“ учрежденій. Вина первоначальной ошибки лежитъ впрочемъ на европейскихъ учителяхъ нашей подражательной науки.

Подъ давленіемъ популярнаго, уличнаго требованія „свободы“, подъ которою масса сама не знаетъ, что̀ понимать, такой крупный умъ какъ Блюнчли пытается передѣлать классификацію государствъ, чтобы очистить въ нихъ мѣсто этой „свободѣ“, въ видѣ „контроля“ *подда́нныхъ* надъ *правительствомъ*. Эта замѣчательная идея въ сущности отрицаетъ все, что̀ самъ же Блюнчли говоритъ о *существѣ* верховной власти. Въ самомъ дѣлѣ, если контроль подданныхъ не можетъ *заставить* верховную власть измѣнить свой способъ дѣйствій, то какой въ немъ смыслъ? Если же подданные, въ результатѣ контроля, могутъ заставить верховную власть дѣйствовать иначе, то, значитъ, верховная власть имъ *подвластна*. Значитъ, послѣднюю инстанцію составляютъ подданные, а не власть. Значитъ, настоящую верховную власть составляютъ подданные.

Эту логическую нелѣпость ученіе Блюнчли принимаетъ только потому, что не видитъ *дѣйствительности* „современнаго государства“. На самомъ дѣлѣ оно составляетъ не что-либо существенно новое, а просто-на-просто есть новое появленіе *демократіи*, въ качествѣ *верховной власти*. Только поэтому и является требованіе „контроля“ со стороны этихъ яко бы „подданныхъ“. На самомъ дѣлѣ они въ Европѣ уже не подданные, а носители *верховной власти*; то же „правительство“, которое Блюнчли по старой памяти продолжаетъ считать „верховною властью“, уже давно перестало ею быть, а стало лишь „делегированною“ властью, народнымъ коммиссаромъ, исполняющимъ велѣнія верховной власти народа. Вотъ что имѣется въ европейской дѣйствительности. Что касается контроля *подданныхъ* надъ *верховною* властью, то этой невозможности нѣтъ и теперь, какъ никогда не было. Отдѣльный гражданинъ „современнаго“ государства точно такъ же не можетъ „контролировать“ самодержавной народной воли, какъ

русскій подданный не можетъ этого дѣлать въ отношеніи своего Государя.

Не замѣчая абсурда, вводимаго имъ въ науку, Блюнчли рисуетъ „современное“ государство такъ:

„Хотя въ періодъ отъ конца среднихъ вѣковъ до XVIII вѣка, въ лицѣ абсолютной королевской власти, возобновился, казалось, абсолютизмъ древне-римскихъ императоровъ, но народы скоро снова вспомнили свою естественную (?) свободу. Начинается борьба за политическую свободу, противъ абсолютизма правительства. Государство снова становится *народнымъ*, но въ болѣе благородныхъ формахъ, нежели въ древности. Средневѣковое сословное устройство служитъ преддверіемъ новаго *представительнаго* государства, въ которомъ народъ представляетъ себя въ лицѣ лучшихъ (?) и благороднѣйшихъ (?) своихъ членовъ“. Опредѣляя новую „конституціонную“ монархію, онъ говоритъ: „Конституціонная монархія нѣкоторымъ образомъ заключаетъ въ себѣ *всѣ другія* государственныя формы. Но, представляя собой наибольшее разнообразіе, она не жертвуетъ (?) для него гармоніей и единствомъ. Она предоставляетъ *аристократіи* свободное поприще для проявленія ея силъ и ея духовныхъ способностей; на *демократическое* направленіе народной жизни она не налагаетъ оковъ, а оставляетъ за нимъ свободное развитіе. Она признаетъ даже *идеократическій* элементъ въ видѣ почитанія закона“.

VIII.

Русская наука о „современномъ“ государствѣ — Ложная идея сочетанной верховной власти. — Идеалы всемірной „нивеллировки“. — Воображаемая новизна этихъ идей.

Эта политическая идиллія, основанная на абсудномъ началѣ, имѣетъ въ выводѣ тотъ недостатокъ, что ни на одномъ пунктѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, она совершенно вошла въ quasi-научный обиходъ. Б. Н. Чичеринъ, тонко понимающій идею государства и верховной власти, въ разсужденіи объ организаціи ея также увлекается европейскимъ способомъ пониманія *формъ верховной власти*:

„Ограниченная монархія,—послушно повторяетъ онъ,—представляетъ сочетаніе монархическаго начала съ аристократическимъ и демократическимъ. Въ этой политической формѣ выражается полнота развитія всѣхъ элементовъ государства и гармоническое ихъ сочетаніе. Монархія представляетъ начало *власти*,

народъ или его представители начало *свободы*, аристократическое собраніе *постоянство закона*". „Идея государства (будто бы) достигаетъ здѣсь высшаго развитія" [1].

А казалось бы, никто лучше пр. Чичерина не могъ бы понимать всей фантастичности такой характеристики, если бы нашъ ученый имѣлъ силу удержаться на логикѣ *собственной* мысли. Но ходячія идеи имѣютъ силу непреоборимую. Возьмемъ, напримѣръ, учебникъ проф. А. С. Алексѣева [2]. Лекціямъ московскаго профессора нельзя отказать въ большихъ достоинствахъ повсюду, гдѣ онъ является *свободнымъ* отъ чужихъ мыслей. Какъ *русскій* государственникъ онъ старается быть истолкователемъ дѣйствительныхъ фактовъ, изучаемыхъ на *исторической почвѣ*, но въ изложеніи *общаго* государственнаго права повторяетъ теоріи, просто изумительныя, какъ будто это говоритъ совершенно иной человѣкъ.

Вотъ что даемъ мы подъ видомъ науки, какъ только попадаемъ подъ вліяніе европейскихъ взглядовъ:

„Въ государствѣ *стараго* порядка, типомъ котораго можетъ служить французская монархія XVII вѣка, вся полнота *верховной власти* сосредоточивалась *въ одномъ лицѣ*, и эта власть поэтому (?!) была личною и надзаконною. *Современное же государство такой власти не знаетъ и распредѣляетъ основныя функціи государственной власти между нѣсколькими органами, изъ которыхъ поэтому ни одинъ не обладаетъ неограниченною властью и каждый находитъ свой предѣлъ въ конституціи другихъ органовъ*". „*Въ современномъ государствѣ каждая функція государственной власти имѣетъ свой, ея природѣ соотвѣтствующій органъ, и*

---

[1] Б. Чичеринъ. *Основы Госуд. Науки*, т. I. Нельзя сказать, чтобы нашъ ученый не видѣлъ существенныхъ сторонъ „*чистой монархіи*". „Изо всѣхъ политическихъ формъ,—говоритъ онъ,—это та, которая представляетъ во всей полнотѣ единство государственной воли, а съ тѣмъ вмѣстѣ и единство государственнаго союза". „Чистая монархія, говоритъ онъ, представляетъ и высшій нравственный порядокъ. Здѣсь верховная власть независима отъ воли народной; поэтому здѣсь господствуетъ начало обязанности или подчиненія высшему порядку". Другими словами, слѣдовало бы сдѣлать выводъ что чистая монархія представляетъ самое чистое выраженіе вообще *государственной идеи*. Но Б. Н. Чичеринъ тутъ же замѣчаетъ: „Что касается до начала *свободы*, то оно въ этой государственной формѣ проявляется только (?) въ подчиненныхъ (??) сферахъ". Замѣчаніе мудреное! Какъ сказано выше, эта злополучная „свобода" именно и сбиваетъ съ толку современныхъ государственниковъ.

[2] *Русское государственное право*, Москва. 1895 г. Ниже я, впрочемъ, вспоминаю тѣ же лекціи изданія 1891 года.

каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ свою самостоятельную, закономъ гарантированную компетенцію". Для установленія единства дѣйствій этой разсыпанной храмины власти: „Основный принципъ конституціоннаго (оно же „современное") государства гласитъ, что *новое право не создается одностороннею волей правителя, а можетъ состояться лишь въ формѣ закона*".

Это „современное" государство разсматривается, какъ *универсальное*:

„Если прежде политическій строй народа слагался лишь изъ элементовъ, вырабатывавшихся на его родной почвѣ, то въ новое время этотъ строй нерѣдко искусственно насаждается по образцу конституцій другихъ народовъ и сразу даетъ народу то, что другимъ доставалось вѣками многотрудной исторической жизни. Конституціонныя учрежденія слагались на англійской почвѣ цѣлыми вѣками. Но съ тѣхъ поръ, какъ ими *овладѣла наука* (не наоборотъ-ли: *они* овладѣли наукой?) и они породили политическія теоріи, которыя проповѣдывались выдающимися умами Англіи, Франціи и Германіи, а государственный строй этихъ послѣднихъ странъ рушился подъ напоромъ новыхъ потребностей, новыхъ идей и новыхъ воззрѣній, тогда они послужили образцами, по которымъ были преобразованы въ сравнительно короткое время большинство европейскихъ государствъ". Въ противность будто бы прошлому, нынѣ „политическая доктрина является самостоятельною силой, подчиняющею своему владычеству культурные народы, *нивеллирующею* политическій бытъ и распространяющею на нихъ сѣть однообразныхъ учрежденій" [1].

IX.

Отсутствіе „новизны" въ основныхъ силахъ политики.—Ученіе Полибія.

Не стану умножать выписокъ. Приведенныя достаточно характеризуютъ идею, рвущуюся къ намъ изъ Европы и не встрѣчающую отпора въ нашей наукѣ. Оставаясь въ предѣлахъ *частностей* собственно русскихъ особенностей права, наши ученые проявляютъ иногда живую силу наблюденія и мысли. Не мало превосходныхъ страницъ даетъ, напримѣръ, Романовичъ-Славатинскій, или цитированные Б. Н. Чичеринъ и самъ А. С. Алексѣевъ. Но переходя къ *общему*, къ установкѣ основъ и принциповъ, мы лишь послушно излагаемъ чужія теоріи, если и не превра-

---

[1] Лекціи 1891 года.

щаясь въ ихъ *послѣдователей*, какъ А. Градовскій и даже Андреевскій, то безъ всякой силы стать на почву критики. А между тѣмъ вся теорія „современнаго" европейскаго государства слаба до послѣдней степени.

Что̀ говоритъ она намъ?

„Современное" государство характеризуется тѣмъ, что, во-первыхъ, его верховная власть представляетъ *сочетаніе* различныхъ принциповъ власти, чѣмъ будто бы обезпечивается законность и свобода; во-вторыхъ, что это есть наиболѣе *совершенное* государство; въ-третьихъ, что оно *универсально*, то-есть, приложимо ко всѣмъ странамъ; въ-четвертыхъ, насъ увѣряютъ, что *теперь* „въ наше время, когда лучъ цивилизаціи..."—все идетъ къ *нивеллировкѣ*, и, въ пятыхъ, что все это необычайно ново и составляетъ изобрѣтеніе культурной Европы.

И, однако же,—все что̀ въ характеристикѣ „современнаго" государства, дѣйствительно, *научно*, то есть, выражаетъ точное наблюденіе фактовъ, прежде всего *не ново*. Не только не новы факты, но не ново ихъ пониманіе. Такъ гипотеза сочетанныхъ формъ власти—очень давняя и въ „настоящее время" не стала даже, къ сожалѣнію, яснѣе, чѣмъ была у Полибія или Цицерона. Не только не новъ переходъ отъ однѣхъ формъ власти къ другимъ, но и самая формулировка этой „эволюціи". Въ этомъ отношеніе эмпирическое ученіе Полибія даже глубже и стройнѣе, нежели „современныя".

Болѣе 2.000 лѣтъ тому назадъ (около 200 лѣтъ до Р. Х.) онъ развивалъ свое ученіе о политическихъ формахъ. Признавая, вслѣдъ за Аристотелемъ, три основныя формы (монархію, аристократію и демократію), онъ такъ представлялъ ихъ послѣдовательную смѣну.

Въ обществѣ еще не благоустроенномъ или пришедшемъ въ разстройство, *власть* составляетъ удѣлъ *силы*. Это наше современное droit de plus fort. Но въ самыхъ столкновеніяхъ между людьми неизбѣжно вырабатываются понятія о честномъ, безчестномъ, справедливомъ,несправедливомъ. Главы и старѣйшины стараются поэтому управлять скорѣе правосудіемъ, нежели силой. Полибій, самъ уроженецъ греко-персидскаго міра, не могъ не знать живыхъ примѣровъ этого, въ родѣ исторіи возвышенія Дейока. Такія-то популярныя своимъ правосудіемъ лица, говоритъ онъ, создаютъ *монархію*. Она держится, пока сохраняетъ свой нравственный характеръ. Теряя его, она вырождается въ *тиранію*. Тогда является необходимость низверженія тирана, что̀

и производится лучшими, вліятельнѣйшими людьми. Наступаетъ эпоха *аристократіи*. Конецъ аристократіи является тогда, когда она вырождается въ *олигархію*, протестомъ противъ которой является власть народа—*демократія*. Ея вырожденіе, въ свою очередь, создаетъ невыносимую *охлократію*, господство толпы, которая снова приводитъ общество въ хаосъ. Тогда спасеніемъ является снова возстановленіе *единовластія*.

Такъ представлялъ себѣ Полибій круговую эволюцію политической смѣны формъ. Отсюда же онъ выводилъ свое ученіе о *сложныхъ* формахъ власти. Такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ свои недостатки, то мудрѣйшіе законодатели, говоритъ онъ, думали отвратить это неизбѣжное зло *сочетаніемъ* трехъ основныхъ формъ, чтобъ исправлять недостатки одной—достоинствами другихъ. Какъ на образчикъ этого Полибій указываетъ на конституцію Ликурга въ Спартѣ. Еще болѣе удачнымъ сочетаніемъ онъ считаетъ устройство Рима, въ которомъ консулы представляли, по его мнѣнію, элементъ монархическій, сенатъ—аристократическій, а народныя собранія и трибунатъ—демократическій.

Намъ нѣтъ надобности входить въ критику политическаго ученія Полибія и Цицерона, его раздѣлявшаго. Я хотѣлъ только напомнить общеизвѣстный примѣръ того, какъ мало новизны въ нашей *современности*. То же самое должно сказать и о фактѣ *представительства*, которое извѣстно съ древнѣйшихъ временъ, какъ это признаютъ и современные изслѣдователи политическихъ учрежденій. Если Спенсеръ въ доказательство ихъ распространенности въ классическомъ мірѣ ссылается на Дюрюи, то, въ свою очередь чисто политическіе изслѣдователи могли бы сослаться на примѣры, собранные изслѣдователями первобытныхъ обществъ. Вообще къ предположенію *новизны* политическихъ учрежденій всегда должно относиться съ большею осторожностью. Большею частью мы усматриваемъ новизну формъ только по непониманію внутренняго смысла силъ, ихъ создающихъ.

X.

Общіе признаки верховной власти. Ученіе Руссо.—Ошибки конституціонной теоріи.—Воображаемое сочетаніе „единства“ изъ противуположностей.

Только небрежностью анализа, зависящею отъ недостаточнаго пониманія, объясняется идея будто бы *сочетанной верховной власти*. *Верховная власть* всегда проста, всегда принадлежитъ какому-либо *одному* началу. Такъ было въ древности, такъ есть и теперь, въ Россіи, въ Европѣ и гдѣ бы-то ни было.

Нигдѣ и никогда *верховная власть* не бываетъ сложною: она всегда проста и основана на одномъ изъ трехъ вѣчныхъ принциповъ: монархіи, аристократіи или демократіи. Наоборотъ, въ *управленіи* никогда не дѣйствуетъ какой-либо одинъ изъ этихъ принциповъ, но замѣчается всегда одновременное присутствіе *всѣхъ* ихъ, такъ или иначе организуемыхъ верховною властью. Современное государство не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего новаго и исключительнаго, а лишь воспроизводитъ вѣчный законъ политическаго строенія обществъ. Ошибочныя въ этомъ отношеніи понятія порождаются лишь забвеніемъ того что организація *верховной власти* и организація управленія вовсе не одно то же, и по самой природѣ общества слагаются неодинаково.

Чтобы видѣть ошибочность точки зрѣнія конституціоннаго права, достаточно вспомнить *общіе* признаки верховной власти.

По прекрасной формулировкѣ Чичерина, [1] верховная власть— *едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безотвѣтственна, вездѣ присуща* и есть *источникъ всякой государственной власти*. „Совокупность принадлежащихъ ей правъ есть *полновластіе* (Machtvollkommenheit), какъ внутреннее, такъ и внѣшнее. Юридически она ничѣмъ не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы былъ высшій судья, то ему бы принадлежала верховная власть. Она—верховный судья всякаго права... Словомъ, это власть въ юридической области полная и безусловная. Эта полнота власти называется иногда *абсолютизмомъ государства* въ отличіе отъ абсолютизма князя. Въ самодержавныхъ правленіяхъ монархъ потому имѣетъ неограниченную власть, что онъ единственный представитель государства какъ цѣлаго союза. Но и во всякомъ другомъ образѣ правленія *верховная власть точно также неограничена*... Это полновластіе неразлучно съ самымъ существомъ государства“.

Возражая на мнѣніе о возможности ограниченія ея, Чичеринъ совершенно справедливо отвѣчаетъ:

„Всякія ея ограниченія могутъ быть только нравственныя, а не юридическія. Будучи юридически безграничною, верховная власть находитъ предѣлъ какъ въ *собственномъ нравственномъ сознаніи, такъ и въ совѣсти гражданъ*“.

Точнѣе было бы сказать, что она ограничена содержаніемъ того идеократическаго элемента, который выражаетъ и для вы-

---

[1] Основы, т. I, стр. 60—62.

раженія котораго признана *верховною*. Выходя изъ этихъ предѣловъ, она становится узурпаторскою, *незаконною*. Оставаясь же въ нихъ,—ничѣмъ, кромѣ содержанія собственной идеи, не ограничена.

Ученіе о якобы возможномъ ограниченіи верховной власти идетъ, какъ замѣчаетъ Чичеринъ, „отъ французской революціи". Но тутъ необходима серіозная оговорка.

Это ученіе, лишенное философской государственной мысли, явилось собственно въ результатѣ *компромисса* между революціонною идеей и практическимъ здравымъ смысломъ. Оно было созданіемъ не разума, а страха передъ собственною идеей „новаго строя", изъ желанія чѣмъ-нибудь связать безшабашную „волю" новаго „самодержца" охлократіи. Но чистая революціонная идея, будучи фантастичною по существу, вовсе не страдала этой нелогичностью „либерализма".

Дѣйствительный философъ ожидавшагося новаго строя, Ж. Ж. Руссо, не боящійся своихъ идеаловъ,—а потому сохраняющій свободу своего разума, совершенно присоединяется къ опредѣленіимъ логичныхъ *государственниковъ* (но не либеральныхъ конституціоналистовъ).

„По той же причинѣ, по какой *Souveraineté* (верховная власть) неотчуждаема, говоритъ онъ, — она и *недѣлима* (indivisible, то есть едина)". Законъ, объясняетъ онъ, есть воля этого *Souverain*. Наши политики, язвительно замѣчаетъ онъ по адресу уже зародившихся конституціоналистовъ англоманской школы Монтескье, не имѣя возможности раздѣлить верховную власть въ принципѣ, разбиваютъ ее въ проявленіяхъ и дѣлаютъ изъ Souverain фантастическое существо, въ родѣ того, какъ если бы составить человѣка изъ нѣсколькихъ тѣлъ, изъ которыхъ одно имѣетъ только глаза, другое только руки, третье ноги и больше ничего. Руссо не только насмѣхается надъ этими „японскими фокусниками", но прямо заявляетъ, что ихъ ухищренія происходятъ отъ недостатка *точности* наблюденія и разсужденія [1]. Только въ *правительствѣ* (то-есть, по усвоенной мною терминологіи *въ управленіи)* Руссо допускаетъ, да и то съ оговорками, „смѣшанныя" формы власти, именно въ видахъ ихъ взаимнаго ограниченія.

Ясно, впрочемъ, что такія ограниченія лишь обезпечиваютъ еще болѣе самодержавіе собственно верховной власти, такъ

[1] Contrat Social, кн. II.

какъ предотвращаютъ возможность всякой узурпаціи со стороны подчиненныхъ правительственныхъ силъ.

Такимъ образомъ Руссо дѣлаетъ конституціоналистамъ своего времени совершенно тотъ же упрекъ, который приходится сдѣлать современнымъ государственникамъ.

Когда приходится разсуждать *вообще*, они ясно понимаютъ смыслъ верховной власти. Но изъ потребности теоретически оправдать свое „современное“ государство,—они составили совершенно фантастическое понятіе „сложнаго субъекта“ верховной власти.

„*Единство* верховной власти, гласитъ эта теорія, нисколько не нарушается тѣмъ, что носителями ея являются *нѣсколько* органовъ, какъ это мы видимъ въ конституціонной монархіи. Верховная власть въ конституціонной монархіи, гдѣ существуетъ нѣсколько органовъ, столь же едина, какъ и въ абсолютной“. Почему же? Потому, объясняетъ теорія, что эти нѣсколько органовъ только *въ совокупности* составляютъ верховную власть. „Законъ, какъ выразитель *единой* государственной воли, не можетъ составиться иначе, какъ совокупнымъ дѣйствіемъ короля и парламента [1]“.

Тутъ, очевидно, однако, колоссальное недоразумѣніе. „Субъектомъ“ верховной власти можетъ, конечно, быть *коллективность*, но лишь въ томъ случаѣ, если она все же представляетъ какой-либо *одинъ* принципъ. Здѣсь же *единую волю*, всѣмъ управляющую, воображаютъ „сочетать“ изъ нѣсколькихъ воль, выражающихъ *противоположные* принципы. Но совершенно ясно, что такое „сочетаніе“ плюсовъ и минусовъ создаетъ въ нѣдрахъ „единой государственной воли“ вѣчную *борьбу*, исключающую всякую возможность искомаго *единства*.

XI.

Причины современныхъ ошибокъ.—Различіе между верховной властью и управленіемъ.—Неизбѣжная сочетанность органовъ управленія.—Неизбѣжное единство принципа верховной власти.

Недоразумѣніе, благодаря которому люди не замѣчаютъ столь очевидной истины, состоитъ въ недостаточномъ вниманіи къ существенному различію между *верховною властью* и создаваемымъ ею *правительствомъ*, между *Souverain* и *Gouvernement*;

[1] Алексѣевъ, стр. 130.

различію, столь твердо устанавливаемому Ж. Ж. Руссо. Это забвеніе тѣмъ страннѣе, что сама же конституціонная теорія создала понятіе о нѣкоторой пышно разодѣтой куклѣ, которая „regne mais ne gouverne pas“. Въ такія куклы обряжали королей, обряжаютъ и „самодержавный народъ“.

Въ дѣйствительности политическихъ силъ такой верховной власти, которая бы лишь „царствовала“, а не „управляла“ не только нѣтъ, а и быть не можетъ. Но въ то же время нѣтъ верховной власти, которая бы не призывала къ управленію, ею создаваемому,—другихъ, подчиненныхъ общественныхъ силъ. Верховная власть, сила „царствующая“, *Souverain*,—такъ-сказать,—управляетъ управляющими, и весь вопросъ хорошаго политическаго строя въ томъ, чтобы это царственное управленіе силами правительственными не было фиктивнымъ (какъ это особенно часто бываетъ въ демократіяхъ).

Политическіе мыслители современности прекрасно знаютъ факты, которые способны освѣтить отношеніе между верховною властію и управленіемъ. Такъ они указываютъ, что „въ дѣйствительной жизни нѣтъ примѣра, чтобы государство въ цѣломъ состояло только изъ монархическихъ, аристократическихъ или демократическихъ элементовъ“. Въ дѣйствительности политическія тѣла представляютъ сооруженія „*смѣшанныхъ стилей*“. Это „смѣшеніе стилей объясняется тѣмъ, что монархія, аристократія и демократія *опираются на свойства, составляющія* неотъемлемую принадлежность каждаго общежитія“. Поэтому „въ государствахъ является не полная однородность элементовъ, а только *преобладаніе* одного надъ остальными“ [1].

Это совершенно вѣрное наблюденіе. Но оно вѣрно лишь до тѣхъ поръ, пока не приписываетъ *верховной власти* того, что составляетъ принадлежность *общества*, и въ государство переходитъ изъ общества въ той мѣрѣ, въ какой этого требуетъ принципъ, получившій въ данномъ государствѣ функцію верховной власти.

Дѣло собственно состоитъ въ слѣдующемъ. Въ человѣческомъ обществѣ многоразличны элементы *силы*, вліянія на окружающее. Вся жизненность управленія зависитъ отъ умѣнія пользоваться внутреннею связью, которая на тысячѣ пунктовъ существуетъ между государствомъ и территоріальными, классовыми,

[1] Н. А. Звѣревъ, „Основанія классификаціи государствъ“, анализъ ученія Рошера и другихъ.

сословными, родовыми и т. д. союзами, создаваемыми общественной жизнью. Тутъ существуетъ множество центровъ вліянія, основанныхъ на различныхъ способахъ *имѣть власть*, а потому въ многоразличныхъ проявленіяхъ постоянно живутъ всѣ принципы власти. Они не исчезаютъ никогда и нигдѣ, какъ не исчезаютъ различнаго рода организаціи, возникающія на ихъ основѣ, и для жизни *соціальной* всѣ, въ своемъ родѣ, необходимыя. Но когда возникаетъ *государство*—это означаетъ, что возникаетъ идея нѣкоторой *верховной власти*, не для уничтоженія частныхъ силъ, но для ихъ регулированія, примиренія и вообще соглашенія. Безъ такой владычествующей силы частныя силы, по самой противоположности своей идеи, обречены на борьбу. Смыслъ верховной власти состоитъ въ общемъ *обязательномъ* примиреніи.

Поэтому-то верховная власть, по самой идеѣ своей, можетъ быть основана лишь на какомъ-либо *одномъ* простомъ принципѣ. На какомъ именно? Политическій геній различныхъ народовъ и въ разныя эпохи ихъ существованія неодинаково это рѣшаетъ. Онъ выбираетъ иногда основу демократическую, иногда аристократическую или монархическую, но всегда какую-либо *одну*. Иначе быть не можетъ и не бываетъ. Ибо сочетаніе нѣсколькихъ основъ власти лишило бы *верховную власть* единства идеи, т. е. нарушило бы самую цѣль учрежденія государства.

Какъ бы мы ни комбинировали различныя силы для достиженія ихъ согласнаго дѣйствія, мы не можемъ предупредить ихъ *столкновенія*. Это столкновеніе даже необходимо, ибо живые принципы вѣрятъ, и должны вѣрить, въ свою правоту, а слѣдовательно *должны* стремиться каждый къ возможно большему господству надъ обществомъ. Уничтоженіе такого стремленія означало бы исчезновеніе въ нихъ живой силы. Посему столкновеніе ихъ и борьба неизбѣжны и полезны. Но общество должно имѣть учрежденіе, которое бы не допускало такого столкновенія до междуусобія, не позволяло полезной степени борьбы переходить въ степень опасную или даже смертельную для общества. Такимъ учрежденіемъ является государство и его *верховная власть*.

Если бы верховная власть была *сочетаніемъ* различныхъ основъ власти, то ихъ борьба неизбѣжно возникала бы и здѣсь. Кто же бы тогда явился примирителемъ ея? Свободное соглашеніе? Но государство только и основано по той причинѣ, и на тотъ случай, когда *нѣтъ* свободнаго соглашенія.

Во всѣхъ случаяхъ, когда свободное соглашеніе возможно, въ государствѣ нѣтъ надобности. Когда же соглашеніе свобод-

ное невозможно, верховная власть государства можетъ выступить въ качествѣ судьи только ставъ на *высшую* точку зрѣнія, *свою собственную*, единую, свободную отъ опасности внутреннихъ противурѣчій.

Если бы въ государствѣ *верховная власть* состояла изъ нѣсколькихъ элементовъ, то общество никогда не могло бы быть увѣрено въ томъ, что оно обладаетъ верховною властью. Такая власть являлась бы, когда ея составные элементы пришли въ согласіе, и исчезала бы каждый разъ, когда они входятъ въ столкновеніе. Но гдѣ же тогда „постоянство", „непрерывность" дѣйствія верховной власти? При „сочетанной" власти преобладаніе поперемѣнно получалъ бы то одинъ, то другой принципъ, а общество лишалось бы стройности и опредѣленности управленія. Но тогда—нѣтъ никакой пользы отъ государства да нѣтъ и самаго государства. Оно какъ учрежденіе постоянное при этомъ исчезаетъ, и общество само не знаетъ, въ какую минуту оно имѣетъ государство, въ какую нѣтъ.

Посему *верховная власть* всегда основана на *одномъ* принципѣ, поставленномъ выше всѣхъ остальныхъ. Это не одно требованіе логики, но также историческій фактъ. Въ верховной власти всегда владычествуетъ *одинъ* какой-либо принципъ. Остальные—хотя и сохраняются въ государствѣ какъ дѣйствующія силы управленія, но уже являются *подчиненными*, безъ значенія власти собственно *верховной*, имѣющей послѣднее слово рѣшенія. Только поверхностность анализа порождаетъ мнѣнія о будто бы „сложной" верховной власти. Ея нѣтъ.

Въ „современныхъ" конституціонныхъ государствахъ точно также нѣтъ сочетанной, сложной *верховной* власти, а есть лишь сложная управительная власть. Конституціонные „монархи" и ихъ верхнія и нижнія палаты, по существу современныхъ идей, составляютъ власть лишь *делегированную*; дѣйствительную же верховную власть имѣетъ *народъ*, численное большинство. Въ новѣйшей исторіи конституціонныхъ странъ мы *всегда* видимъ, какъ въ случаѣ столкновеній между делегированными властями, рѣшающимъ элементомъ является *масса народа*, peuple Souverain, иногда посредствомъ голосованій, иногда посредствомъ революцій, или посредствомъ „мирныхъ манифестацій", которые въ политикѣ имѣютъ значеніе *угрозы революціей*.

То что современные представители государственнаго права считаютъ „конституціонною" формой проявленія, сочетающею будто бы различные элементы въ одной верховной власти, есть

такимъ образомъ въ дѣйствительности ничто иное какъ еще не вполнѣ организованная демократія. Она уже побѣдила въ сознаніи народовъ, она уже стала фактически *верховною властью*, но еще пока не выбросила изъ числа своихъ делегированныхъ властей остатковъ монархіи и аристократіи, еще не замѣнила этихъ обломковъ прежняго устройства одной палатой народныхъ представителей. Въ передовыхъ радикальныхъ программахъ вообще и требуютъ поэтому *единой* палаты.

Но если бы даже опытъ и практика показали, что народу удобнѣе раздѣлить своихъ „управляющихъ" на нѣсколько самостоятельныхъ учрежденій въ видѣ президента, и двухъ или даже болѣе палатъ, то это нисколько не измѣняетъ положенія дѣла. *Верховною властью* современныхъ странъ является во всякомъ случаѣ именно *демократія*, и въ настоящее время мы, подобно всѣмъ другимъ моментамъ исторіи, видимъ, что собственно верховною властью является *одинъ* и *простой* принципъ, а никакъ не сочетаніе нѣсколькихъ и не какой-нибудь составившійся изъ нихъ сложный.

Сочетаніе же и усложненіе происходитъ, какъ всегда, лишь во власти *управляющей*, приводящей руководящую волю верховной власти въ возможное практическое осуществленіе. Какъ выражается профессоръ Романовичъ-Славатинскій: „Въ каждомъ государствѣ, каковъ бы ни былъ его образъ правленія, существуетъ извѣстная система властей и учрежденій, *исторически* слагавшаяся и имѣющая своеобразную организацію. Какъ ни различаются между собой эти власти и учрежденія, они слагаются изъ *Верховной власти*, изъ *властей* ей *подчиненныхъ*, и изъ участвующаго въ управленіи государствомъ *народа*, въ большей или меньшей степени обусловливаемой установившимся въ странѣ образомъ правленія" [1].

Эта формула прекрасно рисуетъ дѣйствительное строеніе государства, которое не уничтожаетъ общества, а лишь верховно его организуетъ, а посему допускаетъ подъ своимъ верховнымъ руководствомъ дѣйствіе всѣхъ его природныхъ силъ, для чего — вводитъ ихъ въ систему *управленія*. Государство это дѣлаетъ даже по необходимости, ибо вводя остальные элементы власти въ систему своего управленія оно ихъ тѣмъ самымъ *подчиняетъ* своему надзору и руководству, а не оставляетъ ихъ таиться въ обществѣ въ качествѣ силъ внѣзаконныхъ и бунтующихъ.

---

[1] „Система русскаго государственнаго права".

Давая имъ въ различныхъ отрасляхъ управленія мѣсто, наиболѣе свойственное ихъ природѣ, верховная власть достигаетъ также болѣе совершенной организаци управленія. Но не должно забывать, что вся эта спеціализація происходитъ не въ самой *Верховной власти*, а лишь въ создаваемыхъ ею *органахъ управленія*. Въ нихъ, и только въ нихъ, происходитъ раздѣленіе и сочетаніе, которыя столь сбиваютъ съ толку „современное" государственное право. Всѣ эти раздѣленія и сочетанія только потому и возможны въ видѣ гармоническомъ, безъ погруженія общества въ анархію, что надъ ними всегда возвышается въ видѣ живой и дѣятельной силы какой-либо *одинъ*, простой и нераздѣльный принципъ, въ качествѣ *власти верховной*.

XII.

Дѣйствительный смыслъ „современнаго" государства.—Демократія въ новыхъ условіяхъ.—Важность яснаго пониманія идеи верховной власти.

Этотъ общій законъ политики остается присущъ „современному" государству точно также какъ древнему, или будущему. Въ зависимости отъ идеаловъ нашихъ, можно считать современный конституціонный строй болѣе или менѣе совершеннымъ или несовершеннымъ, но во всякомъ случаѣ похвалы или порицанія ему расточаемые, относятся именно къ *демократическому* принципу. Если же обсуждать „новизну" этого строя, то она состоитъ не въ чемъ-либо принципіальномъ и существенномъ, а лишь въ *обстановкѣ* примѣненія демократической идеи.

Дѣйствительная „современность" и временная „новизна" ея состоитъ лишь въ томъ, что XVIII—XIX вѣкъ *прилагаетъ демократическій принципъ на почвѣ пропитанной монархическо-аристократическими традиціями* и *въ такихъ матеріально-экономическихъ условіяхъ, при которыхъ государство должно объединять огромныя территоріи и многомилліонныя націи.*

Удачно ли положенъ именно демократическій принципъ въ основу устроенія такихъ государствъ? Полагаю, что вовсе неудачно.

Намъ говорятъ о наибольшемъ совершествѣ этого строя. Но утверждающіе это предварительно должны бы разсмотрѣть обстоятельно сравнительныя свойства различныхъ основъ верховной власти. „Современныя" же конституціонныя ученія до сихъ поръ никакъ не могутъ даже понять предмета своего наблюденія, не умѣютъ разсмотрѣть самаго обыкновеннаго *демократизма* подъ своимъ воображаемымъ „новымъ строемъ".

Намъ говорятъ о его свободѣ и законности. Но вопросъ сводится къ тому, обезпечиваетъ ли *свободу* и *законность* власть *массы*, болѣе чѣмъ какая-либо другая власть? Кто хочетъ можетъ этому вѣрить, но обязательно сначала понимать, что, рекомендуя „современное государство“, мы рекомендуемъ не иное что какъ именно *верховную властъ массы.*

Намъ говорятъ объ „универсальности“ этого строя и ставятъ предъ нами идеалъ всеобщей „нивеллировки“, подъ вліяніемъ чужихъ „доктринъ“...

Но все это *не ново.* Всѣ основныя формы *универсальны.* Въ зародышѣ *всѣ* элементы, изъ коихъ развивается верховная власть различныхъ типовъ, существуютъ у всѣхъ народовъ, во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Вездѣ они могутъ и развиваться. Возможно при извѣстныхъ условіяхъ появленіе демократіи въ Россіи, возможно появленіе монархіи въ Америкѣ.

Чужая „доктрина“ вездѣ и всегда играла свою роль въ такихъ превращеніяхъ. Развѣ половина Греціи не организована была выходцами изъ чужихъ странъ? Развѣ идеи персидской монархіи не повліяли на возникновеніе Македонской? Развѣ,въ Европѣ, доктрина *легистовъ* не организовала французскую монархію? Вліяніе чужой *доктрины* всегда замѣчалось въ политической области, какъ сферѣ наиболѣе *сознательнаго* соціальнаго творчества. Но потому то *наука* и должна относиться къ политическимъ доктринамъ съ серьезною критикою. Къ *совершенствованію* ли ведутъ современныя доктрины или грозятъ обществу упадкомъ? Серьозная отвѣтственность лежитъ на наукѣ, если она не умѣетъ въ оцѣнкѣ этого стать выше ходячихъ мнѣній толпы.

Если мы вспомнимъ, что организація *верховной власти* есть основа политическаго творчества, то поймемъ, до какой степени важно правильное пониманіе учрежденій *верховной власти.* Это самый центръ сознательнаго творчества человѣка въ обществѣ. Ошибочно поставивъ свое отношеніе къ *верховной власти,* мы уже тѣмъ самымъ предрѣшаемъ ошибку за ошибкой во всемъ остальномъ.

XIII.

Три вѣчные принципа верховной власти.—Ученіе Аристотеля.—Попытки поправокъ.—Ихъ невозможность.—Аксіоматическая несомнѣнность трехъ принциповъ верховной власти.

Предыдущія разсужденія показываютъ, что понятіе о „сочетанной“ *верховной* власти, основанное только на рядѣ недо-

разумѣній, должно быть совершенно отброшено. Въ построенія государства, въ качествѣ верховной власти, постоянно является лишь одинъ простой принципъ, при выборѣ котораго человѣчество вращается исключительно въ кругѣ трехъ основныхъ началъ: *монархіи, аристократіи* и *демократіи.*

Всѣ эти основныя начала всегда существовали и давно общеизвѣстны; анализъ политическихъ писателей, со временъ Аристотеля, доселѣ не открываетъ ничего кромѣ ихъ. Попытки измѣненія Аристотелевой классификаціи каждый разъ оказываются произвольными, подсказанными какою-либо практическою тенденціей. Такъ Монтескье неудачно пытался выдѣлить деспотію въ *особую* форму государства, изъ очевиднаго желанія реабилитировать современную ему французскую монархію. Такъ Блюнчли пробовалъ прибавить къ Аристотелевымъ подраздѣленіямъ четвертую форму „теократіи", столь же произвольно, изъ яснаго желанія покрѣпче утвердить „свѣтскій" характеръ *современнаго* государства. Прибавки этой никакъ нельзя принять. Нельзя не видѣть, что „теократіи" всегда бываютъ только либо демократіей, либо монархіей, либо чаще всего аристократіей. Онѣ отличаются отъ другихъ монархій или аристократій не *политически,* а только *содержаніемъ своего идеократическаго элемента,* въ чемъ могутъ быть различны между собой и другія монархіи или республики. Стало быть, теократія сама-по-себѣ никакой *особой* политической формы власти не составляетъ. Немудрено, что всѣ эти неудачныя прибавки не принимаются въ наукѣ.

Какъ неизбѣженъ остается Аристотель,—любопытный образчикъ этого представляетъ изслѣдованіе Н. А. Звѣрева [1]. Трудъ этотъ тѣмъ болѣе поучителенъ, что данныя политики сведены въ немъ съ данными соціологіи и освѣщены общею философскою мыслью. Къ чему же мы приходимъ?

Классификація Аристотеля, выраженная въ современной терминологіи [2], какъ извѣстно, такова:

Онъ признаетъ три основныя государственныя формы, которыя могутъ быть или правомѣрными (когда имѣютъ въ виду благо государства) или извращенными (когда имѣютъ въ виду благо правителя). Такимъ образомъ получаемъ:

1) *Монархію,* способную извращаться въ *тираннію.*

---

[1] *Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи.* Москва, 1883.

[2] То-есть называя *политіею* Аристотеля, по нынѣшнему, *демократіей,* а его *демократію,*—по нынѣшнему *охлократіей.*

2) *Аристократію*, способную извращаться въ *олигархію.*

3) *Демократію*, способную извращаться въ *охлократію.*

Подвергая критикѣ всѣ поправки, предложенныя въ разныя времена и отвергая ихъ, а также показывая, что попытки новыхъ классификацій или несостоятельны, или только воспроизводятъ въ замаскированномъ видѣ того же Аристотеля, профессоръ Звѣревъ считаетъ возможнымъ, соединяя результаты 2.000 лѣтъ работы, остановиться на такой классификаціи:

А. *Простыя формы* (съ нераздѣльными органами верховной власти):

a) Монархія.

b) Аристократія.

c) Демократія.

В. *Сложныя формы* (верховный органъ коихъ дѣлится на составныя части):

a) Монархическія.

b) Аристократическія.

c) Демократическія.

Нельзя однако не сказать, что *простота* или *сложность* можетъ составлять лишь внѣшній наглядный признакъ, а никакъ не объяснять самаго *содержанія*. Стало быть для выясненія *содержанія* государственныхъ формъ, мы должны изобразить формулу профессора Звѣрева нѣсколько иначе, и получимъ, что основными формами являются:

1) Монархія: a) съ нераздѣльными органами, b) съ раздѣльными органами.

2) Аристократія: a) съ нераздѣльными органами, b) съ раздѣльными органами.

3) Демократія: a) съ нераздѣльными органами, b) съ раздѣльными органами.

Итакъ, мы снова находимся въ чистой классификаціи Аристотеля, особенно если вспомнимъ, что *раздѣльнаго* органа собственно *верховной власти* въ дѣйствительности нѣтъ, а есть только раздѣльные органы управленія, такъ что, стало быть, это есть второстепенный, а не основной признакъ классификаціи.

Вообще 2.000 лѣтъ политическая наука и прямо и косвенно только подтверждаетъ Аристотеля. Къ ней присоединяется и соціологія. Весьма поучительны въ этомъ отношеніи размышленія Г. Спенсера.

Говоря о развитіи политическихъ учрежденій, Спенсеръ устанавливаетъ, что общество внутри связано двоякаго рода орга-

низацией: экономическою и политическою. Первая, по его мнѣнію, выростаетъ безсознательно и безъ принужденія, вторая выражаетъ „сознательное преслѣдованіе цѣлей“ и „дѣйствуетъ принужденіемъ“. *Сознательность и власть*, такимъ образомъ, и имъ признается основой государства. Что касается самой власти, то видя ея источникъ въ *народѣ* (и притомъ, примѣняя терминологію Блюнчли, въ „идеократическомъ“ элементѣ), Спенсеръ признаетъ, подобно всѣмъ другимъ наблюдателямъ, что она выражается въ трехъ основныхъ „орудіяхъ“: „деспотизмѣ“, олигархіи“ и „демократіи“ [1]. Понятно, что для обозначенія несимпатичныхъ ему единоличнаго правленія и правленія избранныхъ Спенсеръ употребляетъ лишь такіе „непочтительные“ термины, но какъ *фактъ*—онъ усматриваетъ, какъ видимъ, совершенно то же, что̀ и другіе наблюдатели.

Вообще въ опредѣленіи государства, его основныхъ формъ и даже свойствъ ихъ мы имѣемъ передъ собою совершенно *аксіоматическую* истину, наблюденіе общее, одинаковое, безспорное. Приведу для наглядности еще небольшой образчикъ этого, примѣчательный по древности.

XIV.

Древнія опредѣленія.—Разсказъ Геродота.—Характеристика основныхъ принциповъ власти.

Задолго до самого Аристотеля, Геродотъ въ своей исторіи разсказываетъ о диспутѣ на собраніи персовъ, низвергнувшихъ лже-Смердиса. Безумный деспотизмъ Камбиза и самозванство лже-Смердиса, вызвавшее необходимость возстанія, очень потрясли монархическія чувства персовъ. Между ними явились мысли объ измѣненіи формы правленія въ государствѣ, которое, освободившись отъ самозванца, оставалось безъ законнаго наслѣдника трона и безо всякаго правительства.

„По прошествіи пяти дней, разсказываетъ Геродотъ, когда волненіе улеглось, возставшіе противъ маговъ персы устроили совѣщаніе объ общемъ положеніи государства, при чемъ были произнесены рѣчи, для нѣкоторыхъ эллиновъ сомнительныя, но дѣйствительно сказанныя [2]. Отана (одинъ изъ заговорщиковъ) *предлагалъ*

[1] Г. Спенсеръ: *Развитіе политическихъ учрежденій.*

[2] Геродотъ родился и воспитался въ персидскомъ подданствѣ, и обстоятельства возведенія на тронъ царствующей при немъ династіи, конечно, хорошо ему были извѣстны по свѣжимъ еще преданіямъ, ибо отъ Дарія Гистаспа Геродота не отдѣляло и столѣтіе. Что касается эллиновъ этого момента (вѣкъ Перикла), у нихъ еще не улегся демократическій пылъ и не являлось еще тѣхъ монархическихъ тенденцій, которыя сказались позднѣе и подготовили монархію Александра.

предоставить управленіе государствомъ всѣмъ персамъ. „Я, полагаю, говорилъ онъ, что никому изъ насъ не слѣдуетъ уже быть единоличнымъ правителемъ; это тяжело и непохвально. Вы видѣли до какой степени дошло своеволіе Камбиза, и сами терпѣли отъ своеволія мага (лже-Смердиса). Да и какимъ образомъ государство можетъ быть благоустроеннымъ при единоличномъ управленіи, когда самодержцу дозволяется дѣлать безотвѣтственно все, что̀ угодно? Если бы даже достойнѣйшій человѣкъ былъ облеченъ такою властью, то и онъ не сохранилъ бы свойственнаго ему настроенія. Окружающія самодержца блага порождаютъ въ немъ своеволіе, а чувство зависти присуще человѣку по природѣ. Съ этими двумя пороками, онъ становится порочнымъ вообще. Пресыщенный благами, онъ дѣлаетъ многія безчинства, частію изъ своеволія, частію изъ зависти. Хотя самодержецъ долженъ бы быть свободенъ отъ зависти, потому что располагаетъ всѣми благами, однако, образъ дѣйствій его относительно гражданъ оказывается не таковъ. Онъ завидуетъ самой жизни и здоровью добродѣтельнѣйшихъ гражданъ, напротивъ негоднѣйшимъ изъ нихъ покровительствуетъ, а клеветѣ довѣряетъ больше всего. Угодить на него труднѣе, чѣмъ на кого бы то ни было, ибо если ты восхищаешься имъ умѣренно, онъ не доволенъ за то, что ты недостаточно чтишь его; если же оказываешь ему чрезвычайное почтеніе, онъ не доволенъ тобою, какъ льстецомъ. Но вотъ что еще важнѣе: онъ нарушаетъ искони установившіеся обычаи, насилуетъ женщинъ, казнитъ безъ суда гражданъ. Что касается народнаго управленія, то, во-первыхъ, оно носитъ прекраснѣйшее названіе *равноправія*, во-вторыхъ, правящій народъ не совершаетъ ничего такого, что̀ совершаетъ самодержецъ; на должности народъ назначаетъ по жребію, и всякая служба у него отвѣтственна; всякое рѣшеніе передается на общее собраніе. Поэтому я предлагаю упразднить единодержавіе и предоставить власть народу. *Вѣдь въ количествѣ все*“.

Эта горячая рѣчь персидскаго демократа, который даже въ послѣдствіи согласился на возстановленіе монархіи, только подъ условіемъ, чтобъ *онъ* лично былъ уволенъ отъ всякаго подчиненія царю,—вызвала, однако, возраженія. Мегабазъ выступилъ съ мнѣніемъ за аристократію [1].

„Что касается упраздненія самодержавія, сказалъ онъ, то я

---

[1] У Геродота „*олигархія*“; наша терминологія не совсѣмъ совпадаетъ съ древнею.

согласенъ съ мнѣніемъ Отаны. Но онъ ошибается, когда предлагаетъ вручить власть народу. Въ дѣйствительности, нѣтъ ничего безсмысленнѣе и своевольнѣе негодной толпы; и невозможно, чтобы люди избавили себя отъ своеволія тирана для того, чтобъ отдаться своеволію разнузданнаго народа; ибо если что дѣлаетъ тиранъ, онъ дѣлаетъ хотя со смысломъ, а у народа нѣтъ смысла. Да и возможенъ ли смыслъ у того, кто ничему доброму не учился и не знаетъ, а стремительно безъ толку накидывается на дѣла, подобно горному потоку? Народное управленіе пускай предлагаютъ тѣ, кто желаетъ зла персамъ, а мы выберемъ совѣтъ изъ достойнѣйшихъ людей и имъ вручимъ власть; въ число ихъ войдемъ и мы сами. *Лучшимъ людямъ естественно принадлежатъ и лучшія рѣшенія*".

Въ объясненіе словъ Мегабаза напомнимъ, что совѣщавшіеся дѣйствительно имѣли право считать себя въ числѣ „лучшихъ людей". Они только-что спасли отечество отъ тиранніи, которая угрожала самой *національности* персовъ, и исполнили эту задачу съ мужествомъ и рискомъ, не часто встрѣчающимися. Однако же Дарій, въ то время еще не имѣвшій никакихъ особенныхъ шансовъ быть избраннымъ въ цари, выступилъ противъ мнѣній Отаны и Мегабаза.

„Мнѣ кажется, заявилъ онъ, что мнѣніе Мегабаза о демократіи вѣрно, а объ аристократіи ошибочно. Изъ трехъ предлагаемыхъ намъ способовъ управленія, *предполагая каждый изъ нихъ въ наилучшемъ видѣ*—т. е. наилучшей демократіи, такой же аристократіи и такой же монархіи,—я отдаю предпочтеніе послѣдней. Не можетъ быть ничего лучше единодержавія наилучшаго человѣка. Руководимый добрыми намѣреніями, онъ безупречно управляетъ народомъ. При этомъ вѣрнѣе всего могутъ сохраняться въ тайнѣ рѣшенія относительно внѣшняго врага. Напротивъ, въ аристократіи, гдѣ многія достойныя лица пекутся о благѣ государства, обыкновенно возникаютъ ожесточенныя распри между ними. Такъ какъ каждый изъ правителей добивается для себя главенства и желаетъ дать перевѣсъ своему мнѣнію, то они приходятъ къ сильнымъ взаимнымъ столкновеніямъ, откуда происходятъ междуусобныя волненія, а изъ волненій кровопролитія; кровопролитіе приводитъ къ единодержавію, изъ чего также слѣдуетъ, что единодержавіе наилучшій способъ управленія. Далѣе при народномъ управленіи пороки неизбѣжны, а разъ они существуютъ, люди порочные не враждуютъ *между собой* изъ-за государственнаго достоянія, но вступаютъ въ тѣсную

дружбу; обыкновенно вредные для государства люди дѣйствуютъ противъ него *сообща*. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь одинъ не станетъ во главѣ народа и не положитъ конца такому образу дѣйствій. Вотъ почему подобное лицо возбуждаетъ къ себѣ удивленіе со стороны народа и скоро становится самодержцемъ, тѣмъ еще разъ доказывая, что самодержавіе совершеннѣйшая форма управленія. Сводя все сказанное вмѣстѣ, спросимъ: откуда наша свобода и кто доставилъ намъ ее? Отъ народа ли мы получили ее, отъ олигархіи или отъ самодержца? Я полагаю, что свободными насъ сдѣлалъ одинъ человѣкъ, и потому мы обязаны блюсти единовластіе, равно и потому, что нарушеніе исконныхъ установленій не принесетъ намъ пользы" [1].

Многое ли прибавляютъ нынѣшніе политическіе писатели къ этимъ характеристикамъ различныхъ идеаловъ власти? Изложенная въ современныхъ выраженіяхъ и поясненная современными примѣрами, рѣчь Дарія Гистаспа на современномъ учредительномъ собраніи могла бы всякому оратору доставить славу глубоко проницательнаго политика... И это очень естественно, потому что во всѣхъ *основныхъ* условіяхъ общежитія и политики *новизны* въ существѣ дѣла нѣтъ, государственное творчество старины и современности вѣчно вращается въ кругѣ трехъ основныхъ формъ власти.

XV.

Въ чемъ можетъ быть „новизна" политическихъ явленій. — Появленіе и эволюція разновидностей основныхъ формъ.

Но если основныя начала верховной власти остаются вѣчно однѣ и тѣ же, то это конечно не означаетъ, чтобъ политической наукѣ послѣ Дарія Гистаспа и Аристотеля уже нечего было дѣлать.

Въ политикѣ проявляются общіе законы живыхъ процессовъ. Въ основѣ явленій лежатъ вѣчные *типы*, нѣсколько основныхъ формъ или принциповъ, порождаемыхъ неизмѣнностью законовъ духа человѣческаго и коренныхъ условій общественной жизни. Но при всей неизмѣнности ихъ *по существу*, эти факторы порождающіе политическую власть, представляютъ чрезвычайное разнообразіе частныхъ комбинацій. Монархическая, аристократическая, или демократическая идея вырастаютъ на разной почвѣ

---

[1] *Геродотъ*, кн. III, §§ 80—82.

и, сверхъ того, сами претерпѣваютъ процессъ эволюціи, который слагается подъ вліяніемъ двухъ условій: 1) посредствомъ внутренняго, логическаго развитія самого типа, который, разъ сложившись, имѣетъ стремленіе сдѣлать изъ себя выводы, сообразно своему *внутреннему содержанію*, или, другими словами,—стремится развиваться въ направленіи, опредѣленномъ комбинаціей его внутреннихъ силъ; 2) эта тенденція встрѣчаетъ также воздѣйствіе внѣшнихъ условій, *условій среды*, то есть всѣхъ условій національной жизни, которая сама развивается не только въ направленіи своего внутренняго содержанія, но и подъ вліяніемъ воздѣйствія другихъ народовъ.

Такимъ образомъ основныя формы верховной власти въ своемъ развитіи представляютъ много видоизмѣненій. Одинъ и тотъ же *типъ* представляетъ разные *виды*. Историческая жизнь, протекшая со времени греческихъ республикъ и Персидской монархіи, не можетъ не представить намъ множества *новыхъ* разновидностей, т. е. подраздѣленій власти, которыхъ наблюденіе, въ свою очередь, не можетъ не бросать свѣта и на смыслъ основныхъ „типовъ“. Чѣмъ больше мы знаемъ разновидностей, чѣмъ яснѣе познаемъ ихъ отличія, тѣмъ точнѣе можемъ мы опредѣлить, въ чемъ именно состоитъ ихъ *общее* типичное содержаніе. Передъ наукой здѣсь понынѣ остается огромное поле доселѣ неисполненной, нерѣдко почти нетронутой работы.

Современныя демократіи, напримѣръ, развиваются на почвѣ, во многомъ отличной отъ древней. Нравственное состояніе націй, выдвигающихъ демократическую верховную власть, всегда имѣетъ нѣчто *общее*; но и различія нравственнаго состоянія Франціи или Америки отъ Рима или Греціи—огромны. Точно также и монархическое начало, развиваясь, напр., въ Западной Европѣ, въ Россіи, на магометанскомъ востокѣ, въ Китаѣ,—не только родилось не изъ вполнѣ одинаковаго содержанія національнаго духа, но и при дальнѣйшемъ развитіи испытывало далеко не одинаковое воздѣйствіе среды.

Различіе явившихся такимъ образомъ разновидностей представляется очень существеннымъ, а между тѣмъ какъ бы не сознается политическою наукой. Особенно мало и плохо обслѣдованъ именно монархическій принципъ.

Причина этого заключается въ томъ, что европейско-американскій міръ, стоящій во главѣ умственнаго развитія современныхъ народовъ, уже почти не имѣетъ возможности *непосредственно* наблюдать дѣйствія этого начала власти. Современное

умственное движеніе западнаго міра совпало съ захирѣлымъ состояніемъ монархическаго начала.

Извѣстный Ф. Ле-Пле справедливо устанавливаетъ, что изученіе всякаго общественнаго явленія можетъ быть производимо лишь на *цвѣтущихъ* образчикахъ его, т. е. въ тѣхъ, въ которыхъ проявляются *законы жизни* его. Только узнавъ ихъ, мы можемъ переходить къ явленіямъ патологическимъ.

Современная политическая наука въ Европѣ, наоборотъ, обречена изучать монархическое начало власти по образчикамъ больнымъ и умирающимъ. Ошибки этого наблюденія могла бы легче всего исправить *русская* наука, такъ какъ она имѣетъ передъ собою возможность наблюдать эту форму власти въ образчикахъ *нормальныхъ.* Но, къ сожалѣнію, наша наука лишь въ самое послѣднее время начала пріобрѣтать сколько-нибудь самостоятельный характеръ, осмѣливаясь выходить изъ роли простой компиляціи европейскихъ наблюденій и выводовъ. Она еще почти ничего не успѣла сдѣлать, а между тѣмъ при первыхъ же проявленіяхъ ея самодѣятельности передъ ней становится, напримѣръ, такой важный вопросъ, какъ различіе между *абсолютизмомъ* европейской монархіи, *самовластіемъ* Востока и *самодержавіемъ* русской. Вопросъ объ этомъ различіи, можно сказать, даже не затронутъ русскою наукой, а между тѣмъ безъ разъясненія его монархическое начало власти остается чѣмъ-то непонятнымъ.

При наблюденіи, напримѣръ, *абсолютизма* мы положительно не схватываемъ никакихъ *существенныхъ* отличій монархіи и демократіи. Конечно, абсолютизмъ есть историческій фактъ, и, стало быть, несомнѣнно, что монархическое начало способно приводить къ абсолютизму. Но если бы мы не знали о монархіи ничего больше кромѣ этого, она являлась бы настоящею загадкой. Какимъ образомъ начало столь родственное демократіи можетъ быть съ нею во враждѣ, какимъ образомъ оно можетъ даже возникнуть какъ нѣчто *особенное* и держаться столѣтія, не имѣя никакого *собственнаго* содержанія?

Только наблюденіе другихъ разновидностей монархическаго начала способно объяснить судьбы этого принципа, развившагося въ абсолютистскую форму, и показать, возможно ли въ ней усматривать форму *типичную.*

Изъ числа этихъ другихъ разновидностей особеннаго вниманія заслуживаетъ *монархія самодержавная,* такъ какъ въ ней мы находимъ монархическое начало очень строго выдержаннымъ и въ то же время наиболѣе доступнымъ наблюденію. Для насъ,

русскихъ, по крайней мѣрѣ, Россія и отчасти Византія представляютъ наиболѣе благодарное поле наблюденія. На немъ мы и должны особенно остановить вниманіе. Но прежде чѣмъ разсматривать проявленія самодержавной формы монархической власти, необходимо задаться вопросомъ о томъ, какимъ образомъ власть *единоличная* превращается въ *монархическую?*

XVI.

Переходъ единоличной власти въ верховную.—Диктатура и Монархія.— Свойства единоличной власти.

Ясно и безспорно, что монархія составляетъ проявленіе *единоличной власти.* Но не менѣе ясно, что не всякая единоличная власть составляетъ монархическую. Что же превращаетъ единоличную власть въ монархію? Въ древности къ этому вопросу не присматривались съ большою точностью. Монархомъ считался и персидскій царь, но монархами назывались и тиранны. Различали правомѣрную и извращенную формы монархіи въ зависимости отъ того, направлялась ли власть на благо народа или самого правителя. Такое опредѣленіе скользитъ по поверхности вопроса. Здѣсь дѣло сводится къ личности правителя, и *образъ* правленія опредѣляется всецѣло его *способомъ.* Сведенныя на такую субъективную почву, явленія власти потеряли бы всякую объективную основу. Между тѣмъ и въ древности было достаточно фактовъ, показывающихъ, что, помимо способа своего употребленія, *образъ* правленія заключаетъ въ себѣ нѣчто особенное, ему самому по себѣ присущее. Пизистратъ думалъ о благѣ народа, конечно, не меньше Камбиза. Но все-таки греки не мирились съ „тиранніей". Въ Персіи же самый возмутительный способъ правленія не изглаживалъ въ сознаніи націи приверженности къ „монархіи".

Безъ сомнѣнія, сама по себѣ единоличная власть не составляетъ еще монархіи.

Диктатура обладаетъ огромными полномочіями, но все-таки это есть власть *делегированная,* власть народа или аристократіи, лишь *переданная* одному лицу.

Точно также и *цезаризмъ,* римская императорская идея, самъ по себѣ лишь прокладываетъ иногда путь монархіи, или же, наоборотъ—отъ монархіи ведетъ къ демократіи, но самъ по себѣ не составляетъ учрежденія чисто монархическаго. Цезаризмъ имѣетъ внѣшность монархіи, но по существу представляетъ

лишь сосредоточенiе въ одномъ лицѣ всѣхъ властей народа. Это—безсрочная или даже увѣковѣченная *диктатура*, представляющая однако все-таки верховную власть народа.

Монархiя есть нѣчто иное, а именно *единоличная власть, сама получившая значенiе верховной.*

Всѣ свои особенности монархiя получаетъ отъ этого существа своего: отличiя свои отъ другихъ видовъ единовластiя она получаетъ отъ того, что стала властью *верховною*; отличiе отъ другихъ формъ верховной власти (аристократiя и демократiя), она получаетъ благодаря особенностямъ власти *единоличной.*

На эти особенности и должно прежде всего обратить вниманiе.

Не трудно замѣтить что единоличная власть всегда выдвигается въ тѣхъ случаяхъ, когда предлежащее ей дѣйствiе совершенно *ясно* всѣми сознается; она представляетъ, такъ-сказать, коллективное единомыслiе. Только въ случаѣ такого единомыслiя можетъ являться единоличная власть, ибо *принудить* массу къ подчиненiю, противъ ея сознанiя, одно лицо не имѣетъ силы. Влiянiе большинства или верхняго слоя избранныхъ—въ этомъ случаѣ имѣетъ болѣе шансовъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется народное единомыслiе, единоличная власть оказывается наиболѣе удобною, такъ какъ она отличается наибольшею быстротой, энергiей и выдержанностью дѣйствiя. Если ко всѣмъ этимъ свойствамъ присоединить еще общенародное одобренiе цѣли дѣйствiя, то единоличная власть сама выдвигается народомъ, какъ наилучшая.

Сила единоличной власти, въ отношенiи подчиненныхъ, такимъ образомъ есть сила преимущественно *нравственная*, основанная на взаимномъ пониманiи и довѣрiи. Конечно, для дѣйствiя необходима дисциплина, но и сама дисциплина въ основѣ держится нравственнымъ сознанiемъ ея необходимости. Единоличная власть во всѣхъ своихъ проявленiяхъ держится на основѣ сознательнаго, добровольнаго подчиненiя. Это не власть толпы, съ ея физическою силой, которой подчиняются, даже презирая и ненавидя ее. Это не власть аристократiи, подавляющей народъ своимъ богатствомъ, умственнымъ превосходствомъ, искусствомъ политической интриги. Это власть, нравственно представляющая сознанiе самихъ подчиняющихся ей, откуда она и почерпаетъ главную основу своей силы.

Это общее свойство единоличной власти естественно проявляется и тогда, когда она становится *верховною.*

Но каковы же могутъ быть условія, при которыхъ отъ верховной власти требуютъ или ожидаютъ именно тѣхъ свойствъ, какія возможно найти только у власти. единоличной?

XVII.

Внутренній смыслъ трехъ основныхъ принциповъ власти.—Психологическія основанія перехода каждаго изъ нихъ въ значеніе верховной.

Мы видѣли, что политическое творчество человѣка, создавая *верховную власть*, вращается въ кругѣ трехъ основныхъ формъ: монархіи, аристократіи и демократіи. Чѣмъ же именно обусловливается предпочтеніе, отдаваемое разными народами и разными эпохами той или иной основѣ? Почему одинъ народъ воздвигаетъ свое государство на началѣ монархическомъ, а другой—на началѣ демократическомъ, или, покидая одно начало, перестраиваетъ государство на основѣ какого-либо другого?

Это обусловливается, очевидно, извѣстнымъ *психологическимъ состояніемъ націи*, которому соотвѣтствуютъ *свойства самого принципа*, выдвигаемаго въ значеніе *верховнаго*. Я говорю о *націи*, а не о *народѣ*. Нерѣдко высказывается, что *первоисточникомъ* верховной власти служитъ все-таки „народъ". Эта мысль залегла во всѣхъ *абсолютистскихъ* ученіяхъ, какъ монархическихъ, такъ и демократическихъ (Гоббесъ, Руссо). Но она вѣрна лишь въ томъ случаѣ, если мы подъ словомъ „народъ" будемъ понимать не численную „массу", а „націю", какъ преемственно живущее коллективное цѣлое.

Нація, то-есть народъ внутренно слившійся въ нѣчто цѣлое, съ извѣстными привычками, традиціоннымъ опытомъ, общимъ характеромъ, съ извѣстнымъ духомъ и міросозерцаніемъ, а, стало-быть, съ извѣстными *идеалами*,—эта нація есть первоисточникъ власти. Она составляетъ силу, которая создаетъ верховную власть того или иного типа, а также, при извѣстныхъ колебаніяхъ своего духа, даетъ мѣсто замѣнѣ одного принципа другимъ.

Политика здѣсь сливается съ національною психологіей. Въ той или иной формѣ верховной власти выражается духъ народа, его идеалы и вѣрованія, то, что̀ онъ внутренне сознаетъ какъ *высшій* принципъ, достойный подчиненія ему всей жизни. Какъ *высшій*, этотъ принципъ является самодержавнымъ, неограниченнымъ. Верховная власть, имъ создаваемая, *ограничивается лишь содержаніемъ своего собственнаго идеала*. Здѣсь имѣетъ мѣсто то, что̀ Блюнчли называетъ *идеократіей*. Всякая верховная власть идео-

кратична, то-есть находится подъ властью своего идеала, безгранично сильна, пока совпадаетъ съ нимъ, и становится узурпаціей (тиранніей, олигархіей, охлократіей) когда сама выходитъ изъ подчиненія ему. Предѣлы эти, опредѣляющіе нравственную законность и незаконность верховной власти, не подлежатъ точной формулировкѣ, но всегда прекрасно чувствуются націей, то послушно подчиняющейся сознаваемой ею *основной правдѣ* власти, то возмущающейся противъ узурпаціи.

Эта нравственная, духовная или идеократическая подкладка верховной власти настолько ощутительна, что многіе изслѣдователи политическихъ учрежденій старались указать связь между формой верховной власти и нравственнымъ состояніемъ націи. Извѣстна въ этомъ отношеніи формула Монтескье, совершенно, впрочемъ, произвольная. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ государственныхъ учрежденіяхъ отражается нравственная философія народа или эпохи. Въ государствѣ нація стремится поставить высшую охрану того, что̀ считаетъ *должнымъ* или *справедливымъ*. Но почему она для этого въ однихъ случаяхъ довѣряетъ по преимуществу единоличному *монарху*, а въ другихъ — возлагаетъ надежды на *лучшихъ людей*, или на *численное большинство?*

Въ этомъ проявляется ничто иное какъ степень напряженности и ясности идеальныхъ стремленій націи. Власть требуетъ силы. Въ различныхъ формахъ верховной власти выражается то, какого рода силѣ нація наиболѣе довѣряетъ, по своему нравственному состоянію.

Демократія въ этомъ отношеніи выражаетъ довѣріе къ силѣ *количественной.*

Аристократія — выражаетъ довѣріе къ силѣ *качественно высшей*, нѣкоторую разумность силы.

Монархія является представительницей силы идеальной, *нравственной.*

Если въ обществѣ не существуетъ достаточно напряженнаго вѣрованія, охватывающаго всѣ стороны жизни въ подчиненіи одному идеалу — связующимъ звеномъ его является *численная сила*, количественная, которой нельзя не подчиниться, если бы даже и не имѣть къ тому внутренней готовности. Это духовное состояніе націи выдвигаетъ *демократію.*

Если цѣлостные идеалы не сознаются достаточно ярко *всѣми*, но при этомъ не утрачена, однако, вѣра въ существованіе разумности общественныхъ явленій, — является господство *аристократіи*,

людей „лучшихъ", наиболѣе способныхъ отыскать эту разумность.

Монархія является тогда, когда въ націи наиболѣе сильно живетъ цѣлый, всеобъемлющій нравственный идеалъ, всѣхъ приводящій къ добровольному себѣ подчиненію, а потому требующій для своего верховнаго господства не физической силы, не истолкованія, а просто *наилучшаго выраженія*, каковое, конечно, способна дать *отдѣльная* личность, какъ существо нравственное. *Единоличное* начало появляется тогда и подготовляетъ *монархію*...

Уже изъ того промежуточнаго положенія, которое занимаетъ аристократія въ этой формулѣ, легко видѣть, что она *наименѣе, наирѣже* способна выдвигаться какъ принципъ *верховной власти*, но, съ другой стороны, наиболѣе *неизбѣжна* и неустранима въ числѣ силъ управленія.

Ни въ самой полной демократіи, ни въ самодержавной монархіи, аристократія не исчезаетъ никогда въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ силъ управленія, но возвыситься до положенія *верховной власти* она большею частью не можетъ, ибо колебательное нравственное состояніе націи, выдвигающее аристократію на верховное мѣсто, обыкновенно разрѣшается приближеніемъ къ какому-нибудь болѣе опредѣленному состоянію, выражаемому либо господствомъ демократіи, либо установленіемъ монархіи.

Вообще, впрочемъ, воздвигая какое-либо одно *начало* власти въ верховный, гармонизующій принципъ, нація этимъ отнюдь не уничтожаетъ другихъ способовъ, въ коихъ проявляется общественная сила. Цѣль государства состоитъ не въ уничтоженіи ихъ, а лишь установленіи между ними извѣстнаго соподчиненія. Какова бы ни была верховная власть надъ ними поставленная, въ національной жизни продолжаютъ жить и другіе принципы, но они уже находятъ себѣ законное, допускаемое мѣсто лишь въ качествѣ силы *служебной* въ отношеніи верховной власти, и допускаются ею лишь въ сферѣ *управленія*, подъ верховнымъ надзоромъ ея.

Совершенство верховной власти, въ числѣ прочихъ условій, отчасти измѣряется и тѣмъ, въ какой мѣрѣ она способна свободно допустить въ *управленіи* подчиненные принципы власти, не допуская ихъ въ то же время до узурпаціи и государственнаго переворота. Способность къ этому монархіи, аристократіи и демократіи неодинаковы. Но, вообще говоря, ни одно изъ этихъ началъ не можетъ вырвать изъ человѣческаго общества двухъ

другихъ, если бы даже и задалось этою задачей. Аристократія, наиболѣе слабая, а потому и ревнивая форма власти, все-таки не можетъ отрицать ни численной силы, ни единоличнаго нравственнаго представительства ея. Демократія же, въ сферѣ управленія почти всегда фактически подчиненная той или иной формѣ ненавидимой ею аристократіи, въ то же время постоянно принуждена прибѣгать къ *диктатурѣ* каждый разъ, когда является настоятельная потребность осуществить назрѣвшую народную волю. Диктатура же, столь часто переходящая въ *цезаризмъ*, въ этой своей стадіи развитія уже очень близка къ принципу монархическому. Что касается монархіи, то излишне даже упоминать о широкомъ мѣстѣ, удѣляемомъ ею въ сферѣ *управленія* принципамъ аристократическому и демократическому.

XVIII.

Монархія, какъ верховенство нравственнаго идеала.—Значеніе религіи и христіанства.—Независимость монархіи отъ народной воли.—Подчиненіе монархіи народной вѣрѣ.

Итакъ, для того, чтобы единоличная власть могла получить значеніе *верховной*, т. е. чтобы могла возникнуть *монархія*, необходимо народное единомысліе относительно того, что высшимъ принципомъ, верховно руководящимъ всѣ стороны жизни націи, долженъ быть *нравственный идеалъ*.

Высшимъ идеаломъ, объединяющимъ всѣ стороны человѣческой жизни, является идеалъ *нравственный*. Его живое присутствіе необходимо для существованія монархіи. Единоличная власть вообще является наилучшимъ орудіемъ осуществленія того, что̀ ясно и глубоко сознается націей. Когда такое живое сознаніе имѣется въ отношеніи высшаго идеала жизни,—наилучшимъ выраженіемъ его осуществленія становится власть единоличная, ибо личность человѣка есть живое сѣдалище нравственнаго идеала. Въ ея лицѣ нація подчиняетъ на служеніе идеалу правды какъ свою физическую силу большинства (элементы *демократіи*), такъ и опытъ, вліяніе и авторитетъ своихъ лучшихъ людей (элементы *аристократіи*).

Можно теоретически спорить о томъ, одна ли религія способна давать націи *всеобъемлющій* идеалъ, въ которомъ освѣщаются всѣ стороны ея жизни. Но въ практикѣ исторіи никакія философскія системы не способны были въ этомъ отношеніи замѣнить религіознаго міровоззрѣнія. Это совершенно понятно. Только

религія ставитъ высшую Божественную Личность превыше всего въ природѣ и такимъ образомъ въ нашей человѣческой жизни сохраняетъ высшее мѣсто для начала нравственнаго, личнаго. Только при свѣтѣ религіи человѣкъ, при всѣхъ своихъ подчиненіяхъ условіямъ матеріальнымъ и соціальнымъ, сохраняетъ сознаніе верховнаго значенія своей личности, а посему переноситъ такое же понятіе верховности на идеалы нравственные. Для *вѣрующаго* сверхъ того понятно, что только реальная связь съ Божествомъ способна дать силу жить нравственнымъ идеаломъ. Какъ бы то ни было, въ исторической дѣйствительности всеобъемлющій идеалъ, способный объединять всѣ цѣли, всѣ стороны жизни на почвѣ нравственной, человѣчество находило постоянно именно *въ религіи*. Тѣ или иныя религіозныя концепціи, точно такъ же, какъ тѣ или иныя разстройства религіознаго сознанія, могущественно вліяютъ на общественную и политическую жизнь.

Отсюда ясно, что наиболѣе твердую почву для монархіи даетъ именно *христіанство*.

Власть монарха возможна лишь при народномъ признаніи. Но будучи связана съ нѣкоторою *высшею* силой, она является представительницей не народа, а той высшей силы, изъ которой вытекаетъ нравственный идеалъ. Признавать верховное господство этого идеала нація можетъ лишь тогда, когда вѣритъ въ его *абсолютное* значеніе, а стало-быть, возводитъ его къ абсолютному личному началу, т. е. Божеству. Истекая изъ человѣческихъ сферъ, идеалъ не былъ бы абсолютенъ; проистекая не изъ личнаго источника,—не могъ бы быть нравственнымъ. Такимъ образомъ, подчиняя свою жизнь нравственному идеалу, нація, собственно желаетъ подчинить себя Божественному руководству, ищетъ верховной власти *Божественной*.

Это и есть необходимое условіе, при которомъ единоличная власть способна переростать значеніе делегированной и становиться *верховною*, какъ делегированная отъ Божества, а посему не только совершенно независимая отъ людей, но *выше* всякой ихъ человѣческой власти. Римскій цезаризмъ чувствовалъ это, когда старался приписывать императорамъ *личную* божественность, но въ дѣйствительную монархію могъ превратиться только съ побѣдой христіанства, въ имперіи Византійской.

Вообще, какъ выше сказано, лишь христіанство, открывающее истинныя цѣли жизни, природу человѣка и дѣйствіе Божественнаго Промысла, даетъ вполнѣ надлежащую соціальную среду

для развитія монархическаго начала власти во всей его тонкости. Уклоненія отъ началъ истиннаго христіанства въ римскомъ католицизмѣ или протестантазмѣ даютъ въ политикѣ образчики уже болѣе или менѣе извращеннаго типа монархіи Еще менѣе удачны проявленія этого начала въ странахъ языческихъ и магометанскихъ.

Именно уже значительно потускнѣвшее религіозное сознаніе дало мѣсто и той теоріи абсолютизма, по которой народъ будто бы *отрекается* отъ своей власти въ пользу монарха. Въ дѣйствительности это идея не монархіи, а *цезаризма*, вѣчной диктатуры, т. е. въ основѣ идея демократическая. По идеѣ монархической,—народъ вовсе ни отъ чего *своего* не отказывается, а лишь проникнутъ сознаніемъ, что *верховная* власть по существу принадлежитъ не ему, а той Высшей Силѣ, которая указываетъ цѣли жизни человѣческой. Народу не отъ чего отказываться. Онъ просто признаетъ власть Бога, вѣря, что въ государственныхъ отношеніяхъ она вручается монарху не народомъ, а Божественною волей. При такомъ пониманіи власть монарха не есть народная, не изъ народной власти истекаетъ и не народную волю призвана выражать. Но, съ другой стороны, эта власть существуетъ не для самой себя, какъ это можетъ случиться при абсолютизмѣ, но для народа, вообще для исполненія нѣкоторой *миссіи*, свыше указанной. Такимъ образомъ монархическая власть составляетъ *служеніе*, а не привилегію.

Настоящая, типичная монархія этою своею отвлеченностью отъ народной власти и народной воли и въ то же время своею подчиненностью *народной вѣрѣ*, *народному духу*, *народному идеалу*, именно и пріобрѣтаетъ способность быть властью *верховною*.

Въ исторической практикѣ это выдвиганіе единоличной власти въ значеніи власти верховной—совершается естественно, самостоятельно, какъ бы неизбѣжно, если есть въ народѣ необходимая для того нравственно религіозная подкладка.

Мы остановимся для обнаруженія этого на примѣрахъ Русской Исторіи, какъ болѣе общеизвѣстной, хотя должно оговориться, что значеніе собственно религіознаго начала въ безнаціональной Византіи выступаетъ еще болѣе рельефно нежели у насъ.

XIX.

Примѣры исторіи.—Политическій идеалъ, выдвигаемый идеаломъ религіознымъ.—Самостоятельность этого процесса.

Во всякомъ случаѣ въ русской исторіи, тоже съ чрезвычайною наглядностью можно наблюдать, какъ религіозное міросозерцаніе подсказываетъ народу его политическій идеалъ и тѣмъ порождаетъ исканіе *единоличной династической власти* въ то время, когда ея еще и не существуетъ. Подъ вліяніемъ народнаго исканія, она складывалась естественно, совершенно сливаясь въ этомъ складываньи съ народомъ въ пониманіи своихъ правъ, задачъ и обязанностей, то-есть вырабатывая качества, необходимыя для того, чтобы стать *верховною.*

Изслѣдователи нашихъ древнихъ государственныхъ учрежденій показываютъ намъ то, что̀ составляетъ общій законъ политики,—то-есть присутствіе въ древней Руси всѣхъ трехъ основныхъ элементовъ власти: начала монархическаго, аристократическаго и демократическаго.

Государственный строй (древней Руси) зиждется на трехъ элементахъ: *князь, дружина* и *вѣче.* Элементы эти, говоритъ Романовичъ-Славатинскій, находятся въ постоянномъ колебаніи, то борясь между собой, то уравновѣшивая другъ друга. Самая дружина, какъ особенно ясно у профессора Ключевскаго [1], представляла довольно сложный аристократическій элементъ, въ которомъ издревле былъ силенъ слой *боярскій*, настоящихъ *лучшихъ людей*; этотъ *боярскій* слой игралъ выдающуюся роль, какъ въ княжествахъ съ особенно сильнымъ ростомъ монархическаго начала, такъ и въ сѣверныхъ республикахъ. Въ Галичѣ аристократическій боярскій слой доходилъ даже до присваиванія себѣ верховной власти.

Демократическое начало, въ свою очередь, не только широко развилось въ Новгородѣ, Псковѣ, Вяткѣ, но постоянно проявляется повсюду [2]. Пока въ національномъ міровоззрѣніи не получило твердаго преобладанія *одно* начало верховной власти, государственный строй Руси представляется чѣмъ-то колеблющимся, такъ что даже трудно сказать—въ этомъ рядѣ княжествъ имѣемъ ли мы передъ собою *одно* государство?

---

[1] *Боярская Дума.*

[2] См., напримѣръ, Сергѣевича *Вѣче и Князь.*

Однако, уже издревле у насъ росло преимущественно начало *монархическое*. Его ростъ не можетъ быть объяснимъ ни условіями колонизаціи, ни условіями національнаго самосохраненія. Новгородская колонизація при республикѣ шла не менѣе успѣшно, нежели Суздальско-Владимірская, и хотя Московское царство окончательно сложилось, спасая Россію отъ татарскаго ига, но царская идея несомнѣнно развивалась гораздо раньше. Ея идеалъ носился уже надъ Владиміромъ Святымъ, Ярославомъ, Мономахомъ. Андрей Боголюбскій подошелъ къ ней едва ли не ближе чѣмъ первые московскіе князья, и этотъ единовластитель, убитый крамольными боярами, остался для массы народа идеаломъ правителя, окруженный святымъ почитаніемъ.

Достаточно видѣть отношеніе къ *князьямъ* въ массѣ націи чтобы предусматривать ростъ монархическаго начала. Удѣльные князья, почти превратившіеся въ аристократію, раздробившую и обезсилившую Русь, каждый въ отдѣльности все же почитаются какъ нѣчто *принципіально* отличное отъ прочей аристократіи—дружинной и боярской. Даніилъ Заточникъ характеристично различаетъ свѣтлое и благодѣтельное начало *княжеской* власти и своекорыстное начало власти слугъ его:

„Лучше пусть моя нога войдетъ въ лыкѣ въ твой дворъ, говоритъ онъ, — нежели въ червленомъ сапогѣ во дворъ боярскій; лучше мнѣ тебѣ въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ воду пить въ дому твоемъ, нежели вино въ боярскомъ“. Что такое *князь*? „Какъ дубъ крѣпится корнемъ, говоритъ Даніилъ,—такъ градъ нашъ твоею державой. Кормчій—глава кораблю, а ты, князь,—людямъ своимъ... Мужъ—глава жены, а князь—мужамъ, *а князю—Богъ*“. Онъ поэтично сравниваетъ милость князя съ *весной*, украшающею землю цвѣтами, съ *солнцемъ*, обогрѣвающимъ землю. Но и гроза княжая страшна: „княже господине мой, — орелъ — царь надъ птицами, осетеръ—надъ рыбами, левъ—надъ звѣрями, а ты, княже, надъ переяславцами [1]. Левъ рыкнетъ: кто не устрашится? Ты, князь, слово скажешь — кто не убоится?“ „Тѣло крѣпится жилами, а мы, княже, твоею державой“. Князь объединяетъ не только своихъ домочадцевъ, но и иныя страны, притекающія къ нему...

Не трудно узнать источникъ этой философіи, выдѣляющей *князя*, какъ идеальный элементъ *власти*. Вмѣстѣ съ христіанствомъ—

[1] Посланіе въ цитируемомъ спискѣ адресуется Ярославу Всеволодовичу.

какъ князь, такъ и народъ услышали опредѣленіе миссіи княжеской власти. „Ты, говорили церковные учители Владиміру Святому, поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье“. Князь—*поставленъ Богомъ*. Это не сила толпы, не богатство и вліяніе „лучшихъ“ людей; это власть, указанная *свыше*. Еще Владиміра Святаго называли и царемъ и самодержцемъ. „Князю земли вашей, поучаетъ *Златая Цѣпь* XIV вѣка, покоряйтесь, не речите ему зла въ сердцѣ вашемъ, прямите ему головой своею и мечемъ своимъ, и всею мыслью своею, и не возмогутъ чужіе противиться князю вашему; если хорошо служите князю, обогатѣетъ земля ваша и соберете добрый плодъ“. И въ то время, когда дружина еще полна была духомъ безгосударственной вольности „отъѣзда“, *Златая Цѣпь* уже поучаетъ: „Если кто отъ своего князя отпадетъ къ иному, не будучи имъ обиженъ, *подобенъ есть Іудѣ*“.

Было бы очень мало сказать, что эти свидѣтельства мы можемъ прослѣдить черезъ всю исторію Россіи. Собственно говоря—кромѣ такихъ и аналогичныхъ имъ свидѣтельствъ, мы ничего иного не въ состояніи найти, не только въ древности, но и по настоящее время. *Современныя* пословицы, въ которыхъ народъ выражаетъ то, чтó вынесено имъ изъ вѣковыхъ оцѣнокъ, воспроизводятъ нынѣ совершенно то же политическое міросозерцаніе, которое отмѣчалось иностранными наблюдателями старой Москвы. А какъ они характеризовали политическое міровоззрѣніе русскаго народа?

„Скажетъ царь, говоритъ Герберштейнъ, и сдѣлано; жизнь, достояніе людей свѣтскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ совершенно зависятъ отъ его воли. Русскіе увѣрены, что великій князь исполнитель небесной воли. Такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они“. „Москвичи, говоритъ іезуитъ Поссевинъ,—наслѣдовали отъ предковъ высокое понятіе о государѣ и утверждаются въ немъ воспитаніемъ. Когда ихъ спрашиваютъ о чемъ-нибудь, они обыкновенно отвѣчаютъ: одинъ Богъ и великій государь знаютъ это. Царь все знаетъ, онъ можетъ разрѣшить какое бы то ни было затрудненіе или сомнѣніе; нѣтъ на землѣ вѣры, которой догматовъ и обрядовъ онъ бы не зналъ; все, что мы имѣемъ и чѣмъ живемъ, все это отъ милости государя“.

Излишне упоминать, что эта характеристика не безъ большихъ погрѣшностей. Самъ Поссевинъ долженъ былъ услышать непосредственно отъ Іоанна Грознаго, что и по русскому міросозерцанію *есть предѣлы* всевѣдѣнію и могуществу царя. О „великихъ

дѣлахъ“ вѣры Іоаннъ просто-на-просто *отказался* разсуждать съ іезуитомъ, ссылаясь на Церковь, которой послушнымъ ученикомъ объявилъ себя.

Верховная власть прекрасно чувствовала, что и она все-таки ограничена содержаніемъ своего собственнаго принципа.

Свѣтлый идеалъ, который носился надъ страной въ видѣ самодержца, явился къ намъ вмѣстѣ съ *православіемъ*. Но онъ вовсе не былъ выводомъ сухой политической *доктрины*, занесенной изъ Византіи. Онъ вытекалъ изъ источниковъ болѣе глубокихъ: изъ христіанскаго пониманія *общихъ цѣлей жизни*. Онъ соотвѣтствовалъ вовсе не однѣмъ цѣлямъ концентраціи силъ страны для внѣшней борьбы или поддержанія внутренняго порядка, но вообще цѣлямъ жизни, какъ ихъ понималъ русскій человѣкъ, проникнутый христіанскимъ міросозерцаніемъ. А оно распространилось у насъ широко и свободно.

Излишне распространяться о чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ, какія встрѣтило христіанство въ только-что слагавшейся Русской землѣ. Его ученіе воспринималось съ дѣтскою вѣрой, безо всякаго разрушающагося скептицизма, безъ компромиссовъ борьбы, и по мѣрѣ воспріятія становилось руководствомъ ко всецѣлому устройству быта. На одномъ и томъ же идеалѣ воспитывались всѣ, и подъ вліяніемъ этого общераздѣляемаго *идеократическаго элемента* складывались постепенно также отношенія государственныя. У насъ часто говорится о *византизмѣ* нашей государственности. Конечно, Византія въ свое время была истолковательницей политическихъ идеаловъ, наиближе вытекающихъ изъ православія. Но нельзя не сказать, что въ Россіи—верховная власть *выращена* прямо изъ жизни христіанскаго народа. Москва имѣла право считать себя *третьимъ* Римомъ, а не простымъ повтореніемъ Византіи. Впрочемъ, извѣстно, что лучшій теоретикъ своего времени, царь Іоаннъ Грозный, совершенно свободно критиковалъ византійскіе порядки и указывалъ, чего въ нихъ, по его мнѣнію, должно избѣгать. Вообще въ своей государственной идеѣ наши предки не просто повторили чужое слово, а сказали *свое*, тѣмъ болѣе вѣское, что при этомъ самосознаніе верховной власти столь же поразительно совпадаетъ съ политическимъ самосознаніемъ народа, какъ и съ христіанскимъ понятіемъ сущности и задачъ власти—въ общихъ цѣляхъ земной жизни человѣческой.

Сравнимъ, дѣйствительно — что̀ говоритъ о власти христіанство, и какъ поняли его ученіе царь и народъ русскій. Тождество міросозерцанія получается полное.

XX.

Евангельское ученіе о власти. — Власть, какъ установленіе Божеское. — Власть христіанская.

Настоящую основу христіанскаго политическаго ученія составляетъ *воздаваніе кесарю кесарева и Божія Богу.*

Кесарь не случайно является на свѣтѣ. Нѣтъ власти, которая была бы не отъ Бога. Даже въ такомъ страшномъ случаѣ, какой поставилъ Пилата рѣшителемъ вопроса о казни Христа, – представитель земнаго суда *не имѣлъ бы власти, если бы не было ему дано отъ Бога.* Божественный Промыслъ управляетъ міромъ непостижимыми для человѣка путями, и для нашихъ земныхъ дѣлъ создаетъ *власть*, которой мы обязаны повиноваться „для Бога“, какъ неоднократно прибавляетъ апостолъ. Въ ученіи апостольскомъ политическое своеволіе не отличается отъ своеволія *вообще,* оно составляетъ проявленіе нѣкоторой распущенности, „похоти плоти“, отсутствія пониманія главной цѣли жизни. Имъ отличаются люди, которые „идутъ во слѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны, не страшатся злословить высшихъ“. Тѣ же самые люди, которые „оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства и злословятъ высокія власти“, они же своимъ поведеніемъ служатъ соблазномъ на вечеряхъ любви. Всѣмъ такимъ апостольское ученіе угрожаетъ тяжкими наказаніями Господа. Элементъ *власти* такъ широко признается христіанствомъ, что даже рабы, имѣющіе господами „вѣрныхъ“, то-есть вмѣстѣ съ господами составляющіе членовъ одной и той же церкви, тѣмъ не менѣе, должны повиноваться господамъ. Нѣтъ власти не отъ Бога. Противящіеся власти, противятся Божьему установленію. И только необходимость воздаванія Божія Богу кладетъ границы повиновенію кесарю и властямъ, отъ кесаря установленнымъ.

Такое повиновеніе не остается, однако, безъ разумнаго объясненія. Власть воздвигается Богомъ для блага самихъ же людей. „Начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло—бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ. Онъ Божій слуга, отомститель въ наказаніе дѣлающему зло. Начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, а для злыхъ.“ Апостолъ увѣщеваетъ быть покорными не только „царю, какъ верховной власти“, но и „правителямъ отъ него поставленнымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“. Власть,

такимъ образомъ, не есть какая-либо привилегія, но исполненіе *службы*, Богомъ указанной.

Сами „господа“ должны пользоваться почтеніемъ „рабовъ“, собственно потому, что „благодѣтельствуютъ“ имъ. Христіанство такимъ образомъ повсюду облекаетъ всякую власть *обязанностью* извѣстнаго служенія на пользу подчиненнымъ. Поэтому подчиняться должно не только отъ страха, но и *по совѣсти.* Уплата денежныхъ податей точно также обязательна: „ибо они (власти) Божьи служители, постоянно симъ (то-есть службой) занятые“, и стало быть, очевидно, требующіе содержанія со стороны общества, на пользу которому служатъ. Въ общей сложности „всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ“. „Отдавайте всякому должное: кому подать—подать, кому оброкъ — оброкъ, кому страхъ—страхъ, кому честь—честь.“ Должно также „*молиться* и *благодарить* за царей, и за всякихъ начальствующихъ“, для чего? Для того, чтобы проводить „жизнь *тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ*“.

Эта тихая и безмятежная жизнь во всякомъ благочестіи и чистотѣ есть идеалъ христіанскаго общества, а для пособія осуществленію его поставлена отъ Бога власть. Тѣ, кто этого не понимаютъ и выходятъ изъ повиновенія—это „безводныя облака, носимыя вѣтромъ, ропотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ“, они „*обѣщаютъ другимъ свободу, будучи сами рабами тлѣнія.*“

Своеволіе политическое, вообще, повторяю, разсматривается христіанствомъ какъ одно изъ проявленій *общаго своеволія*, распущенности, по существу предосудительной, какъ „злоупотребленіе свободой“, ибо постоянно напоминая христіанамъ, что они „призваны къ свободѣ“, вѣроученіе столь же постоянно увѣщеваетъ поступать какъ *свободные*, а не какъ *злоупотребляющіе свободой.*

Эти наставленія давались уже въ то время, когда христіане не только еще не имѣли никакихъ правъ, но были гонимы съ жестокостію и несправедливостію, превосходящими всякое описаніе. Повиноваться должно даже и такой власти. Власть, даже языческая,—хочетъ она или не хочетъ,—поставлена все-таки по той волѣ Бога, которую Ему угодно было проявить въ *политическихъ* отношеніяхъ. Уваженіе предписывается къ самому *принципу власти.*

Съ тѣхъ поръ какъ Верховная Власть перешла въ руки христіанскихъ государей, такое уваженіе, понятно, могло лишь возрасти. Миссія же власти, какъ Божіе служеніе, изъ безсозна-

тельной, направляемой лишь Промысломъ, со стороны государя-христіанина становится *сознательною.* Церковь не только молится за власть, но уже можетъ *освящать* ее своими таинствами. Уваженіе христіанина ко власти лишь возрастаетъ отъ этого. Съ другой стороны, государь, будучи христіаниномъ, сознательно принимаетъ власть не иначе, какъ *служеніе*, то-есть какъ *долгъ, обязанность.* Онъ становится въ рядъ тѣхъ царей, которыхъ Господь помазывалъ на царство въ Израилѣ, но также и низвергалъ, и наказывалъ: въ рядъ царей, которые отвѣтятъ за каждый свой поступокъ. Царь въ отношеніи подданныхъ имѣетъ всѣ права, ибо христіанское ученіе говоритъ *только* объ обязанностяхъ подданныхъ, совершенно умалчивая о какихъ-либо правахъ ихъ въ отношеніи Верховной Власти. Верховная Власть отсюда, естественно, оказывается безграничною (въ политическомъ смыслѣ), но чѣмъ болѣе она принимаетъ такую безграничность, тѣмъ болѣе она принимаетъ миссію „Божьяго служенія", а стало быть и всю его страшную *отвѣтственность.*

При такихъ условіяхъ несеніе власти является въ нравственномъ отношеніи истиннымъ *подвигомъ.* Государь „не даромъ носитъ мечъ", но за каждый неправильный ударъ меча, какъ и за ненанесеніе удара, если это необходимо,—отвѣчаетъ передъ „Царемъ царей". Онъ поставленъ для доставленія другимъ „тихаго и безмятежнаго житія", и—что отвѣтитъ передъ „Царемъ царей", если этой цѣли *службы* своей не исполнилъ? Онъ поставленъ для наказанія злыхъ и поощренія дѣлающихъ добро, другими словами, для осуществленія *справедливости* того, что соотвѣтствуетъ *правдѣ*... Что отвѣтитъ онъ „Царю царей", если не далъ обществу этого господства правды?

XXI.

Идея верховной власти въ истолкованіи Іоанна Грознаго.

Такой идеалъ царя, вытекающій изъ православнаго пониманія жизни, совершенно одинаково складывался у массы народа и у постепенно развивающейся царской династіи. Превосходную формулировку его оставилъ царь, досел҃ѣ памятный народу какъ немногіе, а отъ современниковъ получившій характеристику, какъ *„мужъ чуднаго разумѣнія, въ наукѣ книжной почитанія доволенъ* и многорѣчивъ, зѣло въ ополченіяхъ дерзостенъ *и за свое отечество стоятель"* [1]. Безпристрастный лѣтописецъ, правда,

[1] Хронографъ Кубасова (см. Буслаева *Ист. Хр.*).

тутъ же прибавляетъ, что царь Іоаннъ былъ „на рабы отъ Бога ему данные жестокосердъ вельми“... Но это вопросъ особый, не касающійся „чуднаго разумѣнія“, съ которымъ Іоаннъ формулировалъ идею своей власти.

Какъ же понимаетъ онъ свою идею?

Государственное управленіе, по Грозному, [1] должно представлять собою стройную *систему*. Представитель аристократическаго начала, князь Курбскій, упираетъ преимущественно на личныя доблести „лучшихъ людей“ и „сильныхъ во Израили“. Іоаннъ относится къ этому, какъ къ проявленію политической незрѣлости, и старается растолковать князю, что личныя доблести не помогутъ, если нѣтъ правильнаго *строенія*, если въ государствѣ власти и управленія не будутъ расположены въ надлежащемъ порядкѣ. „Какъ дерево не можетъ цвѣсти, если корни засыхаютъ, такъ и это: аще не прежде *строенія благая* въ царствѣ будутъ“, то и храбрость не проявится на войнѣ. Ты же, говоритъ царь, не обращая вниманія на строенія, прославляешь только доблести!

На чемъ же, на какой общей идеѣ, воздвигается это необходимое „строеніе“, „конституція“ христіанскаго царства? Іоаннъ въ поясненіе вспоминаетъ объ ереси манихейской: „Они развратно учили, будто бы Христосъ обладаетъ лишь небомъ, а землею *самостоятельно* управляютъ люди, а преисподними — діаволъ.“ Я же, говоритъ царь, вѣрую, что всѣми обладаетъ Христосъ: небесными, земными и преисподними и „вся на небеси, на земли и преисподней *состоитъ его хотѣніемъ*, совѣтомъ Отчимъ и благоволѣніемъ Святаго Духа.“ Эта Высшая власть налагаетъ свою волю и на государственное „строеніе“, устанавливаетъ и царскую власть.

Права Верховной Власти, въ понятіяхъ Грознаго, ясно опредѣляются христіанскою идеей *подчиненія* подданныхъ. Въ этомъ и широта власти, въ этомъ же и ея предѣлы (ибо *предѣлы* есть и для Грознаго). Но въ указанныхъ границахъ безусловное повиновеніе царю, какъ обязанность, предписанная вѣрой, входитъ въ кругъ *благочестія* христіанскаго. Если царь поступаетъ жестоко или даже несправедливо,—это его грѣхъ. Но это не увольняетъ подданныхъ отъ обязанности повиновенія. Если даже Курбскій и правъ, порицая Іоанна, какъ *человѣка*, то отъ этого еще

---

[1] Нижеслѣдующее изложеніе, большею частью буквальными цитатами, составлено преимущественно по знаменитой *перепискѣ* Іоанна съ Курбскимъ: Н. Устряловъ „Сказанія князя Курбскаго“, изд. 3, Спб. 1868.

не получаетъ права не повиноваться *божественному.* [1] Поэтому Курбскій своимъ поступкомъ свою „душу погубилъ“. „Если ты праведенъ и благочестивъ, говоритъ царь, то почему же ты не захотѣлъ отъ меня, строптиваго владыки, пострадать и наслѣдовать вѣнецъ жизни?“ Зачѣмъ „не поревновалъ еси *благочестія*“ раба твоего Васьки Шибанова, который предпочелъ погибнуть въ мукахъ за господина своего?

Съ этой точки зрѣнія, порицаніе поступковъ Іоанна на основаніи народнаго права другихъ странъ (указываемыхъ Курбскимъ) — не имѣетъ, по возраженію царя, никакого значенія. „О безбожныхъ человѣцѣхъ что и глаголати! Понеже тіи всѣ царствіями своими *не владѣютъ*: какъ имъ повелятъ подданные („работные“), такъ и поступаютъ. А россійскіе самодержавцы изначала сами владѣютъ всѣми царствами (то-есть всѣми частями царской власти), а не бояре и вельможи“.

Противуположеніе нашего принципа Верховной Власти и европейскаго вообще неоднократно замѣтно у Іоанна и помимо полемики съ Курбскимъ. Какъ справедливо говоритъ Романовичъ Славатинскій, „сознаніе международнаго значенія самодержавія достигаетъ въ грозномъ царѣ высокой степени“ *(Система).* Онъ дѣйствительно вполнѣ ясно понимаетъ, что представляетъ *иной* и *высшій* принципъ. „Если бы у васъ, говоритъ онъ Шведскому королю, было *совершенное королевство*, то отцу твоему архіепископъ и совѣтники и вся земля въ товарищахъ не были бы [2]. Онъ ядовито замѣчаетъ, что шведскій король „точно староста въ волости“, показывая полное пониманіе, что этотъ „не совершенный“ король представляетъ въ сущности *демократическое* начало. Такъ и у насъ, говоритъ царь, „намѣстники новгородскіе—люди великіе“, но все-таки „холопъ государю не братъ“, а потому шведскій король долженъ бы сноситься не съ государемъ, а съ намѣстниками. Такіе же комплименты Грозный дѣлаетъ и Стефану Баторію, замѣчая посламъ: „Государю вашему Стефану въ *равномъ братствѣ* съ нами быть не пригоже.“ Въ самую даже крутую для себя минуту Іоаннъ гордо выставляетъ Стефану превосходство своего *принципа*: „Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, *по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію.*“ [3] Какъ мы видѣли выше, представители

---

[1] Не мни, праведно на человѣка возьярився, Богу приразиться: ино бо человѣческое есть, аще и порфиру носитъ, ино же божественнoе.

[2] *Исторія Россіи* Соловьева, кн. II, 259—59.

[3] Соловьевъ, II, 279.

власти европейскихъ сосѣдей для Іоанна суть представители идеи „безбожной“, то-есть руководимой не божественными повелѣніями, а тѣми человѣческими соображеніями, которыя побуждаютъ крестьянъ выбирать старосту въ волости.

Вся суть царской власти наоборотъ въ томъ, что она не есть избранная, не представляетъ власти *народной*, а нѣчто высшее, которое признаетъ надъ собою народъ, если онъ „не безбоженъ“. Іоаннъ напоминаетъ Курбскому, что „Богомъ цари царствуютъ и сильные пишутъ правду“. На упрекъ Курбскаго, что онъ „погубилъ сильныхъ во Израилѣ“, Іоаннъ объясняетъ ему, что сильные во Израилѣ—совсѣмъ не тамъ, гдѣ полагаетъ ихъ представитель аристократическаго начала „лучшихъ людей“. „Земля, говоритъ Іоаннъ, правится Божіимъ милосердіемъ, и Пречистыя Богородицы милостью и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводами и еже ипаты и стратиги“ *(Переписка)*.

Не отъ народа, а отъ *Божіей милости къ народу* идетъ стало быть царское самодержавіе. Іоаннъ такъ и объясняетъ.

„Побѣдоносная хоругвь и крестъ Честной“, говоритъ онъ, даны Господомъ Іисусомъ Христомъ сначала Константину, „первому во благочестіи“, то-есть первому *христіанскому* императору. Потомъ послѣдовательно передавались и другимъ. Когда „искра благочестія дойде и до Русскаго Царства“, та же власть „Божьею милостію“ дана и намъ. „Самодержавіе Божіимъ изволеніемъ,“ объясняетъ Грозный, началось отъ Владиміра Святаго, Владиміра Мономаха и т. д. и черезъ рядъ государей, говоритъ онъ, „даже дойде и до насъ смиренныхъ скипетродержавіе Русскаго Царства.“

Сообразно такому происхожденію у царя должна быть въ рукахъ дѣйствительная власть. Возражая Курбскому, Іоаннъ говоритъ: „Или убо сіе свѣтло—пойти прегордымъ лукавымъ рабамъ владѣть, а царю быть почтеннымъ только предсѣданіемъ и царской честью, властью же быть не лучше раба? Какъ же онъ назовется самодержцемъ, если не *самъ* строитъ землю?“ „Россійскіе самодержцы изначала *сами* владѣютъ всѣми царствами, а не бояре и вельможи“.

Царская власть дана, какъ мы видѣли, для поощренія добрыхъ и кары злыхъ. Поэтому царь не можетъ отличаться только одною кротостью. „Овыхъ милуйте разсуждающе, овыхъ *страхомъ* спасайте“, говоритъ Грозный. „Всегда царямъ подобаетъ

быть обозрительными: овогда кротчайшимъ, овогда же *ярымъ*; ко благимъ убо милость и кротость, ко злымъ же ярость и мученіе; *аще ли сего не имѣетъ—нѣсть царъ!*" Обязанности царя нельзя мѣрить мѣркой частнаго человѣка. „Иное дѣло свою душу спасать, иное же о многихъ душахъ и тѣлесахъ пещися". Нужно различать *условія*. Жизнь для личнаго спасенія — это „постническое житіе", когда человѣкъ ни о чемъ матеріальномъ не заботится и можетъ быть кротокъ какъ агнецъ. Но въ *общественной жизни* это уже невозможно. Даже и святители, по монашескому чину лично отрекшіеся отъ міра, для другихъ обязаны имѣтъ „строеніе, попеченіе и наказаніе". Но святительское запрещеніе—по преимуществу—нравственное. „Царское же управленіе (требуетъ) страха, запрещенія и обузданія, и конечнаго запрещенія", въ виду „безумія злѣйшихъ человѣковъ лукавыхъ". Царь самъ наказуется отъ Бога, если его „несмотрѣніемъ" происходитъ зло.

Въ этомъ строеніи онъ безусловно самостоятеленъ. „А жаловать есми своихъ холопей *вольны* а и казнить ихъ *вольны же есмя*".

„Егда кого обрящемъ всѣхъ сихъ злыхъ (дѣлъ и наклонностей) освобожденнымъ, и къ намъ прямую свою службу содѣвающимъ, и не забывающимъ порученной ему службы, и мы того жалуемъ великими всякими жалованьями; а иже обрящется въ супротивныхъ, еже выше рѣхомъ, по своей винѣ и казнь пріемлетъ".

Власть столь важная должна быть *едина и неограниченна*. Владѣніе многихъ подобно „женскому безумію". Если управляемые будутъ не подъ единою властію, то хотя бы они въ отдѣльности были и храбры и разумны,—общее правленіе окажется „подобно женскому безумію". Царская власть не можетъ быть ограничиваема даже и святительскою. „Не подобаетъ священникамъ царская творити". Іоаннъ Грозный ссылался на Библію, и приводитъ примѣры изъ исторіи, заключая: „Понеже убо тамо быша цари послушны эпархамъ и сигклитамъ,—и въ какову погибель пріидоша. Сія ли намъ совѣтуешь?"

Еще болѣе вредно ограниченіе царской власти аристократіей. Царь по личному опыту обрисовываетъ бѣдствія, нестроенія и мятежи, порождаемые боярскимъ самовластіемъ. Расхитивъ царскую казну, самовластники, говоритъ онъ, набросились и на народъ: „Горчайшимъ мученіемъ имѣнія въ селахъ живущихъ пограбили". Кто можетъ исчислить напасти, произведенныя ими для сосѣднихъ жителей? „Жителей они себѣ сотвориша яко рабовъ,

своихъ же рабовъ устроили какъ вельможъ". Они называли себя правителями и военачальниками, а вмѣсто того повсюду создавали только неправды и нестроеніе, „мзду же безмѣрную отъ многихъ собирающе и вся по мздѣ творяще и глаголюще".

Положить предѣлъ этому хищничеству можетъ лишь самодержавіе. Однако же эта неограниченная *политическая* власть имѣетъ, какъ мы выше замѣтили, совершенно ясные предѣлы. Она ограничивается своимъ собственнымъ принципомъ.

„Всѣ божественныя писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣваютъ чадамъ отцемъ противитися и рабѣмъ господомъ": однако же, прибавляетъ Іоаннъ, „кромѣ вѣры". На этомъ пунктѣ Грозный, такъ сказать, призналъ бы со стороны Курбскаго *право* неповиновенія, почему усиленно доказываетъ, что этой, единственной законной причины неповиновенія Курбскій именно и не имѣетъ. „Противъ вѣры" Царь ничего не требовалъ и не сдѣлалъ. „Не токмо ты, но всѣ твои согласники и бѣсовскіе служители *не могутъ въ насъ сего обрѣсти*", говоритъ онъ, а потому и оправданія эти ослушники не имѣютъ. Нѣсколько разъ Грозный возвращается къ увѣреніямъ, что если онъ казнилъ людей, то ни въ чемъ не нарушилъ правъ церкви и ея святыни, являясь, наоборотъ, вѣрнымъ защитникомъ благочестія. Правъ или не правъ Іоаннъ *фактически*, утверждая это, но во всякомъ случаѣ его слова показываютъ, въ чемъ онъ признаетъ границы *дозволеннаго* и *недозволеннаго* для царя.

Отвѣтственность царя — передъ Богомъ *нравственная*, впрочемъ для вѣрующаго вполнѣ *реальная*, ибо Божья сила и наказаніе сильнѣе царскаго. На землѣ же, передъ подданными, царь не даетъ отвѣта. „Доселѣ русскіе владѣтели не допрашиваемы были („не исповѣдуемы") ни отъ кого, но вольны были своихъ подвластныхъ жаловать и казнить, а не судились съ ними ни передъ кѣмъ". Но *передъ Богомъ* судъ всѣмъ доступенъ. „Судиться же приводиши Христа Бога между мною и тобою, и азъ убо *сего судилища не отмѣтаюсь*". Напротивъ, *этотъ* судъ надъ царемъ тяготѣетъ больше чѣмъ надъ кѣмъ-либо. „Вѣрую, говоритъ Іоаннъ, яко о всѣхъ своихъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ, *судъ пріяти ми яко рабу*, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дать отвѣтъ, *аще моимъ несмотрѣніемъ* согрѣшаютъ".

XXII.

Идея власти по народнымъ поговоркамъ.

Такъ опредѣлялъ свою власть, обязанность и отвѣтственность царь, „мужъ чуднаго разсужденія“, о которомъ народный сказатель былинъ и доселѣ повторяетъ:

Когда зачиналась каменна Москва,
Зачинался въ ней и Грозный царь.

Они „зачинались“, росли и духовно слагались, дѣйствительно вмѣстѣ, народъ и царь, одинаково понимая задачи жизни, а потому опредѣляя одинаково и задачи *верховной власти*, которой подчиняли политическое устроеніе страны.

Въ своей вѣковой мудрости, сохраненной популярными изреченіями поговорокъ и пословицъ [1], нашъ народъ совершенно по-христіански обнаруживаетъ значительную долю скептицизма къ возможности *совершенства* въ земныхъ дѣлахъ. „Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы“, говоритъ онъ, но прибавляетъ: „Отъ запада до востока нѣтъ человѣка безъ порока“. При томъ же „въ дуракѣ и царь не воленъ“, а между тѣмъ „одинъ дуракъ бросить камень, а десять умныхъ не вытащатъ“. Это дѣйствіе человѣческаго несовершенства исключаетъ возможность устроиться вполнѣ хорошо, тѣмъ болѣе, что если глупый вноситъ много вреда, то умный, погрѣшая, еще больше. „Глупый погрѣшаетъ одинъ, а умный соблазняетъ многихъ“. Въ общей сложности приходится сознаться: „кто Богу не грѣшенъ,—царю не виноватъ!“ Сверхъ того интересы жизни сложны и противуположны: „Ни солнышку на всѣхъ не угрѣть, ни царю на всѣхъ не угодить“, тѣмъ болѣе, что „до Бога высоко, до царя далеко“...

Общественно-политическая жизнь поэтому не становится культомъ русскаго народа. Его идеалы—*нравственно-религіозные.* Религіозно-нравственная жизнь составляетъ лучшій центръ его помышленій. Онъ и о своей странѣ мечтаетъ именно, какъ о „*Святой* Руси“, и въ этихъ мечтахъ руководствуется не собственными измышленіями, а материнскимъ ученіемъ Церкви. „Кому Церковь не мать, тому Богъ не отецъ“, говоритъ онъ.

Такое подчиненіе міра *относительнаго* (политическаго и обще-

[1] Нижеслѣдующее изложеніе составлено главнымъ образомъ по Далю.

ственнаго) міру *абсолютному* (религіозному) приводитъ русскій народъ къ исканію политическихъ идеаловъ подъ покровомъ *Божіимъ*. Онъ ищетъ ихъ въ волѣ Божіей, и подобно тому, какъ царь принимаетъ свою власть лишь отъ Бога, такъ и народъ лишь отъ Бога желаетъ ее надъ собою получить. Такое настроеніе естественно приводитъ народъ къ исканію *единоличнаго носителя власти*, и притомъ *подчиненнаго* волѣ Божіей, т. е. именно монарха-самодержца!

Это неизбѣжно. Но нужно замѣтить, что увѣренность въ невозможности *совершенства* политическихъ отношеній ничуть не приводитъ народъ къ *униженію* ихъ, а напротивъ, къ стремленію въ возможно большей степени повысить ихъ, подчиняя ихъ абсолютному идеалу *правды*. Для этого нужно, чтобы политическія отношенія подчинялись *нравственнымъ*, а для этого, въ свою очередь, носителемъ верховной власти долженъ быть *одинъ* человѣкъ, рѣшитель дѣлъ по *совѣсти*.

Въ возможность устроить общественно-политическую жизнь посредствомъ юридическихъ нормъ народъ не вѣритъ. Онъ требуетъ отъ политической жизни *большаго*, чѣмъ способенъ дать *законъ*, установленный разъ навсегда, безъ соображенія съ индивидуальностью личности и случая. Это вѣчное чувство русскаго человѣка выразилъ и Пушкинъ, говоря: „законъ—дерево“, не можетъ угодить правдѣ, и поэтому „нужно, чтобы *одинъ* человѣкъ былъ выше всего, *выше даже закона*“. Народъ выражаетъ то же воззрѣніе на неспособность закона быть *высшимъ* выраженіемъ правды, искомой имъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, „законъ что дышло—куда поворотишь, туда и вышло“. „Законъ что паутина: шмель проскочетъ, а муха увязнетъ“.

Съ одной стороны „всуе законы писать, когда ихъ не исполнять“, но въ то же время законъ иногда безъ надобности стѣсняетъ: „Не всякій кнутъ по закону гнутъ“, и по необходимости „нужда свой законъ пишетъ“. Если законъ поставить выше всякихъ другихъ соображеній, то онъ даже вредитъ: „Строгій законъ виноватыхъ творитъ, и разумный тогда поневолѣ дуритъ“. Законъ по существу условенъ: „Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай“, а между тѣмъ „подъ всякую пѣсню не подпляшешься, подъ всякіе нравы не подладишься“. Такое *относительное* средство осуществленія правды никакъ не можетъ быть поставлено въ качествѣ высшаго „идеократическаго“ элемента, не говоря уже о злоупотребленіяхъ. А они тоже неизбѣжны. Иногда и „законы святы, да исполнители супостаты“. Случается, что

„сила законъ ломитъ“, и „кто законъ пишетъ, тотъ его и ломаетъ“. Нерѣдко виноватый можетъ спокойно говорить: „Что мнѣ законы, когда судьи знакомы?“

Единственное средство поставить правду высшею нормой общественной жизни состоитъ въ томъ, чтобы искать ее въ *личности*, и внизу, и вверху, ибо законъ хорошъ только по тому, *какъ* онъ примѣняется, а примѣненіе зависитъ отъ того, находится ли личность подъ властью высшей правды. „Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы“. „Кто самъ къ себѣ строгъ, того хранитъ и царь и Богъ“. „Кто не умѣетъ повиноваться, тотъ не умѣетъ и приказать“. „Кто собой не управитъ, тотъ и другаго на разумъ не наставитъ“. Но эта строгость подданныхъ къ самимъ себѣ хотя и даетъ основу дѣйствія для верховной власти, но еще не создаетъ ее. Если *верховную* власть не может составить безличный законъ, то не можетъ дать ее и „многомятежное человѣческое хотѣніе“. Черезъ 300 лѣтъ послѣ Грознаго Царя, народъ вмѣстѣ съ нимъ доселѣ повторяетъ: „Горе тому дому, коимъ владѣетъ жена, горе царству, коимъ владѣютъ многіе“.

Собственно говоря, *правящій* классъ народъ признаетъ широко, но только какъ вспомогательное орудіе правленія. „Царь безъ слугъ, какъ безъ рукъ“ и „Царь благими воеводы смиряетъ міра невзгоды“. Но этотъ правящій классъ народъ столь же мало идеализируетъ, какъ и безличный законъ. Вмѣстѣ съ Грознымъ народъ говоритъ: „Не держи двора близъ княжего двора“, вмѣсъ Даніиломъ Заточникомъ онъ замѣчаетъ: „Неволя, неволя боярскій дворъ: походя поѣшь, стоя выспишься“. Хотя „съ боярами знаться—ума набраться“, но также и „грѣха не обобраться“. „Въ боярскій дворъ ворота широки, да вонъ узки“: закабаливаетъ! Не проживешь безъ служилаго человѣка, но все-таки: „Помутилъ Богъ народъ—покормилъ воеводъ“, и „Люди ссорятся, а воеводы кормятся“. Точно также „Дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста“, и народъ знаетъ, что нерѣдко „Быть такъ, какъ помѣтилъ дьякъ“. Вообще, въ минуту пессимизма народная философія способна задаваться не легкимъ вопросомъ: „Въ землѣ черви, въ водѣ черти, въ лѣсу сучки, въ судѣ крючки: куда уйти?“

И народъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, уходя къ установкѣ *верховной власти* въ видѣ единоличнаго нравственнаго начала.

Въ политикѣ царь для народа не отдѣлимъ отъ Бога. Это вовсе не есть обоготвореніе политическаго начала, но *подчиненіе*

его божественному. Дѣло въ томъ, что „Судъ царевъ, а правда Божія". „Никто противъ Бога да противъ царя", но это потому, что „*царь отъ Бога приставъ*". „Всякая власть отъ Бога". Это не есть власть нравственно произвольная. Напротивъ: „Всякая власть Богу отвѣтъ дастъ". „Царь земной подъ Царемъ небеснымъ ходитъ", и народная мудрость многозначительно добавляетъ даже: „у Царя царствующихъ *много царей*"... Но, ставя царя въ такую полную зависимость отъ Бога, народъ въ царѣ призываетъ Божью волю для верховнаго устроенія земныхъ дѣлъ, предоставляя ему для этого всю безграничность власти.

Это не есть передача государю народнаго самодержавія, какъ бываетъ при идеѣ диктатуры и цезаризма, а просто *отказъ* отъ собственнаго самодержавія въ пользу *Божьей воли*, которая ставитъ царя, какъ представителя не народной, а Божественной власти.

Царь такимъ образомъ является проводникомъ въ политическую жизнь воли Божіей. „Царь повелѣваетъ, а Богъ на истинный путь наставляетъ". „Сердца царево въ рукѣ Божіей". Точно также „Царскій гнѣвъ и милость въ рукахъ Божіихъ". „Чего Богъ не изволитъ, того и царь не изволитъ". Получая власть отъ Бога, царь, съ другой стороны, до такой степени безусловно признается, что совершенно неразрывно сливается съ народомъ. Ибо представляя передъ народомъ въ политикѣ власть Божью, царь передъ Богомъ представляетъ народъ. „Народъ тѣло, а царь голова", и это единство такъ нераздѣлимо, что народъ даже наказуется за грѣхи царя. „За царское согрѣшенье Богъ всю землю казнитъ, за угодность милуетъ", и въ этой взаимной отвѣтственности царь стоитъ даже на первомъ мѣстѣ. „Народъ согрѣшитъ—*царь умолитъ*, а царь согрѣшитъ,—*народъ не умолитъ*". Идея въ высшей степени характеристичная. Легко понять, въ какой безмѣрной степени велика нравственная отвѣтственность царя при такомъ искреннемъ, всепреданномъ сліяніи съ нимъ народа, когда народъ, безусловно ему повинуясь, согласенъ при этомъ даже еще *отвѣчать за его грѣхи*.

Никакое человѣческое воображеніе не можетъ представить себѣ болѣе безусловнаго монархическаго чувства, бóльшаго подчиненія, бóльшаго единенія. Необходимо обратить вниманіе, что это не чувство раба, только подчиняющагося, а потому не отвѣтственнаго. Народъ напротивъ *отвѣчаетъ* за грѣхи царя. Это стало быть переносъ въ политику христіанскаго настроенія, когда человѣкъ молитъ „да будетъ воля Твоя" и въ то же

время ни на секунду не отрѣшается отъ собственной отвѣтственности. Въ царѣ народъ выдвигаетъ ту же молитву, то же исканіе воли Божіей, безъ уклоненія отъ отвѣтственности, почему и желаетъ полнаго нравственнаго единства съ отвѣчающимъ передъ Богомъ царемъ.

Для не-христіанина *этотъ* политическій принципъ просто *не понятенъ*. Для христіанина онъ свѣтитъ и грѣетъ какъ солнце. Подчинившись въ царѣ до такой безусловной степени Богу, нашъ народъ не чувствуетъ тревоги, а, напротивъ, успокаивается. Его вѣра въ *дѣйствительное существованіе*, въ *реальность* Божіей воли выше всякихъ сомнѣній, а потому, сдѣлавъ со своей стороны все для подчиненія волѣ Божіей, онъ вполнѣ увѣренъ, что и Богъ его не оставитъ, а стало быть дастъ *наибольшую* обезпеченность положенія.

Вдумываясь въ эту психологію, мы поймемъ, почему народъ о своемъ царѣ говоритъ въ такихъ трогательныхъ, любящихъ выраженіяхъ: „Государь, батюшка, надёжа, православный царь"... Въ этой формулѣ всё: и власть, и родственность, и упованіе и сознаніе источника своего политическаго принципа. Единство съ царемъ для народа не пустое слово. Онъ вѣритъ, что „народъ думаетъ, а царь *вѣдаетъ*" народную думу, ибо „царево око видитъ далеко", „царскій глазъ далеко сягаетъ", и „какъ весь народъ воздохнетъ—до царя *дойдетъ*". При такомъ единствѣ отвѣтственность за царя совершенно логична. И понятно, что она несетъ не страхъ, а надежду. Народъ знаетъ, что „Благо народа въ рукѣ царевой", но помнитъ твердо, что „До милосерднаго царя и Господь милосердъ". Съ такимъ міросозерцаніемъ становится понятно, что „Нельзя царству безъ царя стоять". „Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится". „Безъ царя земля вдова". Это таинственный союзъ, непонятный безъ вѣры, но при вѣрѣ дающій и надежду и любовь.

Неограниченна власть царя. „Не Москва государю указъ, а государь Москвѣ". „Воля царская — законъ", „царское осужденіе безсудно". Царь и для народа, какъ въ христіанскомъ ученіи, не даромъ носитъ мечъ. Онъ представитель грозной силы. „Карать да миловать Богу да царю". „Гдѣ царь, тамъ гроза". „До царя идти — голову нести". „Гнѣвъ царя—посолъ смерти". „Близъ царя—близъ смерти". Царь источникъ силы, но онъ же источникъ славы: „Близъ царя—близъ чести". Онъ же источникъ всего добраго: „Гдѣ царь, тамъ и правда", „Богатъ

Богъ милостью, а государь жалостью". „Безъ царя народъ сирота". Какъ солнце онъ свѣтитъ: „При солнцѣ тепло, при государѣ добро". Если когда и „Грозенъ царь, да милостивъ Богъ". И въ твердой надеждѣ, что „царь повелѣваетъ, а Господь на истинный путь направляетъ", народъ стѣной окружаетъ своего „батюшку" и „надёжу", „вѣрой и правдой" служа ему. „За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ" говоритъ онъ, и готовъ идти въ своей исторической страдѣ куда угодно, повторяя „Гдѣ ни жить, одному царю служить" и во всѣхъ испытаніяхъ утѣшая себя мыслью: „На всё святая воля царская".

XXIII.

Значеніе чувства и сознательности въ психологической основѣ власти.

Послѣднія главы достаточно, полагаю, показываютъ, до какой степени полнаго *единства* можетъ доходить политическое самосознаніе народа и верховной власти, развивающееся на почвѣ *религіознаго* идеала жизни. Эта совокупность условій именно и необходима для того, чтобы власть *единоличная* могла превратиться въ силу *монархическую*, то-есть стать верховною *сама по себѣ*, а не какъ замаскированная делегація народной власти. Въ тонкостяхъ этой *психологической* основы политическаго творчества вся сущность различныхъ формъ верховной власти. Однако необходимо замѣтить, что здѣсь дѣло далеко не въ одномъ *чувствѣ*. Судьбы различныхъ формъ верховной власти существеннѣйшимъ образомъ зависятъ также отъ состоянія нашего *сознанія*.

Изъ всѣхъ областей соціальнаго творчества, *политическая* есть область наиболѣе *сознательная*, наиболѣе подверженная вліянію нашего *разсужденія*, а стало быть всего того, чѣмъ обусловливается разсужденіе, какъ, напримѣръ, состояніемъ нашего знанія, логической развитости, способности критической оцѣнки и т. д. Отсюда ясно, какое значеніе для политическаго строенія имѣетъ тотъ или иной характеръ образованнаго класса націи, степень дѣйствительной *образованности* его, степень высоты развитія науки въ данной странѣ, а также и степень *самостоятельности* этой науки.

Въ политическомъ творчествѣ націи значеніе *доктрины* и вообще *идеи* весьма велико. Поэтому вліяніе какихъ-либо чужихъ идей здѣсь особенно легко и замѣтно, если онѣ оказываются сильнѣе мѣстныхъ. Между тѣмъ эти *чужія* политическія идеи

могутъ исходить изъ совершенно инаго психологическаго настроенія и, не соотвѣтствуя психологическому настроенію данной націи, тѣмъ не менѣе способны давить на ея *разсудокъ*, а черезъ него и на политическое творчество. Посему-то, какъ выше было замѣчено, развитіе данной формы верховной власти идетъ всегда не только путемъ ея собственной, внутренней логики, но и подъ давленіемъ многочисленныхъ внѣшнихъ вліяній. Это можетъ имѣть и благое и зловредное вліяніе. Но, во всякомъ случаѣ, это вліяніе *сознательности* составляетъ фактъ, который непремѣнно должно принимать во вниманіе при наблюденіи формъ верховной власти. Это относится точно также и къ власти монархической.

Религіозное міросозерцаніе націи порождаетъ *инстинктивное* стремленіе къ *монархической* власти, и тотъ же инстинктъ подсказываетъ въ общихъ чертахъ многія необходимыя для монархическаго строенія истины. Но одинъ инстинктъ не можетъ замѣнить *сознательности,* при отсутствіи которой въ приложеніи и стало быть въ осуществленіи монархическаго принципа неизбѣжно должны возникать ошибки, можетъ быть даже роковыя. Точно также и при одной *сознательности* невозможно создать монархіи, если нѣтъ соотвѣтственнаго *чувства.* Оба условія одинаково необходимы. Инстинктъ, чувство, создаетъ *почву*, безъ которой ничего нельзя сдѣлать, и кромѣ того нерѣдко спасаетъ отъ самыхъ ошибокъ разсудка, но въ свою очередь и *политическій разумъ* такъ необходимъ, его сила такъ велика, что онъ въ концѣ-концовъ способенъ даже пересоздать и самое чувство націи, или по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что ошибки политическаго разума способны *извращать* дѣйствія самаго прекраснаго и сильнаго чувства.

XXIV.

Стихійность нашей исторіи.—Недостатокъ научной мысли.

Если судить по правильности и чистотѣ основъ, заложенныхъ у насъ исторіей, то Россію можно признать самою типично-монархическою страной. Изученіе нашей исторіи для уясненія себѣ смысла монархическаго начала власти съ этой точки зрѣнія драгоцѣнно. Но въ той же исторіи мы знакомимся и съ условіями, препятствующими развитію монархическаго начала. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ должно поставить малое развитіе *сознательности.*

Стихійность нашей исторіи вообще такъ бросается въ глаза,

что нѣтъ, кажется, ни одного историка, не отмѣчавшаго это явленіе. У насъ велико почти всегда то, что подсказывается *инстинктомъ*, голосомъ чувства, вытекающимъ изъ тѣхъ душевныхъ тайниковъ, которые въ русскомъ народѣ наполнены по преимуществу вѣрой. У насъ крупно и иногда велико и то, въ построеніи чего человѣкъ, природно способный и хорошо выдержанный въ нравственномъ отношеніи, можетъ создать при помощи непосредственнаго здраваго смысла, т. е. руководясь тѣмъ, что лично видитъ и наблюдаетъ. Но повсюду, гдѣ нужно глубокое пониманіе внутренняго смысла явленій, мы оказываемся слабы.

Это неразвитое самосознаніе, понятно, не можетъ не отражаться многочисленными препятствіями и на дѣйствіи политической власти.

Наша политическая идея вытекла изъ религіознаго міросозерцанія. Но оно само по себѣ можетъ дать лишь *основу*. Для полнаго самопониманія и дѣйствія политическая идея должна сознать себя именно какъ *политическая*. Идея религіозная давала ей правильный исходный пунктъ, но это и все, что она могла и должна была дать. Остальное должно были создать ученіе и философія чисто *политическія*. Но этого-то и не было.

Задача самосознанія всякаго принципа не легка и безъ той могучей умственной работы, которую называютъ *научною*, невозможна. Только такая работа можетъ выяснить для насъ, что разсматриваемый принципъ создаетъ самимъ *содержаніемъ* своимъ и вытекающею изъ этого содержанія внутреннею логикой развитія, и что привносится историческою средой, въ которой пришлось прилагать данный принципъ. Если мы оставимъ безъ вниманія *внутреннюю* логику развитія, а ограничимся лишь внѣшнимъ наблюденіемъ фактовъ, то мы не будемъ знать разсматриваемаго принципа. Мы тогда отнесемъ на счётъ его *собственнаго* содержанія то, что на самомъ дѣлѣ составляетъ чуждое и противное ему содержаніе среды, или, наоборотъ, припишемъ ему тѣ заслуги, то благотворное дѣйствіе, которое на самомъ дѣлѣ, вопреки ему, произведено какими-либо другими факторами, одновременно съ нимъ дѣйствовавшими. Такимъ образомъ для пониманія политическаго принципа мы должны знать не одну историческую практику, но и самый идеалъ его, его внутреннее содержаніе, должны знать не только то, что онъ *сдѣлалъ*, но также то, что онъ *способенъ* по внутреннему содержанію сдѣлать. Мы должны понять обстановку, необходимую для полнаго развитія

этого принципа, оцѣнить значеніе ея, и только тогда можно считать свое пониманіе точнымъ и полнымъ. Но этотъ *внутренній смыслъ* политическихъ принциповъ, ихъ внутренняя логика развитія, ихъ потенціальное развитіе, абстрагированное отъ политическихъ случайностей, доступны лишь сильно развитой научной мысли. А при руководствѣ только опытною эмпирикой, при незнаніи внутренней логики развитія того или инаго принципа, мы будемъ постоянно жертвой ошибокъ въ своей дѣятельности. Мы будемъ возлагать на непонимаемые нами принципы такія надежды, которыхъ они органически неспособны осуществить, и наоборотъ, оставимъ безъ вниманія тѣ перспективы, быть можетъ гораздо болѣе широкія, которыя открылъ бы передъ нами нашъ принципъ, защищенный отъ искаженія, и направленный въ дѣйствительную сторону своей силы.

Вотъ этого то научнаго и философскаго самопониманія у насъ никогда не было въ политическомъ отношеніи, и это отражалось самымъ невыгоднымъ образомъ на нашемъ развитіи каждый разъ, когда русская мысль, столь неразвитая въ *собственномъ* содержаніи, сталкивалась съ ясно, отчетливо и логически развитою мыслью Европы.

Къ этой слабой сторонѣ нашей мы сейчасъ перейдемъ. Но предварительно должно замѣтить, что инстинктивное дѣйствіе правильно заложенныхъ основъ столь могуче у насъ, что никакія ошибки сознанія доселѣ не могли ихъ вполнѣ побѣдить...

XXV.

Проницательность народнаго инстинкта. — Народъ и Іоаннъ. — Смутное время.—Возстановленіе самодержавія. — Карамзинъ. — Катковъ.—Почему самодержецъ не можетъ ограничить своей власти.

Дѣйствительно, во всѣ *критическіе*, рѣшающіе моменты нашей исторіи голосъ могучаго *инстинкта* побѣждалъ у насъ всѣ шатанія политическихъ доктринъ, и возвышался до геніальной проницательности.

Замѣчательна память объ ореолѣ, которымъ русскій народъ окружилъ „опальчиваго“ борца за самодержавіе, опускавшаго столь часто свою тяжкую руку и на массы, ему безусловно вѣрныя. На борьбу Іоанна IV съ аристократіей народъ такъ и смотрѣлъ, какъ „на выведеніе *измѣны*“, хотя, строго говоря, „измѣнниковъ Россіи“ въ прямомъ смыслѣ Іоаннъ почти не имѣлъ передъ собой. Но народъ чуялъ, что здѣсь была *измѣна русской идеѣ*

верховной власти, внѣ которой уже не представлялъ себѣ своей святой Руси.

Смутное время сдѣлало, казалось, все возможное для подрыва идеи власти, которая не сумѣла ни предотвратить, ни усмирить смуты, а потомъ была омрачена позорною узурпацiей бродяги самозванца и иноземной авантюристки. Съ расшатанностью Царской власти, аристократiя снова подняла голову: начали брать съ царей „записи". Но ничто не могло разлучить народъ съ идеей, вытекавшей изъ его мiросозерцанiя. Онъ въ униженiи власти видѣлъ *свой грѣхъ* и Божье наказанiе. Онъ не разочаровывался, а только плакалъ и молился:

Ты, Боже, Боже, Спасе милостивый,
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался,
Наслалъ намъ, Боже, прелестника,
Злого разстригу, Гришку Отрепьева.
Ужели онъ, разстрига, на царство сѣлъ?..

Разстрига погибъ, и при видѣ оскверненной имъ святыни народъ вывелъ заключенiе не о какой-либо *реформѣ,* а о необходимости *полнаго* возстановленiя самодержавiя. Главною причиной непопулярности Василiя Шуйскаго были *уступки* боярству. „Запись Шуйскаго и цѣлованiе креста въ исполненiи ея, говоритъ Романовичъ-Славатинскiй, возмутили народъ, возражавшiй ему, чтобы онъ записи не давалъ и креста не цѣловалъ, что того искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось". А между тѣмъ „ограниченiе" только и состояло въ обязательствѣ не казнить *безъ суда* и въ признанiи *совѣщательнаго* голоса боярства. То и другое каждый царь и безъ записи соблюдалъ, но монархическое чувство народа оскорблялось не содержанiемъ обязательствъ, а фактомъ превращенiя обязательности *нравственной* въ *юридическую.*

Всеобщiй бунтъ противъ королевича тоже характеристиченъ. Кандидатура Владислава сулила водворить порядокъ на началахъ „конституцiонныхъ", въ которыхъ права русской нацiи были широко ограждены. Онъ принялъ обязательство ограничить свою власть не только аристократическою боярскою Думой, но также *земскимъ соборомъ.* Подъ охрану земскаго собора онъ ставилъ свое обязательство *не измѣнять русскихъ законовъ* и не налагать самовольно *податей.* Съ современной „либеральной" точки зрѣнiя восшествiе иностраннаго принца на такихъ условiяхъ не нарушало ни въ чемъ интересовъ страны. Но Россiя понимала иначе свои интересы. Именно кандидатура Владислава и была послѣд-

нею каплей, переполнившей чашу. Поучительно вспомнить содержаніе прокламацій кн. Пожарскаго и другихъ патріотовъ, возбуждавшихъ народъ къ возстанію.

Прокламаціи призываютъ къ возстановленію власти *государя*. „Вамъ, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную вѣру, совѣтывать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть *не безгосударными*". Конституціонный королевичъ, очевидно, ничего не говорилъ сердцу народа. „Сами, господа, вѣдаете, продолжаетъ прокламація, какъ намъ *безъ государя* противъ общихъ враговъ, польскихъ, и литовскихъ, и нѣмецкихъ людей, и русскихъ воровъ—стоять? Какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылаться? Какъ государству нашему впредь стоять крѣпко и неподвижно?"

Національно-монархическое движеніе, какъ извѣстно, стерло всѣ замыслы ограниченія самодержавія до такой степени, что теперь наши историки не могутъ даже съ точностью возстановить, что̀ именно успѣли бояре временно выхватить у Михаила. Во всякомъ случаѣ ограничительныя условія были выброшены очень скоро въ *періодъ непрерывнаго засѣданія земскихъ соборовъ* (между 1620—25 годами). Народъ смотрѣлъ на пережитое бѣдствіе, какъ на Божью кару, торжественно обѣщалъ царю „поисправиться" и заявляя Михаилу, что „безъ государя Московскому государству стояти не мочно" — „обралъ" его „на всей его волѣ" [1].

Много тяжкихъ испытаній и горькихъ оскорбленій пришлось выносить народному чувству въ XVIII вѣкѣ, не обходилось безъ того и въ XIX. Находилось постоянно немало и „своихъ русскихъ воровъ" въ новой формѣ. Но не измѣнила Россія своему идеалу, и когда императоръ, воспитанный республиканцемъ, готовъ былъ поднять руку на свою наслѣдственную власть, онъ услышалъ тотъ же вѣчный русскій протестъ:

„Если бы Александръ, пишетъ Карамзинъ въ своей знаменитой запискѣ, вдохновленный великодушною ненавистью къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ *иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти*, то истинный гражданинъ россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: Государь, ты *преступаешь границы своей власти*. Наученная дол-

[1] Романовичъ.

товременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею *верховно, нераздѣльно*. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти: иной не имѣешь. *Можешь все, но не можешь законно ограничить ее*".

То же слово раздалось снова и позднѣе въ минуту, снова напомнившую Россіи смуту и колебанія прошлыхъ вѣковъ. „Самъ монархъ, заявилъ тогда М. Н. Катковъ, выражая историческую мысль цѣлой страны,—*самъ монархъ не могъ бы умалить полноту правъ своихъ*. Онъ властенъ не пользоваться ими, подвергая тѣмъ себя и государство опасностямъ, но *онъ не могъ бы отмѣнить ихъ, если бы и хотѣлъ*".

Въ этихъ заявленіяхъ выражается замѣчательно глубокое, инстинктивное проникновеніе смысла монархической идеи. Насколько *сознательно* въ нихъ пониманіе, почему не можетъ ограничить свою власть самодержавный монархъ? Не рѣшусь сказать этого о М. Н. Катковѣ, который такъ удивительно много въ этомъ отношеніи *понималъ*. Но у Карамзина ясно говорилъ скорѣе русскій *инстинктъ*, такъ какъ Карамзинъ, не умѣя найти принципіальнаго основанія и подъ вліяніемъ абсолютистскихъ теорій вѣка, прямо указывалъ на *волю народа*. Дѣло, однако, вовсе не въ волѣ народа. Монархъ, по смыслу своей идеи, даже и при волѣ на то народа не можетъ ограничить своей власти, не совершая тѣмъ вмѣстѣ съ народомъ беззаконнаго (съ монархической точки зрѣнія) coup d'Etat. Ограничить самодержавіе это значитъ *упразднить верховную власть нравственно религіознаго идеала*, или, выражаясь языкомъ вѣры, *упразднить верховную власть Божію въ устроеніи общества*. Кто бы этого ни хотѣлъ, монархъ или народъ, положеніе дѣла отъ этого не измѣняется. Совершается *переворотъ*, coup d'Etat. Но если народъ, потерявши вѣру въ Бога, получаетъ, такъ сказать, право бунта противъ Него, то ужъ монархъ ни въ какомъ случаѣ этого права не имѣетъ, ибо онъ, въ отношеніи *идеала*, есть только *хранитель*, depositaire, власти, довѣренное лицо.

Въ отношеніи *идеала*, въ отношеніи Бога, монархъ имѣетъ не права, а *обязанность*. Если онъ, потерявъ вѣру или по какимъ-либо другимъ причинамъ, не желаетъ болѣе исполнять обязанностей, то все, что можно допустить, по смыслу принципа, есть *отреченіе отъ престола*. Только тогда, въ качествѣ простого гражданина, онъ могъ бы наравнѣ съ другими стремиться къ антимонархическому coup d'Etat. Но *упразднить собственную*

обязанность, пользуясь для этого орудіями, данными только *для ея выполненія*, это, конечно, составило бы актъ величайшаго превышенія права, какое только существуетъ на землѣ.

XXVI.

Слабость политическаго сознанія.—Грозный.—Петръ Великій.—Господство частнаго вдохновенія надъ принципомъ.—Подрывъ собственной идеи власти.—Вторженіе абсолютизма.

На-ряду съ вдохновенными проявленіями монархическаго инстинкта, нельзя не видѣть, что политическій разумъ у насъ далеко не стоялъ на высотѣ инстинкта и разсудка, которыми строилась Русская земля.

У насъ рѣшительно нѣтъ эпохи, въ которую не видно было бы недостаточной *сознательности* нашего политическаго принципа. Не касаясь первыхъ вѣковъ, когда онъ, естественно, затемнялся могучею аристократіей удѣльнаго періода, мѣстами уступавшей мѣсто демократіи, — даже въ эпоху національной „реставраціи“, послѣ 1612 г., мы видимъ неумѣніе разобраться, напримѣръ, въ отношеніяхъ Церкви и государства, при чемъ эти отношенія складываются подъ вліяніемъ скорѣе личныхъ талантовъ, чѣмъ сознательной политической идеи. У такого замѣчательнаго государственнаго человѣка, какъ Филаретъ Никитичъ, государственно-церковная политика складывается видимо подъ вліяніемъ случайныхъ условій *личнаго* положенія. Эпоха Никона, обнаруживъ чрезмѣрныя притязанія іерархіи, въ то же время и со стороны государственной власти не показала большаго умѣнья разобраться въ вопросѣ столь важномъ для самодержавнаго принципа. Самодержавная идея во многомъ несомнѣнно затуманивалась даже для такого проницательнаго „теоретика“, какъ Іоаннъ Грозный. Такъ, напримѣръ, извѣстный совѣтъ Вассіана „если хочешь быть самодержцемъ, — не держи совѣтниковъ умнѣе себя“ — былъ принятъ Грознымъ, какъ нѣкоторое откровеніе. А между тѣмъ что можетъ быть по идеѣ болѣе противно монархическому принципу? Точно также совершенно противны ему мѣры, неоднократно принимавшіяся Іоанномъ для *отдѣленія* государства отъ „земства“, въ родѣ назначенія особаго „земскаго царя“ Симеона [1] и тѣмъ болѣе учре-

[1] Г. Соловьевъ (*Ист. Россіи*, кн. II, стр. 130) приводитъ лѣтописное свидѣтельство о *вѣнчаніи* Симеона Бекбулатовича на царство, и *челобитную* ему самого „Иванца Васильева съ дѣтишками, съ Иванцомъ да съ Ѳедорцомъ“...

жденіе опричнины. Опричники, какъ особый „корпусъ жандармовъ“, конечно, могли быть нужными для борьбы съ боярствомъ. Но Іоаннъ придавалъ своей опричнинѣ какой-то особо глубокій, принципіальный смыслъ, и даже въ завѣщаніи дѣтямъ своимъ говоритъ, что въ ней для нихъ, если пожелаютъ воспользоваться, „образецъ учиненъ готовъ“.

Но особенно любопытный примѣръ представляетъ Петръ Первый. Самодержавный инстинктъ у него по истинѣ геніально великъ, но повсюду, гдѣ нужно самодержавное сознаніе, Петръ совершаетъ иногда поразительные подрывы своей собственной идеи. Инстинктъ почти никогда не обманывалъ его въ чисто *личномъ* вопросѣ: что онъ, Петръ, какъ монархъ, долженъ сдѣлать? Но когда ему приходилось намѣчать дѣйствіе монарха *вообще*, т. е. въ видѣ постоянныхъ учредительныхъ мѣръ, Петръ почти всегда умѣлъ рѣшить вопросъ только посредствомъ увѣковѣченія своей личной, частной мѣры. Принципъ есть отвлеченіе того общаго, что объединяетъ частныя мѣры и что, слѣдовательно, приложимо *ко всѣмъ* разнообразнымъ случаямъ: этого то принципа у Петра и не видно. Онъ геніальнымъ монархическимъ чутьемъ зналъ, что долженъ сдѣлать *онъ*, и оказывался страшно безпомощенъ въ пониманіи того, что должно дѣлать вообще. Поэтому онъ *личнымъ примѣромъ* укрѣпилъ у насъ монархическую идею, быть можетъ, какъ никто; въ то же время всѣми дѣйствіями, носящими *принципіальный* характеръ до такой степени подрывалъ эту идею, что нужно только удивляться крѣпости принципа, безвредно пережившаго наслѣдство Петровскихъ временъ.

Въ самой общей, основной задачѣ своей миссіи Петръ безусловно правъ. Онъ понялъ, что, какъ монархъ, какъ носитель самодержавной идеи, долженъ безтрепетно, и хотя бы вопреки желаніямъ народа, взвалить на свои плечи страшную задачу: привесть Россію возможно больше и возможно скорѣе къ обладанію средствами европейской культуры. Когда мы вспомнимъ обстоятельства конца XVII вѣка, то нельзя не сознаться, что это было для Россіи вопросомъ „быть иль не быть“. И однако задача недостаточно сознавалась. Сверхъ того, для Россіи она была прямо *непосильна*. Поэтому Петръ былъ безусловно правъ, *для себя*, для своего момента и для своей личности, — употребивъ весь свой царскій авторитетъ и власть для того, чтобы создать жесточайшую диктатуру, силой двинуть страну и, за слабостью ея средствъ, закабалить *всю націю* на службѣ цѣлямъ

государства. Другаго исхода не было, и Петръ, закабаляя всѣхъ на одномъ главнѣйшемъ дѣлѣ, былъ поэтому правъ.

Но какъ только эта диктатура, какъ только это всеобщее закабаленіе становится изъ временной мѣры постояннымъ устройствомъ,—дѣло совершенно измѣняется.

Эта система также относится къ политикѣ, какъ реквизиціи къ правильному финансовому обложенію. Бываютъ моменты, когда реквизиція—есть *единственное* средство, и тогда она необходима. Но возведенная въ систему, она разоряетъ страну. Точно также всеобщее закрѣпощеніе государству, дѣлаясь *системой*, должно въ корень разрушить всякій естественный соціальный строй, уничтожить всѣ самостоятельные родники общественной жизни...

Церковная политика Петра еще болѣе характеристична. Здѣсь повторяется та же черта. Имѣя *временную надобность* не обращать вниманія на противодѣйствіе извѣстной доли іерархіи, Петръ, вмѣсто простаго пользованія этимъ безспорнымъ правомъ самодержца, задумываетъ уничтоженіе *самостоятельности* Церкви, и направляетъ злой геній Ѳеофана Прокоповича на самую рискованную ломку того, что̀, собственно говоря, выше правъ даже самодержца. Въ своемъ письмѣ восточнымъ патріархамъ Петръ объясняетъ, что боится Божія гнѣва за нестроеніе Церкви, почему и предпринялъ ея реорганизацію. Однако же, при самомъ даже небольшомъ сознаніи своего принципа, Петръ могъ бы вспомнить, что организація мѣстныхъ церквей установлена и освящена вселенскою Церковью задолго до него, когда еще и Россія не существовало, а посему, если точно необходимо было устроить русскую церковь, дѣйствительно, разстроенную его же нежеланіемъ цѣлыхъ 20 лѣтъ избрать новаго патріарха,—то для этого устроенія вовсе не имѣлось надобности въ измышленіяхъ Ѳеофана Прокоповича, и вообще кого бы-то ни было.

Помимо этого,—извѣстенъ принципъ, положенный въ основу Духовнаго Регламента, будто бы монархъ есть „крайній судія“ высшаго управленія церковью, безъ всякихъ ограниченій этой воображаемой компетенціи. Насколько этотъ принципъ уклоняется отъ русской дѣйствительности, видно уже изъ того, что даже по *основнымъ* законамъ, послѣ Петра, когда наступили времена кодификаціи, не только православная вѣра была признана господствующею въ Россіи, но и отъ самого монарха требуется, какъ обязательное условіе, исповѣдываніе именно *православной* вѣры. Какъ сынъ же Православной Церкви, онъ

является ея попечителемъ, ктиторомъ, но никакъ не „крайнимъ судьей“. Эта принципіальная ошибка породила неисчислимый вредъ, не только при самомъ Петрѣ, но и послѣ него, ибо въ своемъ отношеніи къ Церкви Петръ подрывалъ самое основаніе монархической власти, ея нравственно-религіозную основу.

Не останавливаясь долѣе на этихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, породившихъ извѣстную ходячую фразу о „вавилонскомъ плѣненіи“ русской Церкви, туманность монархической идеи въ Петровской реформѣ можно достаточно видѣть въ уничтоженіи *правильнаго престолонаслѣдія*. Здѣсь опять совершенно случайное, чисто личное затрудненіе заставляетъ Петра возвести *въ принципъ* то, что можетъ быть допустимо лишь въ качествѣ неизбѣжнаго иногда нарушенія принципа.

Уставъ Петра о престолонаслѣдіи, изданный уже *по смерти* несчастнаго сына его, называетъ наслѣдство старшимъ сыномъ „недобрымъ обычаемъ“, и установляетъ „дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго Государя, *кому оный хочетъ*, тому и опредѣлитъ наслѣдство“ [1]. Въ довершеніе же всего,—до самой кончины онъ не собрался, несмотря на опасное состояніе своего здоровья, назначить себѣ никакого наслѣдника.

Петру нашъ сводъ законовъ обязанъ нѣкоторыми опредѣленіями монархической власти. Это иногда его заслуга, хотя совершенная какъ бы мимоходомъ, и должно замѣтить, что въ своихъ опредѣленіяхъ Петръ повторяетъ большею частью лишь народные афоризмы, не обнаруживая при этомъ болѣе глубокой мотивировки ихъ, чѣмъ была у массы народа. Въ *Военномъ Артикулѣ* сказано: „Его Величество есть самовластный монархъ, который *никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ*, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, *яко христіанскій государь*, по своей волѣ и благомнѣнію управлять“. Также и въ *Духовномъ Регламентѣ* выражено: „Монарха власть есть самодержавная, которой *повиноваться Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ*“. Самъ историческій геній Россіи внушилъ Петру эти слова, безъ которыхъ, впослѣдствіи, наши ученые конституціонной школы имѣли бы еще больше простора въ искаженіи монархической идеи. Еще болѣе великъ и вдохновененъ Петръ въ редактированіи нашей *формулы присяги*. Здѣсь Петръ формулировалъ то, что всегда велико у него—*личное* монархическое ощущеніе своей связи съ подданными. Эта формула—доселѣ не имѣетъ ничего

---

[1] Соловьевъ, кн. IV, 839—40.

себѣ равнаго по глубинѣ монархическаго сознанія. Это великій документъ для уясненія ея принципа. Но когда Петръ самъ начинаетъ *выяснять* свой политическій принципъ, то можно только растеряться среди его противурѣчій. Въ это время уже явилось у насъ стремленіе понять себя „отъ разума", какъ принципъ *политическій.* А между тѣмъ нашъ политическій разумъ безмолвствовалъ, и при его молчаніи слышны были только голоса „разума" западнаго. Такимъ образомъ къ намъ широкою волной полились идеи абсолютистскія и демократическія. Въ знаменитой *Правдѣ воли Монаршей,* составленной тѣмъ же Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по порученію Петра, теоретическія основы монархіи излагаются по Гуго Гроцію и Гоббсу и утверждаются на договорномъ происхожденіи государства! *Правда* утверждаетъ, что россійскіе подданные должны были вначалѣ заключить договоръ между собою и затѣмъ народъ „воли своей отрекся и отдалъ её монарху". Между прочимъ, тутъ же объясняется, что государь можетъ закономъ повелѣть своему народу не только всё то, что къ его пользѣ относится, *но и всё то, что ему только нравится.* Это толкованіе нашей власти вошло какъ офиціальный актъ въ *Полное собраніе законовъ,* гдѣ напечатано въ VII томѣ подъ № 4880 [1].

Появленіе абсолютистской точки зрѣнія въ эпоху Петра составляетъ фактъ прискорбно знаменательный. Въ смыслѣ *сознательности* это составило большой регрессъ сравнительно съ Іоанномъ Грознымъ, котораго такъ уважалъ Петръ Великій. А одновременно съ тѣмъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ томъ же самомъ *Духовномъ Регламентѣ,* объясняетъ, что „правленіе соборное совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство", такъ какъ, съ одной стороны, „истина извѣстнѣе взыскуется соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ", съ другой стороны—даже „вящая ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ." [2] Конечно, всё это говорится только въ отношеніи патріаршей власти, уничтожаемой реформаторомъ, но высказывается какъ принципъ *общій.*

Ничего подобнаго не возможно было бы написать при даже средней ясности сознанія идеи власти монархической и церковной.

Излишне говорить, что и послѣ Петра устроительныя идеи

---

[1] А. Алексѣевъ, *Русск. Госуд. Пр.,* стр. 190—191.
[2] *Духовный Регламентъ* стр. 9—10.

у насъ слишкомъ часто почерпались изъ источниковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ *нашими* началами власти. Это сказалось въ *Наказѣ* Екатерины, въ развитіи крѣпостнаго права, въ отношеніи къ дворянству, какъ позднѣе въ отношеніи къ суду и т. д. и т. д. И мудрено ли, когда нашъ политическій *разумъ*, научное теоретическое самосознаніе, и доселѣ продолжаетъ пребывать въ томъ состояніи, которое мы уже отчасти характеризовали въ понятіяхъ нашего общаго государственнаго права?

XXVII.

Слабость научной мысли.—А. Градовскій.—Источники познанія государственнаго права.—Успѣхи нашей науки. — Б. Чичеринъ. — Романовичъ-Славатинскій.— Недостаточность успѣховъ. — Смѣшеніе самодержавія и абсолютизма.

Мы видѣли выше, какъ безпомощна оказывается наука наша въ области европейскихъ ученій о верховной власти. Еще совсѣмъ недавно, у такого доселѣ авторитетнаго ученаго, какъ А. Градовскій, она въ „Началахъ русскаго государственнаго права" не умѣла найти даже *источниковъ* его познанія. А. Градовскій теоретическія понятія почерпаетъ исключительно изъ *основныхъ законовъ*. Но дѣло въ томъ, что у насъ, при всей глубинѣ монархическаго начала, собственно *законодательныхъ* опредѣленій его совершенно не существовало до Петра I, да и Петръ I дѣлаетъ ихъ совершенно случайно, мимоходомъ. Эти немногія опредѣленія Петра, вмѣстѣ съ узаконеніями Павла I о престолонаслѣдіи, впослѣдствіи были кодифицированы въ видѣ *основныхъ* законовъ, съ добавленіемъ очень немногихъ, очевиднѣйшихъ признаковъ нашей самодержавной власти. Съ такимъ малымъ матеріаломъ, да еще съ вѣрой въ „современныя высшія формы" — конечно, въ опредѣленіяхъ А. Градовскаго могли явиться только неопредѣленность, неясность и полный произволъ. Такъ онъ указываетъ, какъ наше *отличіе*, то обстоятельство, что у насъ воля верховной власти не связана юридическими нормами и не ограничена никакими установленіями. Но это вовсе не что-либо *отличительно* русское, а составляетъ признакъ *всякой* верховной власти. Демократическая верховная власть, то-есть масса самодержавнаго народа, тоже ничѣмъ не ограничена. А. Градовскій указываетъ далѣе, что при конституціонной верховной власти существуютъ для *всѣхъ общеобязательныя* начала, а у насъ будто бы нѣтъ. Тутъ та же самая ошибка. Конституція обязательна для *подданныхъ*, и для всѣхъ *делегиро-*

ванныхъ властей, но для самого *источника* власти, то-есть самодержавнаго народа, никакія ея „начала" не обязательны. Онъ ее можетъ передѣлать, какъ вздумаетъ, и никто не скажетъ, что онъ *не въ правѣ* этого дѣлать. „Верховная власть, говоритъ самъ Б. Чичеринъ, какъ таковая, въ *своей полнотѣ*, выше положительнаго закона. Никакой положительный законъ не можетъ связывать верховную власть такъ, чтобы она не могла его измѣнить" [1].

Если бы А. Градовскій умѣлъ найти дѣйствительныя *различія* между нашею верховною властью и западно-европейскою, то указалъ бы ихъ развѣ въ совершенно противуположномъ смыслѣ, то-есть призналъ бы существованіе обязательныхъ *началъ* у насъ, и отсутствіе ихъ въ демократіи. Ибо въ государствахъ демократическаго типа выше воли народа *нѣтъ ничего,* даже и въ смыслѣ началъ нравственныхъ. Полная путаница основныхъ понятій подсказываетъ нашему знаменитому ученому ошибку за ошибкою. А. Градовскій утверждаетъ, что самые законы въ Европѣ должны быть *конституціонны;* въ противномъ случаѣ они не имѣютъ обязательной силы. Но и тутъ нѣтъ ни малѣйшаго отличія отъ насъ, ибо и у насъ для обязательности закона требуются тѣ же самыя условія. Такъ, напримѣръ, если бы кто-либо насиліемъ исторгъ у какого-либо самодержца подпись подъ нѣкоторымъ актомъ законодательнаго характера, никто не призналъ бы этого акта „закономъ" и всѣ имѣли бы не только право, а даже обязанность не подчиняться. Ибо законъ есть выраженіе воли самодержавнаго и неограниченнаго монарха, а воля мыслима лишь въ состояніи *свободномъ,* такъ что, гдѣ она насилована, тамъ ея *нѣтъ*, а стало быть нѣтъ и *закона*, а есть только *государственное преступленіе*. Такимъ образомъ нашъ ученый государственникъ не умѣетъ найти даже самаго опредѣленія нашей власти. Что же сказать о ея объясненіи?

Между тѣмъ сама европейская наука, безсильная, конечно, дать нашимъ ученымъ то, чего у ней самой нѣтъ, вполнѣ могла указать имъ *путь* для отысканія болѣе обильныхъ источниковъ, способныхъ уяснить нашу власть. „Въ политическихъ актахъ какъ государственной власти, такъ и народа, объяснялъ еще Блюнчли, *юридическое сознаніе* многоразлично обнаруживается и не высказываясь въ формѣ закона. Если духъ, проявившійся въ нихъ, окрѣпъ, освященъ преданіемъ, то на него уже наложена *печать правомѣрности*". Онъ уже составляетъ „національное право".

---

[1] Основы, т. I. Стр. 29.

Блюнчли напоминаетъ, что такимъ путемъ выросли и „важнѣйшія учрежденія и *начала права*" у римлянъ, и средневѣковое государственное право, и само *англійское* государственное право... Другими словами, это есть нормальный путь роста государственнаго сознанія и права.

Не одинъ „писанный законъ" или „доктрина" составляютъ основу политическаго творчества, а вся *жизнь и сознаніе* народа. Вотъ источникъ политической жизни. Его наблюденіе есть задача науки, его сохраненіе есть задача, достойная осмысленной практической дѣятельности. Къ сожалѣнію, пониманіе этой простой истины давалось лишь съ величайшимъ трудомъ въ періодъ нашего умственнаго порабощенія Европѣ, хотя инстинктивно всё развитіе нашего политическаго самосознанія двигалось именно этимъ путемъ.

На-ряду со страстнымъ увлеченіемъ всѣмъ европейскимъ, у насъ уже въ XVIII пробудилось ощущеніе чего-то *своего, особеннаго* или, по крайней мѣрѣ, *собственнаго*. Уже въ XVIII вѣкѣ является изученіе русской исторіи, народныхъ пѣсенъ, былинъ и т. п. Начавъ съ изученія *народнаго*, у насъ черезъ этотъ элементъ уже въ концѣ XVIII вѣка стали приходить къ пониманію *православія*, а черезъ это послѣднее постепенно начинали понимать и нашу *политическую* идею. Это былъ общій путь развитія національнаго самосознанія русскаго образованнаго слоя. Имъ и доселѣ обыкновенно проходятъ отдѣльныя личности, которыя отъ либеральнаго космополитизма приходятъ къ русскому историческому міровоззрѣнію. Пониманіе *соціально-политической* идеи дается, такимъ образомъ, лишь на послѣднемъ мѣстѣ, и этимъ, безъ сомнѣнія, объясняются малые успѣхи, которыми отличается наше политическое и общественное сознаніе.

Однако эти успѣхи у насъ всё-таки замѣчаются. Строго *современные* ученые наши поднялись уже выше А. Градовскаго.

Б. Чичеринъ, напримѣръ, опредѣляя самодержавіе (*монарха*) говоритъ, что онъ „держитъ власть независимо отъ кого бы то ни было, *не какъ уполномоченный*, а *по собственному праву*" (т. I, стр. 134). Это, во всякомъ случаѣ, несравненно яснѣе, хотя и остается желательнымъ узнать, *откуда* же происходитъ это „собственное право". Опредѣленія Романовича - Славатинскаго еще болѣе любопытны. „Власть русскаго царя, говоритъ онъ, есть *самодержавная*, т. е. *самородная*, не полученная извнѣ, не дарованная другою властью. Основаніемъ этой власти служитъ

не какой-либо юридическій актъ, а *всё историческое прошлое русскаго народа*“ [1]. „Подобно тому, какъ *самоцвѣтный* камень имѣетъ свой собственный, ему присущій, а не извнѣ полученный цвѣтъ и блескъ, такъ и *самодержавная власть* имѣетъ свои собственныя, ей присущія, а не извнѣ полученныя права“, продолжаетъ профессоръ, и еще поясняетъ: самодержавіе „воплощаетъ самость и державныя права русской націи, которыя она получила не извнѣ, но выработала потомъ и кровью многовѣковаго историческаго прогресса“ (стр. 77).

Въ этихъ цвѣтистыхъ, но поэтическихъ опредѣленіяхъ чувствуется много правды. Но опять является тотъ же вопросъ: почему же „права русской націи“ воплощаетъ не „русская нація“, а именно, „монархъ“? Какъ Б. Чичеринъ, такъ и Романовичъ-Славатинскій объясняютъ намъ въ сущности не *самодержавіе монарха*, а *самодержавность вообще*. Это прекрасно, но самодержавность есть свойство вообще *всякой* верховной власти. Должно однако быть что-либо отличающее верховную власть демократіи и монарха? Романовичъ-Славатинскій въ своихъ опредѣленіяхъ то говоритъ, что монархъ воплощаетъ власть въ сущности *народную*, то дѣлаетъ его совершенно безпричиннымъ обладателемъ власти, какъ самоцвѣтный камень обладаетъ самоцвѣтностью. Въ первомъ случаѣ,—мы невольно думаемъ, что, стало быть, монархическая власть въ сущности есть *делегированная*, хотя бы и помимо юридическихъ актовъ. Во-второмъ нельзя не испытывать недоумѣнія: почему такая „самоцвѣтность“? Чѣмъ она обусловливается?

Изъ этого заколдованнаго круга вопросовъ наша наука не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока не освободится отъ своего главнаго кошмара—смѣшенія *самодержавія* съ *абсолютизмомъ*. Это смѣшеніи давитъ камнемъ всѣ попытки русскія понять *нашу* власть.

XXVIII.

Абсолютизмъ есть идея демократіи.—Привитіе абсолютизма Европейской монархіи.—Ложное отождествленіе монарха и государства.—Ложная теорія отреченія народа отъ своей воли.—Безсиліе абсолютной монархіи.—Ея переходъ въ деспотію или демократію.

Остановимся же болѣе внимательно на различіи между монархіей *абсолютною* и монархіей *самодержавною*.

Монархическая власть, само собою разумѣется, чтобы быть

---

[1] *Система Русск. госуд. права.* 193—194.

верховною, можетъ быть только *неограниченною*. При ограниченіи она перешла бы въ разрядъ *делегированныхъ*. Бывшій монархъ становится президентомъ республики демократической, какъ нынѣ въ западно-европейскихъ „монархіяхъ“, или аристократической, какъ было въ Польской Рѣчи Посполитой. Но будучи по существу *неограниченною*, монархическая власть изо всѣхъ началъ верховной власти менѣе всего отличается *абсолютизмомъ*. Государственное право легко увидѣло бы это, если бы изучало монархическое начало на самодержавномъ его типѣ, единственномъ, который представляетъ его чистое выраженіе. Насколько это вѣрно, видно изъ того, что даже А. Градовскій принужденъ былъ признать, что есть и у насъ даже по закону *обязательныя* начала, именно православнаго исповѣданія государя и правилъ престолонаслѣдія. Для демократической верховной власти никакихъ такихъ *обязательныхъ* началъ не сумѣлъ бы намъ указать ученый поклонникъ конституціи. Европейскія монархіи потому и выработали свой абсолютистскій типъ, что были недостаточно монархичны.

Абсолютизмъ, не только по смыслу слова, но и по смыслу историческаго факта, означаетъ *абсолютную власть государства*, и такимъ образомъ выражаетъ не форму, не образъ правленія, но *способъ* его, подобно тому, какъ деспотизмъ или либерализмъ. Всѣ эти способы примѣненія власти могутъ являться при всѣхъ образахъ правленія, а вовсе не одной монархіи. Однако по духу своему абсолютизмъ свойственъ по преимуществу демократіи. Государство представляется обладающимъ абсолютною властью тогда, когда оно сливается съ массой, не признающей, по нравственному состоянію своему, никакой надъ собою власти выше собственной массовой силы. Таково было настроеніе языческаго античнаго міра. Возникающій отсюда абсолютизмъ власти характеризовалъ античное государство и потомъ делегировался демократіей ея диктаторамъ.

Выросшая изъ диктатуры императорская власть—представлявшая собою соединеніе всѣхъ государственныхъ властей—выразила тотъ же абсолютизмъ, развивъ соотвѣтственныя правовыя понятія. Нужно было появленіе христіанства, чтобы этому созданію античнаго государства привить дѣйствительно *монархическій*, нравственный характеръ. Но эта задача была исполнена собственно въ Византіи, создавшей впервые типъ настоящаго *царя*, котораго власть гармонически сочеталась съ властью Церкви. Въ Римѣ національная абсолютистская идея, на-

противъ, исказила собою даже Церковь, создавъ ея латинскую—папистическую—отрасль.

Когда въ Западной Европѣ, на развалинахъ Имперіи и въ хаосѣ, созданномъ переселеніемъ народовъ, стала возникать монархическая идея, она выростала лишь отчасти на своей надлежащей, *нравственной,* почвѣ. Карлъ Великій на Западѣ отчасти напоминаетъ восточнаго Константина Равноапостольнаго. Но вообще монархическая власть Западной Европы испытывала слишкомъ сильное давленіе Рима. Теоретическое наслѣдіе Рима,—диктаторскій императорскій абсолютизмъ, разработываемой легистами, наложилъ на нее неизгладимый отпечатокъ.

Въ чемъ заключается ошибочность и слабость идеи *монархическаго абсолютизма?* Слабость происходитъ именно отъ ошибочности.

Всякое начало власти для существованія и дѣйствія должно понимать въ чемъ *источникъ* его силы, и этотъ источникъ тщательно хранить. Такъ демократія, представляющая *количественную* силу, непремѣнно должна поддерживать условія, при которыхъ количественная сила способна преобладать надъ качественною или тѣмъ болѣе нравственною. Въ противномъ случаѣ демократія уступитъ мѣсто аристократіи или монархіи. Такъ и аристократія должна оставаться дѣйствительно качественно *высшею* силой, какъ сословіе высшее, гражданское, промышленное, а никакъ не надѣяться удержаться однѣми, напримѣръ, привилегіями. Такъ и монархія для развитія своего должна опираться именно на ей *свойственной,* а не какой другой силѣ. Безъ сомнѣнія, и ей нужна могущественная организація управленія, съ единствомъ дѣйствія и т. д., но *прежде всего* монархическое начало должно быть выразителемъ высшаго нравственнаго идеала, а слѣдовательно, заботиться о поддержаніи и развитіи условій, при которыхъ въ націи сохраняются живые нравственные идеалы, а въ самой монархіи—ихъ отраженіе. Европейскій абсолютизмъ оставилъ въ пренебреженіи это основаніе монархической силы, а развивалъ то, что для нея второстепенно, а при злоупотребленіи даже фатально. Онъ все свелъ на *безусловность* власти и организацію учрежденій, при помощи которыхъ эта безусловная власть могла бы брать на себя отправленіе всѣхъ жизненныхъ функцій націи. Идея же эта—демократическаго происхожденія, и способна снова привести только къ демократіи же.

Дѣйствительно, на какомъ основаніи власть Бурбоновъ или Стюартовъ могла быть *абсолютною*? Власть абсолютная есть та,

которая находитъ содержаніе исключительно въ *самой себѣ.* На это можетъ претендовать демократія. Но монархія тѣмъ и отличается отъ демократіи, что почерпаетъ свое содержаніе изъ *нравственнаго идеала.* Она не создаетъ его, а сама имъ создается, не приспособляетъ его къ себѣ, а сама къ нему приспособляется.

Поэтому монархія усвоиваетъ себѣ идею абсолютизма только въ видѣ прямого искаженія собственнаго принципа. Теоріи, которыми она пытается себя при этомъ оправдать, могутъ быть только фантастичны или даже—прямо признавать верховную власть демократіи. Такъ „король солнце“ говорилъ: „l'Etat c'est moi“. Если бы это было физически возможно, то, конечно, его власть была бы абсолютна. Но совершенно ясно и очевидно, что государство есть государство, а король есть король. Нашъ русскій языкъ прекрасно выражаетъ правильное пониманіе ихъ дѣйствительнаго соотношенія. У насъ „государство“ истекаетъ отъ государя, составляетъ организацію для проявленія его верховной власти, но никакъ не *составляетъ* его. При всей неразвитости политической терминологіи у насъ встарину очень хорошо выражались, что царь владѣетъ „своими государствами“. Государство ему *принадлежитъ.* Онъ *выше* государства, но онъ не есть государство. Явно произвольное и ошибочное отождествленіе государя и государства лишь по внѣшности даетъ монархической власти характеръ *абсолютной*, почерпающей содержаніе изъ самой себя, но въ дѣйствительности отнимаетъ у ней всякую реальность. Говорить, конечно, можно что угодно. Но въ чемъ *реальная* сила Людовика XIV? Если онъ и государство одно и то же, то чѣмъ держится сила самого государства? Почему ему подчиняются, да еще и безусловно, милліоны подданныхъ? Въ концѣ-концовъ на это нѣтъ никакого яснаго отвѣта, кромѣ интендантовъ и жандармовъ. Но несомнѣнно, что сила *націи* во всякомъ случаѣ *болѣе велика.*

Англійская школа абсолютизма выдвинула основаніемъ монархической власти ту идею, что народъ будто бы *отказался* отъ своихъ правъ въ пользу короля, такъ что король имѣетъ всѣ права, а народъ никакихъ. Но если монархъ имѣетъ власть только потому, что „народъ воли своей отрекся“, какъ и насъ поучалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, то, во-первыхъ, народъ не можетъ отрекаться отъ воли *за будущія* поколѣнія, а во-вторыхъ, стало быть монархическая власть есть въ сущности делегированная, и необходимы по малой мѣрѣ Наполеоновскіе плебисциты, какъ средство, не дожидаясь революціи, узнавать, продолжаетъ ли

народъ „отрекаться своей воли" или же надумалъ что-нибудь болѣе ему нравящееся.

Всѣ эти теоріи—не только бумажныя, выдуманныя, но, сверхъ того—не даютъ монархической власти значенія *верховной*, когда связываютъ ее съ народною волей или лишаютъ ее всякой реальной силы, когда отрываютъ отъ народной воли.

Монархическое начало власти по существу есть господство *нравственнаго* начала. Оно есть выраженіе того нравственнаго начала, которому народное міросозерцаніе присвояетъ значеніе верховной силы. Только оставаясь этимъ выраженіемъ, единоличная власть можетъ получить значеніе *верховной* и создать монархію. Этимъ нравственнымъ началомъ, сами того не зная, только и держались Бурбоны и Стюарты, а вовсе не тѣмъ, чтобы они составляли самое государство или получили народную волю въ свою собственность. Отъ своей воли невозможно отрекаться иначе, какъ въ пользу *высшей* воли, каковою единое лицо *само по себѣ* въ отношеніи народа не бываетъ.

Если бы Бурбоны и Стюарты понимали, что ихъ власть надъ націей основана только на ихъ *подчиненіи* высшей силѣ нравственнаго идеала, и заботились о поддержаніи въ націи и въ самихъ себѣ этой вѣры въ верховную власть нравственнаго идеала, то, быть-можетъ, ни та, ни другая монархія не пали бы. Но вышло наоборотъ, и это было неизбѣжно при абсолютистской дегенераціи монархіи.

Сила всякой верховной власти требуетъ *связи съ націей*. Монархія отличается отъ аристократіи и демократіи не отсутствіемъ этой связи, а лишь особымъ ея построеніемъ: черезъ посредство нравственнаго идеала. Отрѣшаясь отъ своего подчиненія высшей силѣ національнаго вѣрованія, единоличная власть не имѣетъ ни мѣры, ни руководства ни въ чемъ кромѣ самой себя, а этимъ самымъ выводитъ себя изъ числа силъ, способныхъ воздѣйствовать на націю. Она низводитъ сама себя въ значеніе силы чисто личной, человѣческой. Но въ такомъ состояніи она неизбѣжно теряетъ значеніе власти *верховной*, ибо совершенно ясно, что сила аристократіи или демократіи болѣе значительна, нежели чья бы то ни была *личная* власть, не представляющая ничего кромѣ самой себя. Въ этомъ положеніи бывшая монархія можетъ только или рухнуть или перейти въ чистую деспотію, если степень дезорганизованности націи позволяетъ послѣдній исходъ.

„Абсолютистскій" моментъ существованія европейскихъ монар-

хій и характеризовался, какъ извѣстно, колебаніемъ между утратой королями значенія власти верховной и попытками деспотизма. Но если европейской монархіи суждено возрожденіе, оно будетъ, конечно, достигнуто не иначе, какъ при возрожденіи способности стать выразительницей *народнаго духа, народныхъ вѣрованій и идеаловъ.*

XXIX.

Восточный типъ монархіи.—Подчиненіе силѣ.—Вліяніе Востока на Византію и Запада на Россію.

Общій характеръ монархической власти еще болѣе уясняется при сравненіи самодержавія съ тѣмъ азіатскимъ проявленіемъ монархіи, которое еще Монтескьё старался—едва ли удачно, впрочемъ,—отличить отъ европейскаго абсолютизма.

Этотъ типъ, который мы назвали выше *самовластительскимъ*, отличаясь отъ *самодержавія*, лишь немного ближе къ *абсолютизму*. Онъ очень способенъ переходить въ Аристотелеву „извращенную“ форму монархіи—деспотизмъ, но это составляетъ лишь *послѣдствіе* его содержанія, точно такъ же, какъ и то, что въ хорошихъ случаяхъ онъ способенъ давать образчики очень высокихъ царствованій (Гарунъ-аль Рашидъ).

Въ этихъ *самовластіяхъ* замѣчается поразительная зависимость царствованія отъ *личности* правителя. Громадныя царства возникаютъ и распадаются въ связи съ одною личностью, съ двумя-тремя поколѣніями правителей дома. Въ то же время, при такомъ громадномъ значеніи личности правителя, въ „конституціи“ государства крайне слабо всё, способное вырабатывать эту личность. Понятія о *Церкви* не существуетъ. Элементъ наслѣдственности мало развитъ. Поддержаніе династіи достигается убійствами возможныхъ претендентовъ. Различіе между *узурпаторомъ* и законнымъ правителемъ сознается крайне мало. За всѣ эпохи жизни Востока въ немъ видно постоянное стремленіе къ *единоличной власти*, и неспособность придать ей прочный *верховный* характеръ. Это какъ бы узурпація, возведенная въ принципъ, признаніе *права за силой.*

Такое положеніе, имѣющее своимъ послѣдствіемъ постоянный переходъ монархіи въ деспотизмъ, безъ сомнѣнія, создается духовнымъ состояніемъ, характеризующимъ Востокъ. Не входя въ разсмотрѣніе причинъ этого, можно признать за фактъ, что на Востокѣ народы отнюдь не имѣютъ того нѣсколько тупого религіознаго состоянія, которое столь часто на Западѣ, и благодаря

которому человѣкъ считаетъ за *высшую* силу—самого себя. Востокъ хранитъ сознаніе *высшихъ силъ,* сверхчеловѣческихъ, устрояющихъ судьбы народовъ, но истиннаго *религіознаго сознанія* большею частью не могъ достигнуть. Нравственное самосознаніе личности не могло прочно приводить къ Богу, какъ началу нравственному. Въ сверхчеловѣческихъ элементахъ Востокъ постоянно ощущалъ только *силу,* которой покорялся, не разбирая ея *качества,* преклонялся передъ началами демоническими какъ передъ Божественными.

Это духовное состояніе порождало стремленіе сплотиться около *единоличной власти,* въ которой народы Востока искали избранника высшихъ силъ. Но содержаніе воли этихъ высшихъ силъ не опредѣлялось нравственнымъ характеромъ. Востокъ покорялся силѣ, потому что она сила, не понимая ея, не уважая ея, не любя ея, но только *покоряясь.* Такимъ характеромъ одѣвалась и государственная власть. Избранника высшихъ силъ для народовъ указывалъ *успѣхъ,* т. е. простое проявленіе силы. Для направленія дѣйствій этого избранника, по неясности воли высшихъ силъ, также не открывалось мѣрила кромѣ собственнаго содержанія личности правителя. Проблески высшаго религіознаго сознанія порождали кое-какіе признаки *долга* правителя. Такъ было и въ магометанствѣ. Но это были *крупицы,* которыя у болѣе развитой нравственно личности создавали высокіе образчики правленія, но не создавали *идеала,* типа и въ концѣ-концовъ Чингисъ-ханы и Шахъ-Надиры для жителя Востока не менѣе „идеальны", чѣмъ Гарунъ аль-Рашидъ.

Эта *произвольность* власти, зависимость ея содержанія отъ личности правителя, характеризуетъ монархическое начало Востока. Произвольность состоитъ здѣсь не въ отсутствіи *закона,* какъ указываютъ нѣкоторые, а въ отсутствіи *яснаго представленія того нравственнаго идеала,* который должна представить верховная власть. Типичнымъ аттрибутомъ верховной власти здѣсь считается то, что она представляетъ таинственную сверхчеловѣческую силу, рокъ, безъ достаточнаго сознанія нашей обязанности подчиняться только Богу, а не какимъ-либо другимъ силамъ сверхчеловѣческаго міра. Такимъ образомъ элементъ *нравственный* не входитъ ясно въ число обязательныхъ аттрибутовъ власти, въ полную противуположность съ самодержавіемъ.

Такимъ образомъ восточный типъ самовластительства долженъ быть, по точному анализу, признанъ также извращеннымъ побѣгомъ монархической идеи, какъ и западный абсолютизмъ.

Какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ мы находимъ извѣстныя черты монархіи, благодаря которымъ единоличная власть въ нихъ совершаетъ немало великихъ дѣлъ и успѣшно соперничаетъ съ началами аристократіи и демократіи. Но все-таки обѣ разновидности лишь блуждаютъ около самаго центра монархической идеи, не находя того существеннѣйшаго ея пункта, отправляясь отъ котораго монархія только и способна доходить до своего идеальнаго развитія.

Истинная монархическая — *самодержавная* идея нашла себѣ мѣсто въ Византіи и въ Россіи, при чемъ элементами ея извращенія въ Византіи было постоянно вліяніе *восточной* идеи, а у насъ - *западной*, абсолютистской.

XXX.

Резюме отношеній общества, государства и власти.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть способы, какими монархическое начало устраиваетъ государство. Рискуя повториться, мы должны вспомнить, что верховная власть, сама по себѣ, не есть ни общество, ни даже государство. Это есть только сила *направляющая* дѣйствіе государства, необходимаго для объединенія силъ собственно *общества*. Если нѣтъ общества, не можетъ быть и государства. Если нѣтъ государства, не можетъ быть и верховной власти. Съ другой стороны—невозможно создать государство безъ той или иной верховной власти, и невозможно обществу достигнуть сколько-нибудь высокой степени развитія, не найдя для себя рамокъ государственности. Между обществомъ, государствомъ и верховною властью существуетъ тѣсная связь, и въ то же время они всѣ имѣютъ отдѣльное бытіе. Абсолютистскія идеи, упраздняющія общество, столь же ошибочны, столь же противны естественнымъ соціальнымъ законамъ, какъ идеи соціалистическія, упраздняющія государство. Практически тѣ и другія одинаково вредны, составляя источникъ смѣшенія предѣловъ дѣйствія общественности и государственности.

Въ силу прямыхъ и непосредственныхъ потребностей, нуждъ и свойствъ личности, въ каждомъ скопленія людей завязываются разнородныя группы, объединяющія ихъ въ совмѣстной жизни и дѣятельности. Сюда относятся семья, различнаго рода общины и союзы трудовые, религіозныя общины и т. д. Чѣмъ развитѣе и разностороннѣе потребности личности, тѣмъ болѣе разнообразны эти основныя ячейки, складывающіяся и полубез-

сознательно (какъ семья) и по необходимости, даже противъ желанія (какъ многіе трудовые союзы—въ родѣ нынѣшнихъ фабрикъ), и изъ высшихъ духовныхъ и умственныхъ потребностей. Родственныя группы ихъ образуютъ болѣе широкіе слои (какъ Церковь, классы, корпораціи). Вся эта сложная соціальная ткань и образуетъ *общество.* Въ разнородныхъ группахъ и слояхъ общества протекаетъ жизнь личности, удовлетворяясь во всѣхъ потребностяхъ. Ростъ и характеръ этихъ общественныхъ отношеній опредѣляется дѣятельностью личности, свободною, поскольку это допускаетъ инерція среды. Въ свою очередь, эта соціальная среда, эта сфера общественности также создается и видоизмѣняется усиліями личностей, приспособляющихся къ условіямъ среды, какъ коралловый рифъ воздвигается работой милліардовъ полиповъ.

На этой-то общественной средѣ и изъ нея выростаетъ *государство.* Чѣмъ сложнѣе общественность, тѣмъ болѣе въ ея средѣ разнородныхъ интересовъ, а стало-быть и борьбы. Не создавъ государства, общество собственнымъ своимъ прогрессомъ породило бы въ себѣ столько внутренней борьбы, что уничтожило бы само себя. Для установки *обязательныхъ,* непереходимыхъ рамокъ этой борьбы выдвигается *государство,*—организація *власти,* постановленной выше всѣхъ общественныхъ силъ, и обязанной ихъ регулировать. Въ какомъ направленіи государство это производитъ,—это опредѣляется принципомъ, положеннымъ въ основу его, то-есть, характеромъ *верховной власти,* долженствующей организовать государство и руководить имъ. Но этотъ принципъ, не должно забывать, выростаетъ только изъ *общества,* есть его созданіе, и не можетъ держаться, когда внутренняя работа общественныхъ силъ перестаетъ ему соотвѣтствовать. Равнымъ образомъ государство не можетъ существовать, если умираетъ общество. Государство, необходимое для общества, не можетъ, однако, замѣнить его собою. Условіе жизни общества есть *свободная дѣятельность* личности, свобода ея творчества; условіе жизни государства—есть *обязательность;* цѣнность общественной работы заключается въ богатствѣ *разнообразія* творчества; цѣнность государственной дѣятельности—въ поддержаніи *обязательной однородности* рамокъ (признанныхъ необходимыми). Низвергая государство и пытаясь собою замѣнить его, общество приходитъ къ анархіи и бурному разложенію. Пытаясь замѣнить собою общество государство приходитъ къ деспотизму, удушенію всѣхъ живыхъ силъ, а потому и къ собственной смерти въ параличѣ или истощеніи.

Итакъ, общество и государство не исключаютъ и не замѣняютъ, но дополняютъ другъ друга въ единствѣ національной жизни. Верховная власть въ своей идеѣ является представителемъ и охранителемъ этого единства, дѣйствуя различными способами, смотря по своему типу. Монархическая идея отличается при этомъ отъ демократической и даже аристократической—особенною высотой. Дѣйствительно, мы сказали, что задача верховной власти есть объединеніе и примиреніе элемента *свободнаго почина*, которымъ развивается общество, и элемента *обязательнаго единообразія*, которыми строится государство. Но очевидно, что это примиреніе и объединеніе достигается наилучше, если производится на основаніи *нравственнаго* идеала, который одинъ только способенъ обнаружить тѣ обязательныя нормы, безъ которыхъ невозможна свобода. Монархія является носителемъ этого *нравственнаго идеала* и въ то же время выразительницей *народнаго духа*, что, съ извѣстной точки зрѣнія, есть одно и то же, ибо среди безпрерывныхъ отступленій *народной воли* то въ одну, то въ другую сторону отъ идеала, въ которомъ люди никогда не умѣютъ быстро разобраться,— онъ выясняется лишь исторически, въ среднемъ *народномъ духѣ*, показывающемъ, что было вѣрнаго и что было ошибочнаго въ колеблющихся пожеланіяхъ народной воли.

XXXI.

Династичность.—Ея психологическая неизбѣжность.—Ея полезное значеніе.

Эти общія соображенія облегчаютъ разсмотрѣніе условій, необходимыхъ для дѣйствія монархіи.

Мы ранѣе подробно остановились на обрисовкѣ *нравственнаго единства*, возможнаго между монархомъ и націей. Это единство не есть какое-либо *пожеланіе*. Оно дѣйствительно, какъ видимъ, *бываетъ*. Оно-то и составляетъ первое необходимое условіе, при которомъ власть единоличная способна становиться *верховною*, порождая, такимъ образомъ, монархію.

Но это единство совершенно закрѣпляется только *династичностью*, въ чемъ и заключаются трудность возникновенія этой формы правленія.

Сама по себѣ, обыкновенно, только *геніальная* личность способна столь глубоко выражать національный духъ, какъ это потребно при монархической власти. Но очевидно, что форма правленія не можетъ быть основана на такой случайности, какъ

геніальность правителя. Поэтому повсюду, гдѣ состояніе народныхъ идеаловъ допускаетъ возникновеніе монархіи, сама собою возникаетъ идея *династичности*.

Это ея необходимое дополненіе.

При соотвѣтственномъ міросозерцаніи, народъ самъ стремится къ монархіи, какъ единоличному выраженію верховной власти правды. Но для достиженія этого требуется, чтобы легко и безспорно находилась *личность*, не возбуждающая никакихъ споровъ и сомнѣній, какъ бы сростаясь съ націей на одной общей задачѣ. Отъ этой личности прежде всего требуются не какіе-либо исключительные таланты, но всецѣлая и безспорная посвященность именно данной миссіи. Такую личность даетъ *династія*. Посредствомъ династіи единоличный носитель верховной правды становится какъ бы безсмертнымъ, вѣчно живущимъ съ націей. Монархически настроенная нація поэтому всегда стремится къ выработкѣ династіи, стараясь жить съ *одною* царствующею семьей, которая точно также передаетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію задачу храненія народныхъ идеаловъ, какъ они переходятъ отъ отцовъ къ дѣтямъ въ самой націи. Эта династическая задача, однажды хорошо разрѣшенная, ясно, всѣмъ удобопонятно,—исполняется затѣмъ безъ затрудненій даже въ случаѣ физическаго пресѣченія династіи, которая продолжаетъ тогда свое *преемство* какъ бы посредствомъ усыновленія другаго царственнаго рода, ибо здѣсь физическое преемство важно не само по себѣ, а лишь какъ внѣшнее выраженіе и обезпеченіе *духовнаго преемства*. Такимъ образомъ, когда выработались династическія традиціи, идея *наслѣдственности* своею духовною силой ставитъ преемство власти выше всякихъ случайныхъ фамильныхъ потерь. Но самая выработка династіи составляетъ трудную историческую задачу, требующую много времени и долголѣтней совмѣстной жизни націи и царствующей фамиліи. Эта необходимость династичности для полнаго развитія идеи монархіи составляетъ одно изъ труднѣйшихъ условій для появленія монархическаго начала у народа, даже способнаго къ его поддержанію. Но съ другой стороны—это именно есть путь, посредствомъ котораго единоличная власть, выдвигаемая, хотя бы даже демократіей, преобразуется въ монархію.

Необходимость династичности для монархіи понятна. Прежде всего, представляя нѣкоторую Высшую Волю, монархъ, въ идеѣ, долженъ быть свободенъ отъ всякаго личнаго стремленія ко власти, и никому не долженъ быть обязанъ ею. Могутъ быть,

конечно, особые исключительные случаи, когда избраніе, жребій или даже захватъ становятся по общему національному сознанію лишь проявленіемъ Высшей Воли. Но вообще, какъ правило,—и захватъ власти, хотя бы изъ самыхъ чистыхъ побужденій, и народное избраніе не свободны отъ предположенія личныхъ мотивовъ. Династичность, напротивъ, устраняетъ всякій элементъ исканія, желанія, даже просто согласія на власть. Она предрѣшаетъ за сотни и даже тысячи лѣтъ впередъ для личности, еще даже не существующей, *обязанность несенія власти* и соотвѣтственно съ тѣмъ *права на власть*. Такая „легитимность", этотъ династическій духъ, выражаютъ въ высочайшей степени вѣру въ силу и реальность идеала, которому нація подчиняетъ свою жизнь. Это вѣра не въ способность личности (какъ при диктатурѣ), а въ силу самаго идеала. Если такой вѣры нѣтъ въ націи, существованіе монархіи уже затрудняется, и тогда она рискуетъ понижаться, черезъ диктатуру и цезаризмъ, въ болѣе доступный невѣрующему демократизмъ. Но когда напряженіе идеала, способность вѣры въ него достаточно сильны въ націи,—идея династичности является столь же неизбѣжно, какъ сама монархія.

Психологически неизбѣжная, династичность также является лучшею мѣрой сохраненія монархической идеи въ самомъ монархѣ. Династичность, выражая величайшее напряженіе вѣры народа, въ то же время въ высочайшей степени *обязываетъ* самого монарха быть не тѣмъ, что ему нравится, а тѣмъ, чего требуетъ идеалъ.

Блюнчли посвящаетъ превосходныя страницы обрисовкѣ того, что *должность* имѣетъ свой *живой духъ*, сообщаемый ею человѣку. Человѣкъ, вступающій въ общественную должность, говоритъ онъ, перестаетъ быть просто самимъ собою, но невольно становится тѣмъ, чего требуетъ идеалъ должности. Должность не есть нѣчто только механическое. Ея функціи имѣютъ духовный характеръ. Когда въ какой-либо должности эта жизненность изсякаетъ, замѣняясь одной механичностью, то самая должность гибнетъ, и государство клонится къ паденію. Въ каждой должности есть особый характеръ, особый духъ, оказывающій вліяніе на лицо ею облеченное. Это психическое воздѣйствіе мѣста всегда чувствуется должностнымъ лицомъ. Такъ, человѣкъ малодушный отъ природы невольно становится выше самого себя, дѣлаясь судьей, администраторомъ или генераломъ, стараясь напрягать возможно болѣе тѣ стороны своей душевной силы, которыхъ высота требуется для данной должности.

Это вліяніе „должности“ въ высочайшей степени достигается въ монархіяхъ посредствомъ династичности. Много примѣровъ этого представляетъ и наша исторія, въ которой И. Аксаковъ отмѣчалъ „таинственную связь“ царя и народа, проявлявшуюся даже въ условіяхъ, совсѣмъ неожиданныхъ. Это вліяніе *нравственной* силы династичности, въ которой *духъ предковъ*, *духъ исторіи*, духъ *цѣлаго* подчиняетъ себѣ личныя стремленія монарха. Впрочемъ такими примѣрами полна исторія всѣхъ монархій.

Династичность наилучшее обезпечиваетъ постоянство и незыблемость власти, и ея обязанность выражать духъ исторіи, а не только личныя особенности государя. Государь въ глазахъ монархическаго народа есть наслѣдникъ одной и той же династіи, какъ бы *вѣчно* бывшей съ народомъ. Если даже физически преемство прерывается, то *идеально* это не допускается, этого перерыва не признаютъ. Династія остается во что бы то ни стало *едина*. Такъ, напримѣръ, грамота объ избраніи Михаила Ѳеодоровича составлена представителями народа такъ, чтобы въ ней было возможно меньше элемента *избирательнаго*, зависящаго отъ народныхъ желаній, и какъ можно больше *преемственнаго*, связующаго царя и народъ со всей прошлой исторіей. Грамота, проходя совершенно вскользь по вопросу о степени родства, подробно перечисляетъ зато всѣхъ нашихъ великихъ князей и царей, даже ранѣе Владиміра Святаго, объясняя, что всѣ „едиными устами вопіяху, глаголюще“, что *быть* на престолѣ „отъ ихъ царскаго благороднаго корени“ „благоцвѣтущей отрасли отъ благочестиваго корени родившемуся Михаилу Ѳеодоровичу Романову-Юрьеву.“ Въ этомъ отношеніи въ династичности кроется глубочайшій смыслъ, ибо благодаря ему преемственность дѣйствительно остается *нравственно непрерывною*. Государь является преемникомъ *всего ряда* своихъ предшественниковъ, онъ представляетъ *весь духъ Верховной Власти*, тысячу лѣтъ управлявшей націей, какъ сами подданные представляютъ не свою личную волю даннаго поколѣнія, но *весь духъ своихъ предковъ*, царямъ служившихъ. Духовное единство власти и народа получаетъ такимъ образомъ въ династичности величайшее подкрѣпленіе, какое только мыслимо въ человѣческихъ способностяхъ что-либо увѣковѣчивать. Устраняя по возможности всякій элементъ „избранія“, „желанія“, со стороны народа, и со стороны самого государя, династическая идея дѣлаетъ личность царя живымъ воплощеніемъ того идеала, который нація поставила *надъ собой*. Государь одновременно обладаетъ и всею властью этого идеала, но и самъ ему всецѣло подчиненъ.

XXXII.

Первыя задачи монархіи.—Сохраненіе въ народѣ и власти господства нравственнаго идеала.—Общеніе власти и націи.—Участіе верховной власти въ соціальномъ строеніи.

Династичность создаетъ *вѣчное* существованіе конкретнаго носителя власти. Для дальнѣйшаго дѣйствія монархическаго начала прежде всего необходимо, чтобы народный духъ продолжалъ имѣть то же содержаніе, а именно былъ полонъ идеальнаго элемента, *подчиняющаго общественную жизнь нравственному идеалу.*

Монархія возникаетъ только въ націи съ такимъ содержаніемъ народнаго духа и кончается съ его уничтоженіемъ. Первая задача верховной власти въ монархіи состоитъ, стало-быть, въ томъ, чтобы помочь націи сохранить и развить это духовное содержаніе. Его поддержаніе и повышеніе составляетъ первую задачу и обязанность, какъ въ отношеніи націи, такъ и въ отношеніи самой монархіи, ибо свое нравственное содержаніе верховная власть почерпаетъ изъ націи. Когда оно есть въ націи,—оно передается неизбѣжно верховной власти, если же совершенно изсякаетъ въ націи, то столь же неизбѣжно изсякаетъ и въ верховной власти.

Второй рядъ задачъ истекаетъ изъ необходимости сохранять въ верховной власти постоянное пребываніе національнаго духа. Засимъ выступаетъ задача постояннаго и непосредственнаго *общенія* верховной власти съ націей, постоянное и непосредственное *участіе* носителя верховной власти въ національной жизни.

Анализъ монархической идеи (въ ея самодержавномъ проявленіи), такъ же какъ наблюденіе эпохъ процвѣтанія монархіи одинаково показываютъ, что, въ достиженіи этихъ различныхъ основныхъ цѣлей, монархія, слѣдующая *собственной* идеѣ, а не какой либо чужой (т. е. демократической или аристократической) имѣетъ передъ собой совершенно иной путь, нежели абсолютизмъ или конституціонализмъ.

Такъ называемыя абсолютная и конституціонная монархіи устремляютъ свое вниманіе исключительно на узко *политическую* сторону вопроса и стараются рѣшить его различными способами устройства собственно *государства*. Отсюда развивается *отдѣленіе государства отъ Церкви* и усиленіе *бюрократизма*. Передъ дѣйствительной монархіей, въ ея самодержавномъ проявленіи, на

первомъ планѣ выдвигается, напротивъ, *нравственная* сторона, требующая *тѣсной связи съ Церковью,* а засимъ *соціальная* сторона вопроса, *устроеніе національное*, приводящее къ *сословности.* Лишь на этихъ основахъ воздвигается уже устроеніе чисто государственное.

XXXIII.

Абсолютизмъ и бюрократія.—Упраздненіе бюрократіей національной работы и соціальныхъ авторитетовъ.—Бюрократическое „средостѣніе".

Абсолютизмъ, совсѣмъ не сознающій своей обязанности выражать *народный духъ*, и присваивающій *народную волю*, естественно развиваетъ лишь внѣшнія средства дѣйствія монархіи, которая, по его идеѣ, беретъ на себя всѣ жизненныя функціи націи. Имѣя задачею и думать, и чувствовать, и хотѣть за націю и исполнять всё необходимое для существованія всѣхъ этихъ милліоновъ или десятковъ милліоновъ разрозненныхъ человѣческихъ существъ, абсолютная монархія, естественно, устремляетъ всѣ силы на развитіе государственнаго механизма, достаточно, по ея мнѣнію, совершеннаго для выполненія этой невозможной работы. Такимъ образомъ развивается *бюрократизмъ*, одна изъ важнѣйшихъ опасностей всякой монархіи. Самъ по себѣ бюрократизмъ есть идея не собственно монархическая, а абсолютистская. Но монархія, какъ образъ правленія, очень способный къ сосредоточенію силъ, легко впадаетъ въ эту болѣзнь, отъ которой избавляется только непосредственнымъ общеніемъ съ націей.

Само по себѣ чиновничество или бюрократія—понятно, необходимы, какъ *орудіе* управленія для какой бы то ни было верховной власти. Оно составляетъ язву страны лишь въ томъ случаѣ, когда изъ орудія управленія превращается въ силу господствующую, ибо въ этомъ случаѣ губитъ какъ верховную власть, такъ и націю.

Вредное дѣйствіе бюрократіи, развившейся такимъ образомъ, состоитъ въ томъ, что она всю жизнь націи подводитъ подъ однообразныя, обязательныя нормы, уничтожая, поскольку хватаетъ силъ государства, всякую свободную, творческую работу націи, упраздняетъ въ ней всѣ самостоятельные центры жизни, слѣдовательно подрываетъ всѣ нравственные и соціальные авторитеты. Она такимъ образомъ деморализируетъ націю и вноситъ въ неё общее омертвѣніе. Между тѣмъ сама бюрократія никакъ не можетъ замѣнить собою того, что убиваетъ въ націи. Служебныя качества бюрократіи требуютъ испол-

нительности, дисциплины, выраженія и исполненія *чужой* мысли, и исключаютъ развитіе *своей*. Работа личная, вдохновенная, своеобразная противорѣчитъ самымъ элементарнымъ задачамъ бюрократіи. Національная жизнь, напротивъ, вся зависитъ отъ этой личной, вдохновенной и своеобразной работы, которую бюрократія въ другихъ убиваетъ, а сама по существу дать не можетъ. Въ результатѣ нація мертвѣетъ и деморализуется. Воспитательное значеніе для людей вообще, а для молодыхъ поколѣній въ особенности, имѣютъ тѣ соціальные и нравственные авторитеты, которые дискредитируются бюрократіей. Въ странѣ становится некого уважать, не съ кого брать примѣръ. Всё становится *безлично, безвольно, безъидейно*. Отсюда каждый, теряя уваженіе къ обществу, къ націи, къ личности, — становится самъ себѣ высшимъ судьей, а потому развивается уродливо. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ подрызъ нравственныхъ и соціальныхъ авторитетовъ націи былъ въ наше время повсюду однимъ изъ могущественнѣйшихъ источниковъ развитія идей нигилистическихъ и анархическихъ.

Единственный авторитетъ, на который, повидимому, не можетъ распространяться упразднительное дѣйствіе бюрократіи, составляетъ власть верховная, именемъ которой она сама дѣйствуетъ Но въ дѣйствительности оказывается иное. Идея государственнаго абсолютизма, съ бюрократическимъ способомъ правленія, во-первыхъ, ставитъ въ обязанность верховной власти такую безмѣрную работу, какой она не въ состояніи исполнить, и выполненіе которой иногда даже противурѣчитъ высокому нравственному авторитету ея. Посему въ исполненіи этихъ безчисленныхъ мелочей бюрократія въ дѣйствительности безусловно самостоятельна, а между тѣмъ всякая ея ошибка и всемертвящій характеръ ея работы падаетъ отвѣтственностью на верховную власть. Это обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что если бюрократія можетъ подавлять въ націи *положительные* авторитеты, тѣ, которые стремятся къ созидательной работѣ, то никто не въ силахъ помѣшать существованію авторитетовъ *отрицательныхъ*, критикующихъ и подрывающихъ. Ихъ дѣйствіе, напротивъ, получаетъ всѣ удобства, такъ какъ все способное имъ нравственно противудѣйствовать, застываетъ въ пассивности и унынія. При такихъ условіяхъ критика, возбуждаемая господствомъ бюрократіи, неизбѣжно переходитъ на самый принципъ верховной власти, именемъ которой бюрократія дѣйствуетъ.

Между тѣмъ, въ то же время, сама верховная власть плотно

окружается „средостѣніемъ“ бюрократіи, отрѣзывающей ее отъ націи. Положеніе верховной власти въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе затруднительно, что она, даже и при желаніи, не имѣетъ возможности сохранить *общеніе* съ націей. Если въ націи никто ничего не дѣлаетъ, если все за всѣхъ думаетъ и дѣлаетъ чиновникъ, то и общеніе становится возможнымъ только съ нимъ. Какое бы ни возникло обстоятельство,—спросить возможно только чиновника, ибо никто больше въ странѣ ничего не дѣлаетъ и ничего не знаетъ. Для общенія *нѣтъ мѣста*. Само собою, въ этихъ строкахъ, я беру, такъ сказать, „идеальное“, а не фактическое положеніе. Фактически бюрократія *до такой степени* развиться не можетъ, ибо еще далеко не доходя до него, она вызываетъ революціонныя движенія. Но *идея* ея господства именно такова, и въ исторіи абсолютизма мы видимъ повсюду, что эта идея можетъ достигать достаточной степени развитія, чтобы отрѣзать монарха отъ націи, уничтожить между ними взаимное пониманіе, а такимъ образомъ приводить къ перемѣнѣ образа правленія.

XXXIV.

Идея конституціонная.—Представительство. — Общеніе власти и націи.— Земскіе соборы.

Если абсолютизмъ уничтожаетъ націю, то конституціонная идея, стремясь объединить верховную власть и націю посредствомъ другой системы государственной организаціи, уничтожаетъ монархію.

Выше достаточно сказано о томъ, что идея конституціонной монархіи составляетъ отрицаніе монархической власти и первый шагъ къ ея полной замѣнѣ демократіей.

Я не стану повторять того, что подробно разсматривалъ въ другомъ мѣстѣ [1], о фиктивности и лживости такъ-называемаго выборнаго народнаго представительства въ парламентахъ. Парламентскіе депутаты выражаютъ не волю или желанія народа, а желанія *политиканствующаго сословія*. Парламентское представительство не объединяетъ государство съ націей, а разъединяетъ ихъ, какъ никакое другое устройство. Въ отношеніи этихъ несомнѣнныхъ фактовъ я могу лишь отослать читателей къ указанной въ примѣчаніи книжкѣ моей.

Но въ народномъ представительствѣ, окружающемъ монарха,

---

[1] „Демократія либеральная и соціальная“.

нѣкоторые видятъ элементъ *общенія* верховной власти и націи. У насъ та же идея общенія проявляется еще въ проектахъ совѣщательныхъ *земскихъ соборовъ*. Противъ земскихъ соборовъ у насъ обыкновенно возражаютъ, что они неизбѣжно бы выродились въ настоящее время въ *парламентъ*. Это возраженіе, мною впрочемъ совершенно раздѣляемое, относится чисто къ практическимъ, временнымъ условіямъ. Если разсматривать вопросъ въ принципѣ, какъ явленіе общее, то должно, наоборотъ, сказать, что никакія совѣщательныя собранія, созванныя, выбранныя или назначенныя, ни мало *сами-по-себѣ* не противурѣчатъ монархической идеѣ. Мало того, легко представить себѣ даже собраніе какихъ-либо выборныхъ, облеченное со стороны верховной власти правомъ *рѣшенія* тѣхъ или иныхъ дѣлъ, или даже властью исполнительною, и все это *само-по-себѣ* точно также не противно еще идеѣ монархіи. Монархъ, делегирующій на тотъ или иной предметъ свою власть главнокомандующему или генералъ губернатору, можетъ точно также облекать какими заблагоразсудитъ правами и собранія. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что эти собранія, каковы бы ни были ихъ права, сами-по-себѣ, какъ собранія, ничуть не обезпечиваютъ общенія монарха съ націей. Весь вопросъ въ томъ, *каковы* эти собранія, *изъ кого* они состоятъ. Это обстоятельство столь важно, что иной разъ, можетъ быть, знакомство съ однимъ, никѣмъ не избраннымъ и не назначеннымъ человѣкомъ способно болѣе послужить общенію монарха съ націей, нежели присутствіе среди цѣлой тысячи депутатовъ земскаго собора.

Что такое *общеніе*, которое нужно монарху? Это есть общеніе съ національнымъ геніемъ. Оно нужно для того, чтобы верховная власть находилась въ атмосферѣ творчества народнаго духа. Онъ проявляется иногда въ дѣятельности чисто личной, иногда въ дѣйствіи установившихся издавна учрежденій и организацій и въ характерѣ представляющихъ ихъ лицъ. Слѣдовательно монарху нужны и важны люди только этого созидательнаго и охранительнаго слоя, цвѣтъ націи, ея живая сила.

Находятся ли эти люди собранными въ одной залѣ или нѣтъ, это вопросъ второстепенный. Можетъ случиться, что для верховной власти понадобится видѣть ихъ въ совокупности, можетъ случиться и совершенно наоборотъ, но, во всякомъ случаѣ, нужны именно *они*. Они даютъ общеніе съ духомъ націи.

Въ нихъ верховная власть видитъ и слышитъ не то, что говоритъ толпа, но то, что масса народа *говорила бы*, если

бы умѣла сама въ себѣ разобраться, умѣла бы найти и формулировать свою мысль. Въ идеяхъ, дѣйствіяхъ и настроеніяхъ этого цвѣта націи монархія имѣетъ передъ собою то, за чѣмъ *слѣдуетъ* масса, то, что *ведетъ* за собою массу къ созидательной работѣ. Монархическая верховная власть, вся сущность которой и вся задача состоитъ въ представительствѣ самого *идеала* народной жизни, и въ направленіи государственной дѣятельности сообразно съ нимъ, а не со случайными криками и вѣчно заблуждающимся наличными желаніями толпы,— имѣетъ надобность въ общеніи именно съ этимъ цвѣтомъ націи, съ ея лучшими людьми, выразителями ея современнаго и историческаго генія. Весь вопросъ объ *общеніи* сводится къ средствамъ окружить верховную власть *этими* людьми, выдѣлить ихъ, сдѣлать видными, легко находимыми и доступными для власти.

Во всякомъ случаѣ идея *общенія* не только не имѣетъ ничего общаго съ идеей *представительства*, но даже съ ней несовмѣстима.

Дѣло въ томъ, что идея народнаго *представительства* сама въ себѣ содержитъ отрицаніе монархіи; ибо *органъ народнаго представительства есть сама верховная власть*. Въ монархіи это ея главное и существеннѣйшее свойство, долгъ и право. Въ монархіи верховная власть ищетъ передъ собою лишь представительства *частныхъ*, групповыхъ интересовъ, но никакъ *не національныхъ*, каковые представляются всецѣло самой верховной властью. Если монархическая верховная власть почему-либо не представляетъ *національныхъ* интересовъ, то, стало-быть, съ этого самаго момента она теряетъ raison d'être и подлежитъ замѣнѣ другимъ образомъ правленія. А пока мы предполагаемъ её въ живомъ состояніи,—она сама есть національное представительство и никакого другаго не можетъ допустить, не заявляя тѣмъ самымъ, что неспособна уже исполнять функцію, для которой выдвинута націей.

Такимъ образомъ въ монархіи можетъ быть только вопросъ о способахъ *общенія* съ націей, но никакъ не о національномъ *представительствѣ*. Эта послѣдняя идея возникла лишь какъ продуктъ разложенія монархической идеи и держится лишь благодаря чистому недоразумѣнію.

Она однако отчасти затуманиваетъ собою даже идею славянофиловъ о свободѣ *мнѣнія* „земли" съ отдачей въ вѣдѣніе верховной власти „воли" ея. Безъ всякаго сомнѣнія, свобода мнѣнія не только не противна монархической идеѣ, но даже логически требуется ею. Но это относится не къ „землѣ", а къ *лю-*

дямъ и *группамъ*. Нельзя, конечно, воспретить и всей „землѣ“ въ совокупности имѣть какое-либо „мнѣніе“, ежели она его имѣетъ, и это даже очень хорошо, когда она его имѣетъ, хотя, къ сожалѣнію, бываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Но имѣетъ она его или нѣтъ, *органомъ* этого національнаго мнѣнія, существующаго или только „потенціальнаго“ можетъ быть и долженъ быть государь, а не какое-либо иное учрежденіе. Раздѣлять „мнѣніе“ и „волю“, столь неразрывно связанныя, вообще невозможно. Идея же монархической верховной власти состоитъ сверхъ того вовсе не въ томъ, чтобы выражать собственную *волю* монарха, основанную на мнѣніи *націи*, а въ томъ, чтобы выражать народный духъ, народный идеалъ, т. е., какъ сказано, выражать то, что думала *бы* и хотѣла *бы* нація, если бы стояла на высотѣ своей собственной идеи. Если бы „земля“ способна была стоять на такой высотѣ, то монархическое начало власти не было бы и нужно для народовъ. Оно нужно именно потому, что свойствами *личности* восполняетъ органическій, неустранимый другими способами недостатокъ всякой соціальной *коллективности*.

XXXV.

Отношеніе государства къ Церкви.—Вопросъ о ихъ отдѣленіи.—Невозможность этого въ монархіи.—Воспитательное значеніе Церкви.—Области вѣденія Церкви и Государства.—Ихъ отдѣльность и ихъ союзъ.

По самой сущности своего принципа монархія *прежде всего* нуждается въ *правильныхъ отношеніяхъ съ Церковью.*

Нормальная установка отношеній государства и Церкви имѣетъ важность, передъ которой блѣднѣютъ всѣ другіе вопросы государственно-общественныхъ отношеній. Это есть установка *обязательнаго* **на** почвѣ *нравственной.* Это есть то, по степени достиженія чего монархическая верховная власть осуществляетъ свою идею *господства нравственнаго идеала.* Для монархическаго начала власти во всей области государственно-соціальныхъ отношеній нѣтъ ничего болѣе важнаго, ибо пока отношенія верховной власти къ Церкви остаются хоть приблизительно правильны, монархическое начало успѣваетъ справляться даже съ дезорганизацій другихъ отраслей соціальной жизни, и наоборотъ, съ потерей этого своего жизненнаго нерва—неизбѣжно лишается способности поддержать даже превосходно въ другихъ отношеніяхъ выработаный соціальный строй.

Итакъ монархическое начало власти имѣетъ передъ собой въ націи—*Церковь.* Должны ли быть между ними какія-либо необ-

ходимыя отношенія? Современныя идеи, отрѣзывающія государство отъ всего живого и органическаго въ націи, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Теорія „свободной Церкви въ свободномъ государствѣ", отдѣленіе Церкви отъ государства,—не видитъ ничего общаго между общими цѣлями жизни человѣка и цѣлями его гражданскаго общежитія. Это было бы проявленіемъ самой полной неразвитости, если бы не было проявленіемъ отрицанія религіознаго начала жизни. У дѣйствительно сознательныхъ сторонниковъ отдѣленія Церкви отъ государства—подкладку такого стремленія составляетъ невѣріе въ существованіе Божіе или, по крайней мѣрѣ, въ реальность воздѣйствія Божества на людей. Стремленіе отдѣлить Церковь отъ государства можетъ явиться столь же основательно еще въ другомъ случаѣ: когда государство стремится поработить Церковь, или, наоборотъ, Церковь—Государство. Въ другихъ случаяхъ у большинства, повторяющаго фразы объ отдѣленіи Церкви отъ государства, это есть не болѣе, какъ проявленіе самаго печальнаго состоянія мыслительныхъ способностей.

Оба указанные случаи, когда отдѣленіе Церкви отъ государства пріобрѣтаетъ разумный смыслъ, являются, однако, именно при *неправильномъ* состояніи государственно-церковныхъ отношеній. При нормальномъ состояніи Церкви и государства—*порабощенія* ни съ той, ни съ другой стороны быть не можетъ. Церковь есть организація совершенно своеобразная, отличная отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ сообществъ. Какъ справедливо говоритъ проф. Н. Заозерскій [1], „Церковь, въ смыслѣ юридическомъ, должна быть мыслима, какъ соціальный порядокъ *параллельный* или соподчиненный соціальному порядку, называемому государствомъ, но *не подчиненный ему*, и *тѣмъ менѣе входящій въ составъ его*". Ибо „соціальный порядокъ Церкви аналогиченъ соціальному порядку государства, но не только не тождественъ, а и разнороденъ до противоположности". „Цѣль іерархіи есть возможное уподобленіе Богу и соединеніе съ Нимъ". Задача церковной іерархіи—„направить жизнь членовъ Церкви соотвѣтственно высшимъ и нормальнымъ требованіямъ духовной природы". Сфера дѣйствованія церковной власти—есть „*духовный міръ человѣка*, человѣческая душа... Возраждающая сила Церкви оказываетъ помощь душѣ человѣка въ ея борьбѣ съ грѣховными стремленіями". Къ этому назначенію призвана *цер-*

[1] *О церковной власти.* 1894 г.

ковная власть. Міръ, съ его политическими, экономическими и т. д. стремленіями,—не ея область: здѣсь дѣйствуетъ государство. Но зато никто кромѣ Церкви не имѣетъ власти въ *ея* области дѣйствія [2].

Само собою разумѣется, что *нравственныя* требованія отражаются и въ сферѣ стремленій политическихъ, экономическихъ и т. д. Но, въ виду существенной противоположности *основныхъ* областей вѣдѣнія Церкви и государства, очевидно, что при желаніи имъ крайне легко избѣжать столкновеній въ пограничной области, тѣмъ болѣе, что *противуположность* ихъ существа не есть противоположность *враждебная*, а лишь выражаетъ *двѣ* различныя *стороны* одного и того же человѣческаго существованія, долженствующія быть гармонически связанными.

Въ настоящемъ разсужденіи было бы не мѣсто входить въ каноническіе споры. Но, ограничиваясь политической стороной вопроса, мы должны вспомнить, что Церковь есть именно та среда, въ которой воспитывается міросозерцаніе, указывающее человѣку абсолютное господство въ мірѣ *верховнаго нравственнаго начала.*

При всѣхъ другихъ міросозерцаніяхъ нравственное начало является элементомъ *производнымъ* и потому *подчиненнымъ*. Нѣтъ ни одного государственнаго дѣятели, настолько безумнаго, чтобы не понимать необходимости извѣстной нравственной дисциплины для самаго существованія общества. Но тѣ практическія правила нравственнаго поведенія, по которымъ гражданинъ не грабитъ, не убиваетъ, повинуется когда нужно, и когда нужно отстаиваетъ права своей личности, — лишаются твердой основы при отсутствіи религіознаго чувства и религіознаго міросозерцанія. Онп держатся тогда или на ничѣмъ не просвѣщаемомъ инстинктѣ или же на основаніяхъ соображенія общественной пользы. Но инстинктъ—дѣло непрочное у существа разсуждающаго, а общественная польза понятіе условное, о которомъ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе. Если по требованію общественной пользы не слѣдуетъ вообще убивать, то, слѣдовательно, по требованію общественной пользы можно иногда и убить. Все зависитъ отъ того, чего требуетъ общественная польза. Правила нравственнаго поведенія становятся, такимъ образомъ, условны, подчинены нашему понятію объ общественной пользѣ. Нравственное чувство перестаетъ быть *верховнымъ*

---

[1] Н. Заозерскій, стр. 2—29.

судьей, каковымъ дѣлается *разсужденіе гражданское*. Нравственный идеалъ поэтому не можетъ уже быть *высшимъ*. Высшимъ идеаломъ становится *гражданскій*, условный, спорный, который каждому можетъ представляться, какъ ему угодно. Чѣмъ только не способны восхищаться люди въ сферѣ гражданскихъ идеаловъ? Одинъ становится героемъ и мученикомъ за идеалъ сильной власти, абсолютистское sit pro lege regis voluntas, другой идеализируетъ республиканскую virtus romana, третій идеализируетъ одухотворенный peuple Souverain, четвертый—такіе же идеалы строитъ изъ *анархіи*, изъ вольныхъ союзовъ людей, заключаемыхъ и расторгаемыхъ въ какую угодно минуту. Пятый „идеализируетъ" соціалистическій полипнякъ, гдѣ люди исчезаютъ передъ вбирающей ихъ въ себя силой „производства". Найти мѣрило для сравнительной оцѣнки этихъ „идеаловъ" возможно только въ *нравственномъ сознаніи*. Но если мы уже отказались отъ него, если мы, по непостижимому омраченію духа, рѣшили подчинить нравственное чувство тѣмъ условностямъ, которыя, наоборотъ, именно имъ только и порождаются,—то мы безнадежно лишаемся мѣрила въ оцѣнкѣ „гражданскихъ идеаловъ", мы рѣшительно не имѣемъ возможности сказать, почему regis voluntas должна уступить мѣсто республиканской virtus romana или наоборотъ, и почему „идеалъ" анархіи ниже или выше „идеала" соціально-демократическаго полипняка? Что мы должны положить въ основанія „обязательнаго", на которомъ основано государственное строеніе? Ясная *общая* идея при этомъ исчезаетъ, и остаются только чисто-эмпирическія указанія опыта. Да и тѣ, какъ это отчасти уже видно въ современности, становятся неясны. Нужно ли наказывать воровъ и убійцъ, или брать ихъ на общественное содержаніе въ больницахъ и пріютахъ? Нужно ли поддерживать авторитетъ общественной власти или упразднять его по мѣрѣ возможности? Нужно ли поддерживать авторитетъ родительской власти или унижать его? Все стало спорно со времени господства „гражданскихъ идеаловъ".

Отъ хаотическаго состоянія нравственнаго чувства націи страдаетъ вообще государственная идея, ибо ставить *обязательнымъ* можно лишь ясно чувствуемое и сознаваемое. Но если въ такомъ обществѣ, пока оно не рухнуло совсѣмъ, всё таки сохраняется *сила* большинства, и слѣдовательно возможно государство демократическое, *то монархическое начало власти—при подобныхъ условіяхъ немыслимо.* Оно требуетъ подчиненія въ основѣ добровольнаго, „не за страхъ токмо но и за совѣсть",

и притомъ такому идеалу, который выражается лучше всего личностью, то есть идеалу не „гражданскому", а *нравственному*. Монархическая власть должна для этого и сама быть проникнута этимъ же идеаломъ и ему сама подчиняться. Все это совершенно несовмѣстимо съ отдѣленіемъ Церкви отъ государства.

Хотя области дѣйствія Церкви и государства въ основѣ совершенно различны но и отдѣленіе ихъ невозможно. Монархическое начало власти, имѣя *личнаго* носителя, легче всего даетъ необходимое *единеніе*, не допуская беззаконнаго *сліянія*. Монархъ, принадлежа къ Церкви, самъ ей подчиняется, несетъ въ себѣ ея нравственныя требованія и свое государственное строеніе направляетъ въ духѣ Церкви. Это и есть *въ общемъ* рѣшеніе вопроса.

Въ частности онъ, однако, представляетъ нѣсколько существенно важныхъ подробностей, которыхъ рѣшеніе можетъ отчасти служить указаніемъ на то, въ какой мѣрѣ достигнуто личное единеніе верховной власти съ Церковью.

Когда оно достигнуто не на словахъ, а на дѣлѣ, носитель верховной власти раздѣляетъ основное вѣрованіе Церкви относительно того, что мы въ нашемъ житейскомъ бытѣ и строѣ подчинены волѣ Божіей и обязаны съ нею сообразоваться, что милость Божія, даруемая за усердное стараніе сообразоваться съ волей Божіей, есть лучшая охрана самого государства, объ устроеніи котораго призвана пещись верховная власть. Въ силу этого монархъ, не только какъ всѣ вѣрующіе, но и въ частности какъ государь, не можетъ не заботиться о томъ, чтобы Церковь оставалась дѣйствительно Церковью, а не превращалась въ самочинное сборище,только присваивающее себѣ это названіе. А для этого Церковь должна быть такою, какой указала ей воля Божія въ самомъ церковномъ ученіи. Всѣ ея права, устройство, дѣйствія опредѣляются не произвольно, а *ею самою*, въ ея *вселенскомъ* существованіи. Такую то Церковь, самостоятельную, живую, имѣющую главою своею Христа, монархъ только и можетъ желать видѣть въ своей странѣ, не только какъ вѣрующій, но и какъ государь. Такимъ образомъ и по личной вѣрѣ монарха,—необходимо соблюденіе и охрана правъ Церкви, ея *самостоятельное* существованіе. Только такая Церковь есть дѣйствительная и, стало быть, полезная, съ точки зрѣнія вѣрующаго, ибо при самовольномъ искаженіи Церкви ничего нельзя ждать отъ Бога, кромѣ наказанія.

Мы здѣсь, такимъ образомъ, видимъ первую общественную

организацію, живое и самостоятельное существованіе которой необходимо для государства. Нуждаясь въ *самостоятельномъ* въ существованіи Церкви и въ то же время встрѣчаясь съ нею многихъ дѣлахъ, соприкасающихся съ государственнымъ строеніемъ, монархія, очевидно, должна во всѣхъ такихъ случаяхъ строить государственное дѣло на основѣ, даваемой Церковью. Это единственный выходъ, такъ какъ ни соперничества, ни вражды, ни подчиненія Церкви государству, ни обратно превращенія государства въ Церковь, монархъ въ собственныхъ государственныхъ интересахъ не можетъ ни желать, ни допустить.

Необходимость этого вывода становится еще яснѣе, если мы религіозныя соображенія вѣрующаго переведемъ на языкъ простого разсужденія. Дѣйствіе Церкви, съ разсудочной точки зрѣнія, сводится въ широкомъ смыслѣ къ *воспитанію личности.*

Церковь *воспитываетъ* народъ, даетъ ему высшее нравственное міросозерцаніе, указываетъ цѣли жизни, права и обязанности личности, и вырабатываетъ самую личность примѣнительно къ достиженію этихъ цѣлей жизни, исполненію обязанностей и пользованію правами. Эту свою великую работу Церковь выполняетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой остается сама собой, подчиненная своему собственному, а не какому либо иному духу и, наконецъ, имѣя въ своемъ распоряженіи необходимыя способы дѣйствія. Всё это, вмѣстѣ взятое, и означаетъ, что *Церковь должна быть самостоятельною и вліятельною силою націи.* Только какъ таковая она и можетъ быть нужна для государства, а, сталобыть, государство, желая пользоваться благами, создаваемыми Церковью, принуждено по необходимости *сообразоваться съ ея совѣтами,* а не пытаться передѣлать её по своему, ибо изъ этой попытки, при успѣхѣ ея, никакой пользы получить не можетъ, и всѣ усилія, направленныя въ эту сторону, въ лучшемъ случаѣ,—составляютъ даромъ потраченное время и средства, а въ худшемъ, т. е. въ случаѣ „успѣха", грозятъ уничтожить самый источникъ нравственнаго бытія націи.

Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ государственное строеніе приходится по необходимости основывать на той живой, самостоятельной организаціи народа, которую создаетъ Церковь. Эта организація охватываетъ по преимуществу духовное существованіе народа, всё то, въ чемъ онъ религіозно нравственно воспитывается, начиная отъ дѣтскихъ лѣтъ и кончая послѣдней минутой жизни, ибо, по совершенно правильной точкѣ зрѣнія Церкви, вся жизнь человѣка есть непрерывное воспита-

ніе, непрерывающаяся никогда выработка его. Воспитательное дѣйствіе Церкви проникаетъ, такимъ образомъ, очень глубоко въ національный организмъ, входя въ дѣйствіе множества учрежденій, по существу уже не церковныхъ, а соціальныхъ, но соприкасающихся съ Церковью въ необходимомъ для нихъ нравственномъ духѣ. Церковь, посредствомъ прихода, посредствомъ семьи, различныхъ общинъ (какъ монашескія и другія), школы, посредствомъ множествъ временныхъ соединеній вѣрующихъ стремится нравственно очистить и освятить каждый актъ жизни человѣка. Не входя въ дѣла чисто *мірскія*, она соприкасается съ ними, стараясь сохранить въ нихъ личность христіанина. Во всей этой неизмѣримо громадной работѣ, — государство можетъ лишь съ благодарностью смотрѣть на ея усилія и *свои* учрежденія только сообразовать съ церковными. Какъ это дѣлать? На это лишь нѣкоторыя указанія даютъ каноны Церкви, но вообще вся суть вопроса не столько въ формахъ, какъ въ *духѣ*, въ *вѣрѣ*, въ *убѣжденіи*. Лишь такимъ живымъ стараніемъ вести дѣла государственныя по христіански сохраняется живая идея государственно-церковныхъ отношеній. Самая же идея состоитъ въ томъ, что государство не упраздняетъ Церкви, не отдѣляется отъ нея, не подчиняетъ ее себѣ, не старается замѣнить ее собою, а принимаетъ ее какъ фактъ, и—въ интересахъ собственнаго дѣла лишь *привноситъ* къ самостоятельной церковной организаціи нѣкоторыя свои требованія, строитъ политическое дѣло на нравственной основѣ, создаваемой Церковью, и такимъ образомъ вступаетъ съ ней въ *единеніе*, не уничтожающее самостоятельности ни государства, ни Церкви. Когда государственная организація, насколько это допускается идеей Церкви, связана съ организаціей церковною, собственно верховная власть совершенно естественно, даже безъ какихъ либо особыхъ собраній и опросовъ, оказывается въ постоянномъ *общеніи* съ націей, поскольку нація организована въ Церкви. Церковные дѣятели и авторитеты всѣ находятся на виду у верховной власти, даже въ нѣкоторомъ обязательномъ съ нею общеніи. Ихъ мнѣнія, опытъ, совѣтъ — всегда къ ея услугамъ, не говоря уже о томъ, что высшее церковное управленіе, если оно устроено сколько нибудь канонически,—всегда на лицо передъ государствомъ, всегда открываетъ ему мнѣніе церковнаго авторитета.

XXXVI.

Государство и соціальный строй.—Классы и сословія.—Сословность монархическаго строя.—Причины этого.—Безсословность и бюрократизмъ.

Кромѣ правильнаго отношенія къ Церкви, монархическое начало власти, будучи высшимъ проявленіемъ здороваго состоянія націи, особенно требуетъ здороваго состоянія *соціальнаго строя.* Монархія не можетъ дѣйствовать одними политическими комбинаціями, не приводя къ искаженію собственной идеи. Всѣ существеннѣйшія ея потребности, какъ *общеніе* власти съ націей, *воздѣйствіе* на національную жизнь, и самое *сохраненіе въ націи господства нравственнаго идеала,* — удовлетворяются главнѣе всего соотвѣтственнымъ состояніемъ соціальнаго строя. Въ немъ монархія находитъ свои главныя средства дѣйствія. Это всегда сознавалось монархическою властью, когда она не становилась безповоротно на точку зрѣнія абсолютизма. Забота о соціальномъ строѣ характеризуетъ всѣ эпохи процвѣтанія монархій, которыя всегда относятся къ нему крайне бережно, стараются не ломать его, а именно на немъ воздвигать свои государственныя построенія. По этому поводу и говорятъ о природной *сословности* монархическихъ націй. Она характеризовала и Россію. Какъ прекрасно выражался А. Пазухинъ, „весь общественный бытъ древней Руси покоился на строго *сословномъ* началѣ. *Каждый гражданинъ Московскаго государства непремѣнно состоялъ въ какомъ-нибудь чинѣ, принадлежалъ къ извѣстному сословію,* обязанному отбывать то или иное государственное тягло. Русскій народъ, распредѣленный на извѣстное число государственныхъ чиновъ, со строгимъ различіемъ въ правахъ и обязанностяхъ, и есть та „вся земля“, то *историческое земство*, къ основамъ котораго теперь взываютъ политическіе мыслители, мечтающіе утвердить современный политическій строй Россіи на безсословномъ началѣ [1]“. Въ этихъ стремленіяхъ, конечно, какъ справедливо доказывалъ Пазухинъ, кроется глубокое непониманіе фактовъ. Но должно замѣтить, что значеніе соціальнаго строя для монархіи, хотя и сознаваемое наиболѣе крупными выразителями *русской* государственности (какъ М. Н. Катковъ и К. Н. Леонтьевъ),—весьма не разработано научно, принадлежитъ къ числу темнѣйшихъ вопросовъ

---

[1] *А. Пазухинъ.* Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ.

политической науки, такъ что массѣ публики, къ ея извиненію, даже и не откуда почерпать понятія менѣе спутанныя.

Мы должны разобраться въ этомъ вопросѣ, хотя бы и безъ надежды избѣжать ошибокъ, столь трудно избѣжимыхъ во всѣхъ заброшенныхъ областяхъ науки [1].

Говорятъ о *сословности* монархическаго строя. Но что это значитъ? Что такое *сословіе*? Въ настоящее время подъ сословіями понимаютъ нѣсколько крупныхъ традиціонныхъ слоевъ націи, которые даже отчасти утратили свой прежній живой смыслъ. Многіе даже увѣрены, что эти сословія отжили свое время, и что поэтому будто бы сословность вообще исчезаетъ. Съ точки зрѣнія научной мы однако не можемъ разсматрѣвать *сословности* только по немногимъ историческимъ проявленіямъ ея, а должны вникнуть въ ея соціально-политическій смыслъ. Что такое *сословіе?* Нація, по различію условій жизни, по многообразію ея требованій, всегда распадается на *слои*, не одинаковые по условіямъ жизни, а потому представляющіе извѣстныя различія и въ своемъ бытѣ, въ своихъ привычкахъ, въ томъ, что составляетъ сильнѣйшія и слабѣйшія ихъ стороны. Назовемъ эти слои *классами*, какъ терминомъ болѣе понятнымъ публикѣ [2]. Это распаденіе на слои не есть какое-либо „исчезающее“ явленіе, не есть что-либо свойственное одному лишь періоду развитія, а явленіе *всегдашнее*, вѣчное. Никогда это разслоеніе не было сильнѣе, нежели въ настоящее время, когда культура значительно усложнилась въ сравненіи съ предшествовавшими вѣками. Не касаясь Европы, гдѣ это еще болѣе замѣтно, нежели у насъ, укажу нѣсколько образчиковъ изъ русской дѣйствительности. Мы, на бумагѣ, имѣемъ *одно* крестьянское сословіе. Но вникнемъ въ дѣйствительную жизнь этого сословія, и увидимъ, что оно давно распалось на много слоевъ, существенно различныхъ. Чисто земледѣльческое населеніе, съ примѣсью кустарно-промышленнаго труда, то-есть, именно *историческое* крестьянство, теперь охватываетъ лишь часть крестьян-

[1] Къ этому вопросу въ сущности ближе всего подходитъ полицейское право, на которомъ, однако, тяготѣетъ его подчиненность общимъ идеямъ государственнаго права, а стало-быть и всѣмъ неясностямъ этихъ идей.

[2] Терминологія, конечно, дѣло вполнѣ условное. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я принимаю слово „классъ“ какъ обозначеніе естественнаго слоя (экономическаго или иного происхожденія), а слово „сословіе“—какъ обозначеніе того же слоя, т. е. класса, но уже получившаго государственныя функціи.

скаго сословія. Населеніе горно-промышленное различается отъ его уже весьма существенно. Населеніе фабрично-промышленное еще болѣе, такъ что въ настоящее время уже почти нѣтъ такой *государственной* мѣры, которая была бы *одинаково* нужна и полезна для всѣхъ слоевъ этого нѣкогда единаго сословія. Напротивъ, нерѣдко тѣ мѣры, которыя выгодны для крестьянства фабричнаго, могутъ быть невыгодны для крестьянства земледѣльческо-кустарнаго. Со своей стороны, эти различные слои такъ называемаго крестьянства уже не могутъ *одинаковымъ способомъ* служить государству, и хотя изъ каждаго можно извлечь государственную пользу, но *различными способами*. Укажу точно также на современное *дворянство*. То, что было историческимъ дворянствомъ, то-есть, сословіе землевладѣльческо-служилое,—нынѣ охватываетъ лишь небольшую долю дворянства, другіе слои котораго не имѣютъ не только ничего общаго съ исторической идеей сословія, но по всѣмъ своимъ интересамъ прямо враждебны ей. Такова—вся бюрократическая часть его. Здѣсь опять,—нѣтъ ни одной государственной мѣры, которая могла бы быть полезна *всему* слою, числящемуся въ сословіи дворянскомъ, и разные его слои лишь совершенно различными способами могутъ быть полезны государству. Соединенные вмѣстѣ, эти слои—совершенно неспособны жить *единой* сословной жизнью, и взаимными противорѣчіями только подрываютъ ее. Далѣе. Классъ *промышленный* представляется въ видѣ *купеческаго* и *мѣщанскаго* сословій, но точно также совершенно не вмѣщается въ нихъ, и давно разслоился болѣе сложно. Въ области труда умственнаго давно явились рѣзко обозначенные слои, которые даже живутъ совмѣстной жизнью, и невольно, а отчасти сознательно стремятся ко внутренней организаціи.

Нельзя сказать даже, чтобы эти новые слои не входили въ обязательныя отношенія къ государству, но это происходитъ, несистематично, какъ бы противъ воли ихъ самихъ и государства, не только безъ достаточнаго сознанія взаимнаго единства, а даже со взаимными опасеніями—какъ бы не подорвать общественной свободы, какъ бы не подорвать государственнаго авторитета... Въ этомъ-то разрывѣ государства и общественныхъ слоевъ заключается характеръ современности, а вовсе не въ томъ, чтобы исчезло разслоеніе общества.

Прежде всякій соціальный слой, какъ только онъ обозначался въ своей отдѣльности и особенности, становился основой *государственнаго* строенія. Онъ привлекался къ служенію государству

на основанiи тѣхъ своихъ свойствъ, которыми могъ быть государству полезенъ. Съ другой стороны, онъ, именно какъ *слой*, получалъ государственное о себѣ попеченiе. Его жизненныя свойства получали опору въ государствѣ. Такимъ-то образомъ „классъ"—*соцiальный слой*—становился *сословiемъ*. Сословiе есть ничто иное, какъ *государственно признанный и въ связь съ государствомъ поставленный соцiальный слой*.

Если теперь говорятъ о безсословности современности, то это не значитъ, чтобы нацiя перестала разслоиваться, а значитъ только то, что *государство* не даетъ этому разслоенiю своей санкцiи, игнорируетъ его въ своихъ политическихъ построенiяхъ.

Почему это происходитъ? Безъ сомнѣнiя отъ ослабленiя общей идеи устроенiя, осмысливающей государственную жизнь, помогающей государству быстро и удачно угадывать свой долгъ въ отношенiи явленiй нацiональной жизни. Старое государство, повсюду связывало себя съ жизнью нацiи. Организацiя общественная *поэтому* становилась орудiемъ организацiи государственной подъ единымъ объединяющимъ началомъ верховной власти. Абсолютистская идея разобщила государство и общество. При своей претензiи вобрать нацiю въ себя, новое государство въ дѣйствительности стало лишь внѣ нацiи. Переставъ составлять двѣ неразрывно связанныя стороны одной и той же нацiональной жизни, государство и общество приходятъ даже къ антагонизму, завершенному нынѣ уже появленiемъ идеи *анархической*. Эта идея *безсословности* государства въ обществѣ все сильнѣе *разслаiвающемся* — принадлежитъ къ числу большихъ опасностей современной жизни. Она не только ослабляетъ государство, но безъ сомнѣнiя допускаетъ общественное разслоенiе доходить до ненормальности, болѣзненности. Послѣдствiе мы уже видимъ въ томъ, что нынѣ уже *классовые* интересы становятся живѣе и упорнѣе, нежели не только государственные, но даже нацiональные.

Между тѣмъ любопытно отмѣтить, что сама идея безсословности явилась не вслѣдствiи уничтоженiя разслоенiя нацiи, а напротивъ,—какъ идея еще новаго слоя ея—слоя *бюрократическаго* и *политическаго*, который устраняя нацiю отъ непосредственной связи съ государствомъ, взялъ на себя функцiю *представительства* государства передъ нацiей и нацiи передъ государствомъ. Это-то самое „средостѣнiе", на которое и у насъ не мало жаловались. Однако же,—въ идеѣ монархiи лежитъ именно *непосредственная* связь съ нацiей. Пока въ нацiи живъ

монархическій духъ, она всегда смотритъ на всякія помѣхи этому, какъ на злоупотребленіе, всегда стремится „дойти до самого царя“, въ которомъ точно также встрѣчаетъ стремленіе быть въ личномъ, непосредственномъ общеніи со своимъ народомъ.

XXXVII.

Задачи освѣдомленія и общенія власти и народа.—Значеніе сословности.

Задачи *освѣдомленія* и *общенія* съ націей—достигаются для верховной власти тѣмъ легче, чѣмъ болѣе находятся *на виду* всѣ наиболѣе дѣятельныя силы и люди націи, а это опять происходитъ лучше всего тамъ, гдѣ энергичнѣе и свободнѣе происходитъ группировка націи въ слои, корпораціи, общества, въ центрѣ которыхъ сами собою обозначаются наиболѣе способные и типичные выразители національной работы. Находить и видѣть ихъ для верховной власти всего легче и удобнѣе тогда, когда она соприкасается съ этими группами на самомъ дѣлѣ *управленія* страной. Это же, въ свою очередь, достижимо именно при идеѣ *сословнаго* государства, то-есть когда естественно образующіяся національные слои становятся сословіями, обращаются на государственную службу тѣми своими сторонами, которыя къ этому пригодны. Само-собою ясно, что не одни земледѣльческій или землевладѣльческій слои способны служить государству и получать сословный характеръ, а всякій крупный слой народный. Въ старину умѣли обращать на государственную службу даже бродягъ и разбойниковъ казаковъ. Если этого не дѣлается съ новыми слоями, то не по непригодности ихъ къ такой роли, а по ослабленію самой устроительной идеи. Но по внутреннему смыслу своего принципа монархическая власть стремится именно къ такой постройкѣ государства.

Государство, „государственный союзъ“, есть лишь завершеніе, а не упраздненіе національнаго. Государство лишь связываетъ во-едино, проводитъ до общаго центра нити національной работы. Въ этомъ вся его роль и значеніе. Если нѣтъ національной работы—не изъ чего создавать и государство. Наоборотъ чѣмъ оживленнѣе національная жизнь и національное разслоеніе, тѣмъ необходимѣе государство, какъ обязательная, объединительная организація. Его исходными пунктами поэтому являются естественно самые національные слои, которые, во-первыхъ, своей работой указываютъ, въ чемъ потребна обязательность, во-вторыхъ, въ своихъ центральныхъ пунктахъ являются готовой

служебной силой для государства. Лишь тѣмъ, гдѣ кончается эта слоевая организація, необходимо созданіе организаціи чиновнической, но тамъ, гдѣ есть живой національный слой, пригодный для государственной работы, излишне создавать другой, искусственный, который не будучи необходимъ, даже дѣлается вреденъ, потому-что является конкуррентомъ національнаго слоя, и невольно подавляетъ его.

Естественно видѣть, что, начало власти, выражающее самый *духъ націи*,—особенно охотно ищетъ свои государственныя орудія тамъ, гдѣ они создаются *національной же работой*. Оно даетъ этимъ слоямъ сословный характеръ, обращаетъ ихъ на службу государству, и лишь промежутки между ними заполняетъ искусственной бюрократической организаціей. При этомъ государственная организація на многихъ пунктахъ является неразрывно связанной съ націей, и изъ сословной службы почерпаетъ лучшій персоналъ даже для службы бюрократической. Такимъ образомъ получается наиболѣе дешевая, наиболѣе національная государственная организація, наиболѣе способная сознательно исполнять предначертанія верховной власти, проникнутой тѣмъ же національнымъ духомъ. Съ другой стороны, эта государственная организація наименѣе способна превращаться въ то опасное бюрократическое „средостѣніе", которое отдѣляетъ верховную власть отъ народа почти съ тою же силой, какъ парламентарное „средостѣніе" профессіональныхъ политикановъ.

Такимъ образомъ для единоличной власти необходимъ развитой соціальный строй. Онъ составляетъ естественное дополненіе монархіи и даже ея необходимое условіе, точно такъ же, какъ сама монархія является естественнымъ дополненіемъ развитого соціальнаго строя, настоящимъ „увѣнчаніемъ зданія" его.

XXXVIII.

Аристократическій и демократическій элементы въ монархическомъ управленіи.

Устроеніе государства на самыхъ національныхъ слояхъ, на данныхъ, создаваемыхъ соціальнымъ строемъ, имѣетъ своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіемъ возможность удобной комбинаціи въ управленіи элементовъ *аристократическаго* и *демократическаго*.

Извѣстно изъ исторіи всѣхъ процвѣтающихъ монархій, какъ охотно монархическая власть допускаетъ оба эти элементы въ управленіе, какъ ищетъ ихъ, стараясь даже создавать ихъ. Только

абсолютистская идея измѣняетъ этому правилу, стараясь, наоборотъ, устранить отовсюду массу народа попеченіемъ чиновника и администраціи и уничтожить аристократію въ пышномъ бездѣйствіи куртизанства. Въ нашей исторіи не обошлось и безъ вліянія абсолютистской идеи. Но, вообще говоря, какъ правило, все низшее управленіе у насъ цѣлые вѣка было пропитано и доселѣ остается пропитаннымъ демократическимъ элементомъ, тогда какъ высшее столь же сильно опиралось на элементъ аристократическій.

Внутреннія причины этого совершенно понятны. Низшее управленіе есть конкретное приложеніе идей, выработывающихся въ высшемъ. Масса же народа, всегда безсильная въ *предвидѣніи* послѣдствій всякой общей идеи, есть, однако, лучшій судья послѣдствій ея совершившигося конкретнаго примѣненія. Приноситъ ли принятая мѣра облегченіе или ухудшеніе, — сужденіе объ этомъ массы есть результатъ непосредственнаго ощущенія, которое вѣрнѣе всего, конечно, у того, кто испытываетъ принятую мѣру на самомъ себѣ. Демократическій элементъ, столь ничтожный въ роли верховной власти, мало способенъ и въ роли высшаго управленія. Но онъ имѣетъ свои незамѣнимыя достоинства въ дѣлѣ управленія низшаго.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что характеристической чертой этого привлеченія демократіи къ управленію, является при господствѣ монархіи то, что демократія допускается къ управленію все таки не въ состояніи толпы, а въ состояніи организованныхъ группъ. Демократія при этомъ по возможности *аристократизируется*. Ея выразителями являются „лучшіе люди“, представители соціальныхъ группъ, а не простого численнаго большинства. Сверхъ того, никогда монархическое начало не остается при этомъ и безъ своихъ непосредственныхъ агентовъ, въ видахъ *контроля* управленія и принятія мѣръ понужденія къ дѣйствительному исполненію закона.

Подобно тому какъ элементы массы народа обычно участвуютъ въ низшемъ управленіи,—въ управленіи *высшемъ*, столь же обычно присутствіе *аристократіи*. Какъ демократія снизу, такъ и аристократія сверху не допускаются до *узурпаціи* правительственныхъ органовъ. Мы знаемъ и у себя въ исторіи эпохи жестокой борьбы съ аристократическимъ элементомъ, выходящимъ изъ рамокъ, естественныхъ при монархическомъ началѣ. Но обезпечивъ государство отъ этой опасности, монархія обычно строитъ высшіе органы управленія по преимуществу изъ

аристократическихъ элементовъ. При этомъ достигаются дѣйствительно очень важныя выгоды, такъ какъ аристократія, вообще говоря, при сколько нибудь нормальномъ состояніи, представляетъ наиболѣе зрѣлую политическую и соціальную мысль страны, ея опытъ, ея традицію.—Во многихъ отношеніяхъ она незамѣнима въ области высшаго управленія, такъ какъ, вообще говоря, никакая личная геніальность не представляетъ стольких гарантій для *государственной* разумности мѣры, какъ традиціонный опытъ, представляющій собой геній прошлаго, освобожденный отъ всякихъ личныхъ увлеченій.

Такая система управленія можетъ считаться *естественною* при монархической верховной власти. По степени сохраненія народа и монархическаго начала въ здоровомъ состояніи, политическій строй монархій обыкновенно представляетъ различныя комбинаціи въ смыслѣ обрисованной выше схемы. Безъ сомнѣнія, по внутренней потребности въ такой системѣ управленія, монархическая верховная власть всегда такъ заботится о поддержаніи *соціальнаго* строя, необходимаго для нея. Въ этомъ монархія рѣзко отличается отъ демократій, правительство которыхъ обыкновенно самымъ равнодушнымъ образомъ относится къ соціальной дезорганизаціи. Это понятно, ибо никакая соціальная дезорганизація не уничтожаетъ народа какъ численной массы, какъ толпы, а слѣдовательно, не подрываетъ демократической верховной власти, и даже наоборотъ, скорѣе обезпечиваетъ ее. Чѣмъ болѣе организованъ народъ въ соціальномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе ограничивается сила простого численнаго большинства личными и групповыми авторитетами. Для монархіи, напротивъ, эта внутренная организація, заставляющая авторитетъ численной силы стушевываться передъ авторитетами нравственными, составляетъ наиболѣе удобную почву дѣйствія.

XXXIX.

Право и свобода.—Ихъ оттѣнки при различныхъ основахъ верховной власти.—Демократическое построеніе обязанности на основѣ права.

Предшествующія главы показываютъ, что *способы дѣйствія* различныхъ началъ верховной власти, въ достиженіи общей цѣли этой власти, не одинаковы. Но наблюденіе показываетъ также, что это различіе простирается гораздо глубже, давая очень неодинаковые оттѣнки понятіямъ *свободы, права, обязанности* въ государственной жизни.

Намъ необходимо остановиться нѣсколько на этихъ различіяхъ, неизбѣжно отзывающихся на правовыхъ отношеніяхъ вообще.

Выше было замѣчено, что государство вообще является высшею охраной *права* и *свободы*. Это совершенно понятно. Государство устанавливаетъ *обязательныя* нормы гражданской жизни, а слѣдовательно ограничиваетъ свободу каждаго, но этимъ самымъ ограничиваетъ возможность каждаго стѣснять свободу другого и, стало быть, въ этихъ размѣрахъ обезпечиваетъ ее для каждаго. Такъ устанавливается, если мы припомнимъ выраженіе Б. Чичерина, *разумная свобода*, свобода, сообразованная съ задачей не мѣшать чужой свободѣ.

Государство въ этомъ случаѣ является охраной свободы личности не только въ отношеніи другихъ личностей, но и въ отношеніи *общества*. Какъ членъ общества, каждый человѣкъ живетъ въ одной или нѣсколькихъ его группахъ, внутри которыхъ имѣетъ свои права, но точно также испытываетъ извѣстное подчиненіе. Это подчиненіе—семейное, корпоративное, сословное—могло бы переходить необходимыя границы и доходить даже до подавленія личности, если бы государство не ставило для него рамки, сообразованныя не съ однѣми цѣлями данной группы или сословія, но съ цѣлями совокупной національной жизни. Такая охрана личности отъ посягательствъ общественныхъ группъ особенно важна для свободы, и только съ нею воспитательное значеніе общественной среды, сохраняя всѣ свои цѣнныя стороны, утрачиваетъ опасныя, способная подавлять личность. Государство въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, является необходимою достройкой общественной организаціи.

Таково же его значеніе относительно *правъ* личности. Собственно говоря, *право* только въ государствѣ и получаетъ вполнѣ выясненную формулировку и точное обозначеніе.

Говоря о *свободѣ* и *правѣ*, мы входимъ, однако, въ область, гдѣ многіе принятые взгляды далеко не согласуются съ тѣмъ освѣщеніемъ вопроса и съ тѣми поправками, которыя были бы необходимо привнесены при научной разработкѣ *монархическаго* начала верховной власти. Дальнѣйшее разсужденіе, недостаточное, безъ сомнѣнія, для *разрѣшенія* вопроса, стоящаго передъ наукой, достаточно, однако, кажется, для доказательства его *существованія*.

Что такое *право*? Оно обыкновенно тѣсно сливается съ понятіемъ о *свободѣ* политической и гражданской. Право понимается

какъ юридическая формулировка тѣхъ полномочій, которыя личность имѣетъ въ государствѣ и обществѣ для пользованія своей свободой. Обязанности, формулируемыя закономъ, наоборотъ, выражаютъ, по этому мнѣнію, все, чѣмъ личность жертвуетъ своей свободой въ пользу общества, для полученія въ остальной части свободы *правовой* ея охраны.

Подъ этимъ лежитъ, очевидно, въ сознательномъ или скрытомъ состояніи, та идея, что личность, сама-по-себѣ, мыслимая внѣ общества,—есть нѣкоторое абсолютно свободное существо, въ обществѣ же встрѣчаетъ уничтоженіе своей свободы; установленіе *правъ* и *обязанностей*—является разрѣшеніемъ этого противурѣчія личности и общества.

Критика этой точки зрѣнія создала бы особую, обширную тему, которая слишкомъ далеко отвлекла бы насъ отъ вопроса о собственно монархическомъ началѣ власти. Но разсмотрѣніе монархическаго начала власти, въ его отношеніи къ праву и свободѣ, приводитъ къ заключенію, что въ теоретическомъ опредѣленіи этихъ понятій можетъ лежать и нѣкоторая совсѣмъ иная основная точка зрѣнія.

Согласно съ приведеннымъ взглядомъ, *право*, какъ выраженіе свободы, есть основный элементъ; *обязанность* же, какъ общественное ограниченіе свободы,—элементъ производный. Нѣтъ права безъ обязанности, нѣтъ обязанности безъ права: это положеніе болѣе или менѣе общепризнано. Но строится ли право на обязанности или, наоборотъ, обязанность на правѣ, существуетъ ли право какъ послѣдствіе обязанности или обязанность, какъ послѣдствіе права?

Это вопросъ далеко не праздный. Конечно, государство исторически возникаетъ, во всякомъ случаѣ, въ такое время, когда нѣтъ личности внѣ общества и когда, стало-быть, обязанность и право уже связаны неразрывно. Но работа нашего духа сообразуется не съ исторической эволюціей фактовъ, а съ ихъ внутреннимъ смысломъ. Личность могла фактически никогда не существовать внѣ общества. Договора между личностью и обществомъ, какъ историческаго конституціоннаго акта, могло никогда не быть. Но дѣло въ томъ, что личность какъ прежде, такъ и теперь, непрерывно *сознаетъ* себя существующею не только въ обществѣ, но и *внѣ* его; личность теперь, какъ и всегда, каждую минуту заключаетъ въ своемъ сознаніи договоръ съ обществомъ, то одобряя свои отношенія къ обществу и общества къ себѣ, то возмущаясь противъ нихъ и

пытаясь ихъ измѣнить [1]. Это есть тоже фактъ психологическій и историческій, подъ вліяніемъ котораго создается и измѣняется юридическое право. Такимъ образомъ въ нашемъ политическомъ творчествѣ вопросъ объ отношеніи права къ обязанности— имѣетъ совершенно реальное значеніе, и отъ того или иного его рѣшенія въ нашемъ сознаніи государство и общество строются совершенно неодинаковымъ образомъ.

Вотъ на этомъ пунктѣ мы и замѣчаемъ существенное различіе въ идеѣ монархической и демократической.

Когда въ государственномъ сознаніи націи господствуетъ *демократическая* идея, верховной властью является *масса*, народъ, сила численная, количественная. Личность сознаетъ, что она въ обществѣ имѣетъ извѣстныя выгоды, и подчиняется обществу не только по необходимости, а даже добровольно. Но все-таки она подчиняется народу, какъ нѣкоторой внѣшней силѣ, подчиняется не своей собственной идеѣ, а идеѣ чужой, за которую стоитъ въ государствѣ народъ, хотя бы личность съ нею и была совершенно несогласна. Здѣсь государственная обязанность принимается какъ *уступка* нѣкоторой необходимой силѣ, хотя бы незловредной, но все-таки *чужой*. Уступка эта дѣлается для сохраненія той доли свободы своей, которая окажется возможной, а слѣдовательно, охотное согласіе принять обязанность обусловливается въ личности тѣмъ, сколько за это дадутъ правъ. Такимъ образомъ въ сознаніи личности ея *право* является основой, ея *обязанность* лишь послѣдствіемъ.

Изъ такого отношенія права къ обязанности вытекаетъ другое важное послѣдствіе, а именно столь характеристичное для демократій стремленіе къ *общему равенству*. Идея равенства, при демократической государственности, является совершенно необходимо и неустранимо.

И въ самихъ демократіяхъ только самые глупые люди могутъ не понимать, что люди въ дѣйствительности ни въ чемъ не равны. Но дѣло не въ томъ. Основой права для личности при демократической верховной власти является стремленіе сохранить свою свободу. Какъ способность къ свободѣ, такъ и напряженность стремленія къ ней совершенно неодинаковы. Но никакого объективнаго *мѣрила* для этого чисто субъективнаго стремленія *нѣтъ* у демократической верховной власти, которая есть власть не разума,

---

[1] Весьма интересны по этому предмету соображенія Фулье на которыхъ я не останавливаюсь болѣе подробно только по недостатку мѣста.

не какого-либо нравственнаго идеала, а только *силы* численной. Для такой верховной власти всѣ отдѣльные личности являются только единицей счисленія, а потому совершенно равными. У всѣхъ ихъ основой обязанности является стремленіе къ охранѣ свободы. Велико оно или мало,—но оно есть у *всѣхъ*, и если на немъ строится право, то въ юридической формулировкѣ, за отсутствіемъ объективнаго мѣрила, можно остановиться только на признаніи его у всѣхъ одинаковымъ. По крайней мѣрѣ для государства оно *одинаково* у всѣхъ, ибо всѣ, только на основаніи этого своего стремленія соглашаются принимать обязанности. Такимъ образомъ права всѣхъ признаются *равными*, а такъ какъ обязанности истекаютъ изъ права, то и обязанности могутъ быть лишь *одинаковыми*.

Потому, государственная идея демократіи постоянно, съ древности до новѣйшихъ временъ, неудержимо становится идеей не столько охраны правъ и свободы, какъ идеей *уравненія* правъ и обязанностей. Дѣйствительное неравенство людей по ихъ способностямъ, по ихъ общественной роли, по ихъ стремленію къ свободѣ,—всё это стирается передъ юридической идеей уравненія, которая при достаточномъ развитіи, начинаетъ дѣлаться даже явно несправедливой и притѣснительной, такъ какъ ея среднія доли правъ и обязанностей рѣшительно не соотвѣтствуютъ фактическому состоянію способностей, заслугъ и общественной роли людей. Мильтіадъ объявляется заслуживающимъ изгнаніе только потому, что превысилъ среднюю степень „справедливости", а на разсвѣтѣ современной демократіи раздалось заявленіе, что ученые не нужны для республики, и что „наука—аристократична".

На этой ступени развитія демократическая идея уже является гибельною для общества, и уравнительная тенденція демократической верховной власти находитъ поправки только въ сопротивленіи элементовъ аристократической и единоличной власти, упорно воскресающихъ въ области *управленія*, гдѣ они, повидимому, неистребимы. По крайней мѣрѣ, исторія, если не ошибаюсь, не представляетъ примѣровъ демократіи, успѣвшей совершенно заглушить въ управленіи элементы единовластія и аристократіи, порождаемые соціальнымъ строемъ, вопреки тенденціямъ строя государственнаго. Чаще примѣры того, что эта опасная тенденція демократической верховной власти вызываетъ попытки переворота для водворенія на ея мѣсто монархіи или аристократіи.

XL.

Монархическая установка права на основѣ обязанности.

Распредѣленіе правъ и обязанностей въ государствахъ монархическихъ уже на первый взглядъ ясно представляетъ гораздо болѣе сложную картину. Права политическія особенно неодинаковы, разница есть даже и въ гражданскихъ. Въ первое же воскресеніе монархической идеи при Наполеонѣ I, несмотря на сильнѣйшее вліяніе уравнительной идеи революціи, является признаніе неравенства, такъ что старые якобинцы упрекали императора „въ возстановленіи всего, за уничтоженіе чего они проливали кровь". Сознаніе фактическаго неравенства людей и стремленіе съ нимъ сообразоваться въ правовыхъ отношеніяхъ кажется нераздѣльнымъ съ самой идеей монархіи.

Анализируя внутренній смыслъ права воздвигаемаго монархіями приходится остановиться на мысли, что при монархической идеѣ верховной власти *право истекаетъ изъ обязанности*, совершенно обратно тому, какъ замѣчается въ демократіяхъ. Исключеніе представляется лишь въ правовыхъ построеніяхъ абсолютизма, который, подобно демократіи, также стремится къ всеобщей уравнительности. Но мы уже замѣчали внутреннее родство идей абсолютизма и демократіи. Концепція верховной власти у нихъ совершенно одинаковая, и разница сводится къ пониманію не *существа* власти верховной, а лишь ея *носителя*, depositaire'a. Существо власти одно и то же, а носителемъ ея считается въ одномъ случаѣ король, въ другомъ масса народа. Но абсолютизмъ и есть компромиссъ между демократіей и монархіей, внутреннее паденіе монархіи при сохраненіи ея внѣшней формы.

Въ чисто монархической идеѣ—правовое построеніе напротивъ показываетъ, что право строится ею на обязанности. Если мы вспомнимъ хотя бѣ вышеприведенныя представленія о государственной власти, создавшія верховную власть древней Россіи, то мы, кажется, поймемъ, что идея права и не могла складываться инымъ путемъ при томъ типично монархическомъ міросозерцаніи, которое господствовало у насъ.

Прежде всего *верховная власть* не являлась противуположеніемъ личности, не была для нея властью какой то *посторонней* силы, а являлась властью собственнаго нравственнаго идеала личности. Конкретный носитель верховной власти являлся облеченнымъ ею отъ самого Бога, и притомъ какъ *обязанностью*.

Въ отношеніи такой власти не могло являться никакихъ опасеній по существу, не могло быть никакого договора, никакой охраны *своихъ* правъ, ибо верховная власть сама по себѣ являлась высшимъ выраженіемъ попеченія Бога о мірскихъ интересахъ людей, выражая собою то, что одинаково принадлежало и личности и націи, ихъ общій *нравственный идеалъ*. Это была *власть правды*, а не силы. Отъ правды себя не защищаютъ, а, напротивъ, въ ней видятъ свою защиту.

Въ самой верховной власти право истекало уже изъ *обязанности*, изъ *миссіи* ея. Только для исполненія этой миссіи, для возможности исполнять обусловленныя ею обязанности, верховная власть получила свои *права* и не отъ людей, а отъ Бога. Не людямъ, стало быть, принадлежало и опредѣленіе границъ этихъ правъ. Нравственно же религіозная идея, раздѣляемая націй, и выражавшая, по ея вѣрѣ, волю Божію, ограничивала права царя не правами подданныхъ, а только ихъ *обязанностями* высшей категоріи, а именно обязанностями ихъ въ отношеніи Бога. Никакихъ другихъ правъ подданныхъ въ отношеніи царской власти не знаетъ эта идея кромѣ тѣхъ, которыя даются нашими обязанностями въ отношеніи Бога. Повиновеніе верховной власти кончается только тамъ, гдѣ она требуетъ неповиновенія Богу, то-есть, другими словами, гдѣ она сама нарушаетъ свою обязанность. Какъ у власти, такъ и подданныхъ *право въ основѣ опредѣляется обязанностью.*

Съ этой точки зрѣнія *право есть только формула условій, необходимыхъ для исполненія обязанности.*

Такая основная правовая идея должна была затѣмъ отразиться во всемъ дальнѣйшемъ развитіи права, въ устроеніи соціальномъ и государственномъ. Различіе этого типа власти, основываемой на нравственномъ идеалѣ, отъ власти, основываемой на демократическомъ фактѣ силы,—очень рѣзко.

Что такое, напримѣръ, patria potestas? Это *сила*, огромная, неприкосновенная, но только сила, и она то составляетъ *право*. Наоборотъ, отеческая власть по православному міросозерцанію, основана исключительно на *обязанности* лица, указываемой нравственно религіознымъ идеаломъ. Это право, освящаемое силой Божественною, но мотивированное необходимостью исполнять обязанность, и только для исполненія ея данное.

Каковы наши личныя права, при столкновеніи съ другими людьми? Съ точки зрѣнія религіозно-нравственнаго міросозерцанія—въ сущности никакихъ. Мы имѣемъ *обязанности.* Они

указаны очень подробно. Правъ же мы въ отношеніи одинъ другого никакихъ не имѣемъ, и если они являются, то лишь какъ послѣдствіе *обязанности* другихъ людей относительно насъ. Я требую не *своего права*, а исполненія въ отношеніи меня *чужой обязанности*. Если я въ чемъ-либо долженъ *не уступить*, то опять именно *долженъ*; я охраняю не свое право, а исполняю обязанность. Это точка зрѣнія общая, основная. Право является лишь послѣдствіемъ обязанности и результатомъ взаимныхъ обязанностей. Когда эта религіозно-нравственная точка зрѣнія создаетъ наконецъ идею *верховной власти*, то черезъ нее переходитъ, естественно, и въ строеніе права политическаго и гражданскаго. Верховная власть, сама построенная на обязанности, и не имѣющая другихъ ограниченій, кромѣ обязанностей, — налагаетъ ту же печать на государство. Вслѣдствіе того во всемъ правовомъ строеніи должно явиться стремленіе не къ уравнительности, не къ одинаковости, а къ *справедливости*, къ соотвѣтственности правъ съ обязанностями, что мы и дѣйствительно замѣчаемъ какъ типичную черту монархически создаваемыхъ юридическихъ отношеній.

XLI.

Контроль подданныхъ.—Ошибочность идеи Блюнчли.—Истинное мѣсто контроля.—Основа права на обязанности.

Примѣненіе принципа *справедливости* къ установкѣ права, а тѣмъ болѣе къ его приложенію на практикѣ, безъ сомнѣнія, составляетъ задачу болѣе сложную и трудную, чѣмъ примѣненіе принципа *уравнительности*. Поэтому въ монархіи власть, для увѣренности въ успѣшномъ осуществленіи своихъ задачъ, даже болѣе нежели въ республикѣ нуждается въ томъ, чтобы существовалъ *контроль націи*. Здѣсь мы подходимъ къ очень важному вопросу государственнаго права. Этотъ контроль націи въ государственномъ правѣ выдвигается иногда даже какъ самая основа народной свободы. На разсмотрѣніи этой идеи должно остановиться подробнѣе.

Блюнчли, очевидно, совершаетъ ошибку, когда говоритъ о контролѣ подданныхъ надъ верховною властью. Контроль подданныхъ надъ верховною властью мыслимъ *нравственно*, и въ такомъ смыслѣ существуетъ вездѣ. Цѣль его есть, однако, лишь удостовѣреніе націи въ томъ, *существуетъ или не существуетъ* въ ней верховная власть, т. е. остается ли она вѣрна своей

идеѣ. Но никакой *юридическій* контроль надъ верховною властью невозможенъ, и по существу есть абсурдъ. Такъ напримѣръ, вы самой развитой республикѣ гражданинъ, коль скоро удостовѣряется, что принятая мѣра есть дѣйствительное выраженіе демократической верховной власти,—принужденъ смолкнуть *юридически*, если бы даже мѣра представляла собою верхъ нелѣпости. Можно *аппеллировать* къ самому же народу, говорить, писать, стараться его переубѣдить,—но и только. Немыслимо имѣть никакихъ учрежденій, которыя могли бы отмѣнить рѣшеніе верховной власти, ибо это составляло бы созданіе на ея мѣсто нѣкоторой иной верховной власти. Итакъ, контроль надъ дѣйствіями собственно верховной власти мыслимъ лишь *нравственно*. А засимъ всякая мѣра верховной власти eo ipso, т. е. потому что есть мѣра *верховной* власти—юридически *законна* и, слѣдовательно, никакому дальнѣйшему контролю юридически не подлежитъ.

Но отбросивъ идею контроля надъ верховной властью, нельзя не признать что въ принципѣ, выдвигаемомъ Блюнчли, есть нѣчто совершенно вѣрное.

Блюнчли старается ввести элементъ *свободы* въ самую классификацію государственныхъ формъ. Кромѣ *образа* правленія, говоритъ онъ, характеръ государства опредѣляется *правомъ* подданныхъ, и на этомъ основаніи онъ дѣлитъ государства на *несвободныя, полусвободныя* и *свободныя*. Къ первымъ причисляются государства, въ которыхъ не существуетъ *контроля* подданныхъ надъ дѣйствіями власти; полусвободныя суть всѣ, въ которыхъ контроль допускается для меньшинства, а свободныя—въ которыхъ контроль принадлежитъ *всему народу*.

Эта задача обезпечить существованіе контроля со стороны подданныхъ—совершенно реальна и настоятельна, если рѣчь идетъ о контролѣ дѣйствій *правительственнаго механизма*, т. е. относится къ области *управленія* (а не къ самой верховной власти). Достиженіе ея однако не при всѣхъ формахъ верховной власти устанавливается одинаково: это опять такой пунктъ, который нынѣшнимъ государственнымъ правомъ совсѣмъ не разработанъ, а между тѣмъ онъ существенно важенъ.

Условія, необходимыя для существованія такого контроля со стороны тѣхъ, кто испытываетъ на себѣ примѣненіе мѣръ, т. е. подданныхъ, состоятъ въ слѣдующемъ. Необходима легкость сравненія того, что есть, съ тѣмъ, что *должно* быть. Это достигается установкой *закона*, опредѣляющаго, что должно быть, и рядомъ

условій, облегчающихъ освѣдомленіе подданныхъ о *примѣненіи* закона. Въ числѣ этихъ послѣднихъ условій находятся всѣ способы, которыми достигается освѣдомленіе общества съ положеніемъ государственныхъ дѣлъ, какъ *гласность* отправленія ихъ, доступность *сужденія* о нихъ устнаго и печатнаго и т. п. По прямому смыслу монархическаго принципа,—подданные несомнѣнно должны имѣть въ этомъ отношеніи рядъ *правъ*. Славянофильская школа была совершенно права, когда усматривала въ древней Руси существованіе свободы мнѣнія и сужденія, и признавала ее принадлежностью нашей монархической идеи. Но всѣ эти права подданныхъ, опредѣляемыя съ точки зрѣнія монархической идеи, должны складываться совершенно иначе, чѣмъ по идеѣ демократической. Это уже, мнѣ кажется, славянофилами совершенно не сознавалось. Съ точки зрѣнія демократизма это суть права *прирожденныя, неотмѣнимыя.* Они принадлежатъ личности не потому, что ей *даны* государствомъ, а потому, что личность, въ своемъ договорѣ съ государствомъ, ими не *не поступалась.* При идеѣ монархической, во всемъ, что касается государства, такія права *даны* и могутъ быть отмѣнены. Эти права—наблюденія надъ дѣйствіемъ управленія, сужденія о немъ устнаго и печатнаго—собственно какъ *права* даны верховною властью для исполненія *обязанности* подданныхъ помогать ей въ ея трудахъ на ихъ благо. Такая обязанность, вытекающая изъ самаго смысла монархической власти, ясно сознавалась у насъ съ древнѣйшихъ временъ въ тѣхъ требованіяхъ, которыя цари предъявляли всѣмъ безъ исключенія подданнымъ. Это не одно требованіе *повиновенія*, но принципіальнаго *содѣйствія.* Оно выражено въ присягѣ на вѣрность государю, *обязательно* приносимой не тѣмъ, кто этого хочетъ, а именно *по обязанности подданнаго.* Присягаютъ, во-первыхъ, въ *вѣрности* и *повиновеніи.* Но каждый сверхъ того обязуется клятвенно: по крайнему *разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять* всѣ права и преимущества, принадлежащія *Самодержавію, силѣ и власти* государя. Но и это еще не все: обязуются *споспѣшествовать* всему, что можетъ касаться вѣрной службѣ государю и *государственной пользѣ.* Обязуются не только *благовременно объявлять* обо всемъ, что можетъ принести вредъ, убытокъ и ущербъ интересамъ государя, но все это *„всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися“.* Здѣсь *подданный,* повинующійся, и гражданинъ, дѣятельный участникъ, не раздѣляются, а неразрывно сливаются. Присяга прямо

объясняетъ, что именно „такимъ образомъ" поступать, значитъ „вести себя и поступать какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному *благопристойно есть и надлежитъ"*. Именно въ томъ, такимъ ли образомъ поступалъ подданный, онъ дастъ отвѣтъ „передъ Богомъ и Его судомъ страшнымъ".

Такъ гласитъ это замѣчательное произведеніе Петра, произведеніе, въ которомъ онъ былъ вдохновленъ уже не теоріями Гуго Гроція не Гоббссомъ, а чисто царскимъ проникновеніемъ въ духъ своего принципа власти.

Итакъ подданный монархической власти, какъ тоже геніально выразился М. Н. Катковъ, имѣетъ *больше чѣмъ политическія права, онъ имѣетъ политическія обязанности.* Выраженіе, это освѣщаетъ истинно молніей духъ самодержавной власти. Подданный имѣетъ политическія обязанности, и для исполненія ихъ облекается *правами.*

Ясно отсюда, что его права не могутъ имѣть такого *характера,* какъ демократическія. Если подданный имѣетъ право присутствовать на судебномъ засѣданіи, то никакъ не для устройства изъ этого спектакля, не для развлеченія. Гражданинъ демократической республики имѣетъ *право* пойти въ судебное засѣданіе совершенно такъ же, какъ идетъ въ трактиръ или циркъ. Никакихъ обязанностей на него это не налагаетъ, кромѣ развѣ обязанности не чурезчуръ громко шумѣть, чтобы его „свобода" не стѣсняла „свободы" судей въ разбирательствѣ дѣла. По смыслу нашего права, публика можетъ присутствовать на засѣданіи, но *только* съ той же серьезностью, съ тѣмъ же вниманіемъ къ происходящему, какъ сами судьи, сами присяжные. Ибо публика допущена въ залу тоже *для исполненія обязанности,* хотя и иной, чѣмъ обязанности судей или присяжныхъ.

Тоже самое можно сказать относительно свободы слова и печати. Она составляетъ *право,* но всецѣло обусловленное *обязанностью.* Правда, что печать, какъ и многія другія явленія, служитъ также примѣромъ противурѣчій, создаваемыхъ нашей малой сознательностью, и чрезмѣрной подражательностью. Не будучи собственнымъ созданіемъ русской жизни (по крайней мѣрѣ въ сколько нибудь развитомъ видѣ), [1] всѣ отрасли публицистики явились къ намъ въ своихъ европейскихъ формахъ, т. е. съ идеей *свободы* въ основаніи, и съ *обязанностями,* намѣчае-

---

[1] Ибо въ зачаточныхъ формахъ была и у насъ.

мыми лишь вторичнымъ порядкомъ. Публицистика у насъ почти не испытала воздѣйствія русской идеи, но за то печать у насъ и доселѣ остается какимъ то страннымъ учрежденіемъ, скорѣе *терпимымъ*, нежели занимающимъ *необходимое* мѣсто въ государственной жизни. Лишь въ видѣ чисто *личнаго* отношенія Государей къ дѣятелямъ печатнаго слова проявлялась русская идея. Такъ извѣстно отношеніе императора Николая Павловича къ Пушкину, Гоголю, Островскому, при чемъ у послѣднихъ государь между прочимъ оцѣнивалъ прямо *общественную* идею. Въ настоящее время Высочайшій указъ 13 января 1895 года впервые ввелъ какъ *принципъ*, что посвященіе дарованій и усиленныхъ трудовъ на поприщѣ науки, словесности и повременной печати — есть *служеніе Государю и Отечеству*. Безъ сомнѣнія приложеніе этого принципа требуетъ еще большой разработки, но очевидно что онъ уже вводитъ и въ область *свободы печати* ту самую идею *обязанности*, которая характеризуетъ русское понятіе права повсюду, гдѣ оно сколько нибудь „націонализировалось“, срослось съ основными требованіями русскаго міросозерцанія. Послѣдствій можно предвидѣть очень много. Очевидно, что поскольку печать является орудіемъ контроля націи надъ дѣйствіями управленія, она ставится идеей *обязанности* въ иное положеніе, нежели при идеѣ *свободы*.

Право, разсуждая теоретически, здѣсь становится еще тверже, т. е. оно должно быть тверже, оно менѣе отрицаемо, нежели при идеѣ свободы, подлежитъ меньшимъ ограниченіямъ, нежели при идеѣ свободы, нарушеніе его *труднѣе*, ибо задѣваетъ не только частный интересъ, но и государственный. Но за то установка этого права болѣе сложна и связана съ очень хорошо развитымъ соціальнымъ строемъ. Это общая черта такой идеи права. Что касается самой практики права (насколько оно соприкасается съ общественнымъ контролемъ управленія), то она тѣсно связана съ правомъ подданныхъ аппелляціи къ верховной власти. Въ нашей исторіи бывало злоупотребленіе этимъ правомъ со стороны подданныхъ чаще, нежели отказъ въ немъ со стороны власти. Здѣсь извѣстны весьма рѣзкія отступленія отъ собственной идеи, какъ при томъ же Петрѣ I, и еще болѣе во времена крѣпостнаго права, чрезвычайно сильно испытавшаго вліяніе европейскихъ феодальныхъ идей. Въ общей сложности однако право аппеляціи къ верховной власти очень твердо держалось въ нашей исторіи, и притомъ отчасти именно какъ необходимое дополненіе *обязанности* служенія Государю.

Кромѣ всего, чѣмъ поддерживается *частный* контроль подданныхъ надъ ходомъ управленія, монархическая идея даетъ особенно могущественныя средства общественному контролю въ самомъ способѣ организаціи управленія на основахъ соціальнаго строя. Управленіе этимъ способомъ приближается къ націи такъ близко, становится такъ доступно наблюденію и оцѣнкѣ, какъ этого нельзя достигнуть никакими другими средствами.

XLII.

Свобода.—Самоуправленіе.—Свобода личности.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что способы осуществленія и охраны *свободы*, съ точки зрѣнія монархическаго начала, представляются иными, нежели при началѣ демократическомъ.

Вообще тотъ рядъ условій, которыя необходимы для существованія въ данномъ обществѣ свободы, распадается на двѣ категоріи. Нужна, во-первыхъ, *свобода личности*, во-вторыхъ, *свобода* общественная. Свобода, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, состоитъ въ возможности жить и дѣйствовать безпрепятственно, сообразно своей индивидуальности и задачамъ.

Верховная власть абсолютизма, какъ и демократіи, создаетъ въ этомъ отношеніи *противуположность* между государствомъ и обществомъ, и различаетъ *управленіе государственное*, съ одной стороны, и *самоуправленіе* общественное съ другой. Предполагается, что это силы взаимно ограничивающія, такъ что чѣмъ развитѣе „государство" тѣмъ уже „самоуправленіе", и наоборотъ. Чистая монархическая, идея едва ли совмѣстима съ такими раздѣленіями.

Разсматриваемое со стороны общества все государство есть ничто иное, какъ окончательно довершенная организація *національнаго самоуправленія*. Здѣсь нѣтъ противуположенія, есть лишь дополненіе. Понятіе объ какой то специальной охранѣ общественной свободы здѣсь не можетъ даже возникать, ибо все государство есть ничто иное, какъ организація общественной свободы. Раздѣленіе между обществомъ и государствомъ, а слѣдовательно потребность охраны общества отъ государства и обратно, возникаетъ лишь въ такой степени, въ какой организація управленія противна монархической идеѣ или несовершенно ее осуществляетъ.

Когда появляются между государствомъ и обществомъ такія ненормальныя ощущенія взаимнаго отчужденія,—это вѣрный знакъ, что *бюрократія* заняла несоотвѣтственно широкое мѣсто въ управленіи, вытѣсняя общество изъ государства и такимъ образомъ препятствуя Верховной власти находить государственно дѣйствующія силы въ самой соціальной организаціи націи. Но само по себѣ *самоуправленіе*, т. е. предоставленіе Верховною властью общественнымъ группамъ непосредственно завѣдывать дѣлами, въ предѣлахъ ихъ компетенціи, прямо вытекаетъ изъ монархической идеи.

О свободѣ *личности* уже упомянуто отчасти въ предшествовавшей главѣ. Само собою разумѣется, мы разсматриваемъ лишь логику *принципа*. Съ этой точки зрѣнія несомнѣнно, что свобода личности въ политическомъ отношеніи, опредѣляется не ея свободой участвовать въ государственномъ устроеніи, ибо устроеніе государства принадлежитъ только верховной власти. Но верховная власть, по самой идеѣ своей, не только допускаетъ, а даже *обязываетъ* каждаго, по мѣрѣ возможности, ей въ этомъ служить. Отсюда являются *права*, охраняющія свободу личности въ отправленіи ея обязанностей. Такъ какъ эти обязанности отправляются личностью по свободному усмотрѣнію, то, конечно, они не могутъ быть подробно формулированы и предусмотрѣны въ частностяхъ. Посему есть цѣлая категорія *правъ*, такъ сказать, суммарныхъ, общедоступныхъ, которыми пользуются по своему усмотрѣнію. Такова свобода совѣсти, слова, печати. Но если они *общедоступны* то это не значитъ, чтобъ они были безконтрольны и неотъемлемы. Выше ихъ носится нравственная *обязанность*, для исполненія которой дается право. Если же обязанность нарушается, то право можетъ быть отнято, или ограничено во всемъ, гдѣ данная *свобода* вторгается въ жизнь государственную. Политическія права, по идеѣ монархической власти,—не могутъ быть поэтому ни равномѣрны, ни безусловны. Они по мѣрѣ практической возможности складываются *пропорціонально* и *условно*, примѣнительно *къ желанію и способности* личности дѣйствительно выполнить ту обязанность, во имя которой дается право.

Но если политическія вольности личности не единообразны и не равномѣрны, то въ своихъ *высшихъ* проявленіяхъ они могутъ далеко превосходить ту *среднюю* степень, которую демократическое начало допускаетъ *для всѣхъ*, а переходить которую не позволяетъ *никому*. Что касается *среднихъ* размѣровъ, они сообразуются при монархическомъ началѣ, какъ выразителѣ народнаго

духа, не столько съ какимъ либо отвлеченнымъ принципомъ, какъ съ нравами и обычаями въ сферѣ общественной; а въ сферѣ религіозной съ ученіемъ Церкви [1], такъ что болѣе всего опредѣляются развитостью самаго общества.

XLIII.

Консерватизмъ и прогрессъ. — Различныя свойства различныхъ основъ власти.

Мы видимъ такимъ образомъ, что *единоличная верховная власть* во всемъ строеніи государственномъ дѣйствуетъ на нѣсколько *иныхъ* началахъ, нежели демократическая. Она охраняетъ и *свободу* и *право*, но въ совершенно иномъ построеніи, которое однако даетъ и свободѣ и праву болѣе прочныя основанія. То же самое должно замѣтить о такъ называемомъ *прогрессѣ*.

Въ настоящее время, демократическая идея связывается съ понятіемъ о *прогрессѣ*, которому будто бы наиболѣе способствуетъ. Въ другой книжкѣ [2] мнѣ приходилось болѣе подробно разсматривать нереальность этого моднаго понятія и доказывать, что отвлеченныя понятія *прогресса* и *консерватизма* въ дѣйствительности должны быть замѣнены понятіемъ *жизнедѣятельности*, ихъ совмѣщающей. Это здоровое состояніе находитъ свое лучшее орудіе именно въ монархіи, почему мы и видимъ постоянно, что величайшія страницы исторіи почти всегда тѣсно связаны съ именами великихъ монарховъ.

Аристократія, въ качествѣ носителя верховной власти, — имѣетъ тенденцію неподвижности, консерватизма. Демократія, получая верховную власть, привноситъ въ нее всѣ свойства ума толпы, подвижность, легкомысліе, увлеченіе, склонность слѣдовать „по линіи наименьшаго сопротивленія". Человѣческая сознательность въ направленіи дѣлъ здѣсь сводится къ своему minimum'у. Перемѣнчивость движенія легко возрастаетъ отъ этого, что умами толпы и принимается за „прогрессъ". Съ этимъ „прогрессомъ" демократіи успѣваютъ наилучше поставленныя до нихъ дѣла разстраивать въ сотню или двѣ лѣтъ. Монархическое начало, избѣгая обѣихъ крайностей, въ

---

[1] Вопросъ о свободѣ вообще чрезвычайно сложенъ и требуетъ очень подробнаго разсмотрѣнія, которое слишкомъ далеко отвлекло бы насъ отъ вопроса о монархической власти. Откладываю болѣе подробное изложеніе до подготовляемой мною работы „Объ основаніяхъ и условіяхъ свободы".

[2] „Борьба вѣка". 1895 г.

наибольшей степени привноситъ въ веденіе дѣлъ страны качество уравновѣшеннаго ума личности.

Нужно ли упоминать о способности монархіи къ преобразовательной дѣятельности? Этими примѣрами полна исторія, и въ частности исторія Россіи. У насъ монархія явилась объ руку съ кореннымъ преобразованіемъ удѣльной системы. По объединеніи страны та же верховная власть, со временъ первыхъ царей (и особенно съ Іоанна Грознаго) почувствовала необходимость поднятія русскаго просвѣщенія, при чемъ ни единаго раза не уклонялась отъ такой миссіи, постоянно стоя объ руку даже не со средней массой, а съ наиболѣе выдающимися слоями дѣятелей русской культуры. Петровская дѣятельность въ этомъ направленіи отличается неукротимой страстностью революцій, и если Россія при этомъ осталась на своихъ историческихъ устояхъ, то исключительно лишь потому, что этотъ нетерпѣливый культурный переворотъ производился все-таки *царемъ*, который могъ ломать все, но не *свою власть*, помимо даже его воли лишь возраставшую среди окружающихъ обломковъ. Да и въ ломкѣ этой большею частью нельзя обвинять преобразователя, котораго желаніе состояло не въ ломкѣ, а въ томъ, чтобы, наоборотъ, „собрать разрушенныя храмины".

Реформаторское время Александра II можно упрекать въ чемъ угодно, но только не въ смѣлости преобразованій, при чемъ нельзя не замѣтить, что и упреки все-таки приходится дѣлать болѣе всего *русскому обществу*. Нельзя сомнѣваться, что при состояніи умовъ большинства, воспитаннаго идеями XIX вѣка, реформа 19 февраля была бы началомъ полной революціи, если бы верховная власть Россіи не находилась все-таки въ рукахъ монарха, тогда какъ при этомъ условіи рядъ реформъ, хотя большею частью съ очень плохо выдержаннымъ основнымъ принципомъ, тѣмъ не менѣе, освободилъ Россію отъ бо̀льшихъ золъ, не создавъ при этомъ другого *непоправимаго* зла.

Не должно забывать, сверхъ того, что *никакая* верховная власть не можетъ дать болѣе разумности, нежели возможно отыскать въ *странѣ*. Верховная власть лишь комбинируетъ и направляетъ силы, вырабатываемыя страною. Верховная власть можетъ вызывать къ дѣятельности имѣющіяся силы, можетъ способствовать ихъ возрастанію, но если ихъ нѣтъ и когда ихъ нѣтъ,—*замѣнить* ихъ отсутствія сама-собою не можетъ. Изъ ничего только Богъ можетъ создавать нѣчто. Если количество умныхъ силъ страны выразить числомъ 100, то *величайшій* успѣхъ и заслуга власти

состоитъ въ томъ, что она даетъ разумнаго дѣйствія на сумму 100 единицъ. Требовать, чтобы ихъ оказалось 1.000 въ такую минуту, когда ихъ имѣется только 100, — значило бы по лучшей оцѣнкѣ фантазировать.

Возвратимся однако къ вопросу. Помимо всякихъ историческихъ примѣровъ само-собою ясно, что государь не можетъ имѣть ничего, противъ полезныхъ преобразованій. Напротивъ, всѣ интересы его, всѣ нравственныя побужденія, всё честолюбіе даже— скорѣе способны привести къ исканію улучшеній, къ ускоренію роста страны. Вообще увлеченіе преобразованіями даже болѣе свойственно личности, нежели увлеченіе неподвижнымъ status quo. Но при этомъ въ монархіи также особенно сильно свойство сохранять націю все таки на ея *историческомъ* пути развитія. Въ этомъ смыслѣ охранительная способность монархическаго начала весьма своеобразна.

Оно получаетъ при этомъ видъ даже какъ будто совершенно самостоятельной силы, независимой отъ содержанія силъ націи. Въ дѣйствительности это явленіе лишь кажущееся.

Народъ, подъ вліяніемъ стихійной заразительности массовыхъ движеній, подъ дѣйствіемъ подражательности, увлеченія, безсознательной гипнотизаціи чужой нервностью,—весьма способенъ сходить *временно* съ историческаго пути развитія, хотя именно въ такомъ состояніи менѣе всего способенъ къ какому-либо разумному преобразованію. Въ этихъ случаяхъ монархическая власть легче всякой другой можетъ становиться поперекъ дороги увлеченію и переламываетъ общій потокъ. Почему это? Дѣло въ томъ, что монархъ представляетъ *духъ народа*. По династическому характеру и нравственной отвѣтственности, носитель монархической власти, въ эти эпохи общаго увлеченія, является силою наиболѣе способною противустать случайному теченію а за симъ его примѣръ, его голосъ, *пробуждаетъ* въ націи ея природное историческое содержаніе и возбуждаетъ такимъ образомъ стремленіе къ вѣрности историческимъ основамъ. Монархическое начало такимъ образомъ является орудіемъ, помогающимъ націи не впадать въ застой, но и не забывать основъ своего развитія, т. е. именно оставаться въ состояніи *жизнедѣятельности*, здороваго развитія своихъ силъ и обдуманнаго приспособленія къ новымъ условіямъ. Консерватизмъ и прогрессивность наиболѣе уравновѣшаны въ этомъ началѣ власти. Ни демократическое, ни аристократическое начало не могутъ даже приблизительно замѣнить монархіи въ обезпеченіи странѣ пра-

вильной и спокойной *эволюціи*. Какъ во всёмъ остальномъ, различныя начала верховной власти *не одинаково* направляютъ жизнь страны, но, какъ и въ другихъ случаяхъ,—монархическое начало и въ отношеніи движенія страны впередъ представляетъ орудіе наиболѣе тонкое и надежное.

XLIV.

Универсальность и совершенство верховной власти. — Сравнительныя свойства монархіи. — Ея возможное будущее.

Сторонники „современнаго" парламентарнаго государства любятъ указывать на будто бы „универсальность" и „совершенство" этого строя. Такія утвержденія, въ сущности, не имѣютъ никакого яснаго смысла. Въ отношеніи *всѣхъ* основныхъ началъ верховной власти можно сказать, что они *универсальны*, т. е. *при извѣстныхъ условіяхъ* пригодны для каждой націи и столѣтія; но точно также нѣтъ ни одного начала власти, которое было бы пригодно *при всѣхъ условіяхъ*. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ никакой „универсальности" въ нихъ не можетъ быть. Если же „универсальность" измѣрять историческою мѣркою, то монархія наиболѣе часто встрѣчаемая у наибольшаго числа націй, при наиболѣе разнообразныхъ условіяхъ, конечно, по преимуществу заслуживаетъ названія формы универсальной.

Что же касается *совершенства*, то въ разсужденіи о немъ можетъ быть двѣ точки зрѣнія. Вопервыхъ *совершенной* можетъ быть называема такая конкретная форма власти, которая наиболѣе разумно осуществляетъ *свой собственный* принципъ. Въ этомъ смыслѣ могутъ быть одинаково совершенны и монархіи и республики. Но, во-вторыхъ, совершенство формъ власти мы можемъ измѣрять еще тѣмъ, насколько каждая изъ нихъ удовлетворяетъ запросамъ наиболѣе высокой общественности. Въ этомъ смыслѣ, конечно, наиболѣе совершеннымъ должно быть признано монархическое начало.

Значеніе государства состоитъ въ томъ, что оно даетъ мѣсто сознательному человѣческому творчеству въ широкихъ предѣлахъ національнаго или даже (въ идеалѣ) всемірнаго союза. Но это творчество имѣетъ своимъ источникомъ силы частныя, которыя тѣмъ болѣе дѣятельны, чѣмъ болѣе вѣрны каждая сама себѣ, своему основному принципу. Общее творчество, стало быть, тѣмъ болѣе широко, чѣмъ свободнѣе и сложнѣе творчество частныхъ силъ. Государство поэтому совершенно тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе оно допускаетъ въ *общемъ* творчествѣ существованіе и дѣйствіе силъ частныхъ, составляющихъ націю или че-

ловѣчество, если оно когда-либо дорастетъ до такого единства. Болѣе *совершеннымъ* принципомъ *верховной власти* является тотъ, который въ наибольшей степени допускаетъ въ коллективномъ единствѣ существованіе и жизнедѣятельность силъ частныхъ. Съ этой стороны *монархія* въ идеѣ имѣетъ всѣ преимущества передъ *демократіей* и *аристократіей*.

Монархія основана на верховной власти *идеальнаго объединяющаго* принципа. Но верховная власть идеальнаго объединяющаго принципа не исключаетъ, а даже требуетъ дѣйствія частныхъ подчиненныхъ принциповъ. Наоборотъ, другіе принципы верховной власти имѣютъ естественное стремленіе исключать дѣйствіе другихъ. Демократія, основанная на верховной власти количественной силы—по существу враждебна вліянію *нравственной* силы, какъ въ ея аристократическихъ формахъ, такъ и въ формахъ единоличнаго вліянія. Существованіе всякой нравственной силы само по-себѣ подрываетъ значеніе силы численной. Демократія поэтому тяжело ложится на внутреннемъ творчествѣ націи. Монархическое самодержавіе свободно отъ такой тенденціи. Оно, конечно, не допускаетъ *преобладанія* численной силы надъ *нравственной*, но, подчиняя значеніе большинства господству *идеала*, самимъ большинствомъ раздѣляемаго, монархическое самодержавіе не уничтожаетъ значенія этого большинства, а только отнимаетъ у него возможность быть тормазомъ развитія цѣлаго общества. Такимъ образомъ государство при монархической верховной власти наилучше обезпечиваетъ *качественную* сторону коллективнаго творчества.

Но самодержавная монархія наилучше обезпечиваетъ также и *количественное* коллективное творчество, ибо особенно способно къ объединенію большихъ и разнородныхъ массъ. Одинъ изъ недостатковъ демократіи состоитъ въ томъ, что чистое проявленіе народнаго самодержавія физически возможно только въ государствахъ очень малыхъ. Теперь вошло въ моду дѣлать упреки Руссо за то, что онъ будто бы проектировалъ республики въ 10.000 чел. Руссо ничего такого не проектировалъ [1], а совершенно правильно указываетъ только, что въ сущности *совершенная* демократія возможна лишь въ небольшихъ общинахъ. Это безусловно вѣрная мысль. Самодержавіе народа способно сохранять непрерывность и постоянство дѣйствія верховной власти лишь при самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ государства. Какъ только государ-

[1] Онъ же, напротивъ, сочувственно указываетъ Римъ, какъ образчикъ всемірной республики.

ство перерастаетъ эти предѣлы, самодержавіе народа должно прибѣгать къ суррогатамъ: *представительству* или *диктатурѣ*. Но представительство есть уже искаженіе народнаго самодержавія, ибо не выражаетъ той народной воли, которая существуетъ въ дѣйствительности (то-есть, *духа* народа), но задается невозможною задачей выражать такую народную волю, какой совсѣмъ не существуетъ на свѣтѣ, и въ результатѣ создаетъ *правительство*, отрѣзанное отъ народа, то-есть, стало-быть, лишаетъ *верховную власть* (самодержавнаго народа) участія въ *управленіи*; это же управленіе всецѣло отдаетъ въ руки правящаго сословія политикановъ, составленнаго крайне плохо и объ интересахъ собственно націи не заботящагося [1].

Что касается диктатуры, то, будучи учрежденіемъ высоко цѣлесообразнымъ для отдѣльныхъ чрезвычайныхъ мѣръ (въ каковыхъ случаяхъ она одинаково практикуется и монархіей), диктатура не можетъ дать *постояннаго* правительства, иначе какъ въ формѣ изурпаціи, упраздняющей всѣ достоинства всѣхъ формъ верховной власти и соединяющей всѣ ихъ недостатки.

Въ то время какъ демократія только искажаясь можетъ охватывать болѣе значительныя территоріи и болѣе многочисленныя націи, монархія, напротивъ, почерпаетъ лишь новыя силы отъ расширенія области своего владычества. Чѣмъ больше эта область, чѣмъ сложнѣе проявляющіяся въ ней силы частнаго творчества, тѣмъ болѣе растетъ и уясняется *объединяющій ихъ идеалъ*, который въ слишкомъ маломъ и однообразномъ государствѣ остается какъ бы дремлющимъ и не сознающимъ своего содержанія. Предѣлы расширенію Имперіи, подъ властью монархическаго самодержавія, ставятся только человѣческою способностью имѣть *общіе* высшіе идеалы.

Что касается аристократіи, то въ отношеніи *количественнаго* національнаго творчества она еще слабѣе демократіи.

Давая и количественно и качественно болѣе возможности того развитія націи, для обезпеченія котораго и возникаетъ государство, монархія въ такой же степени превосходитъ демократію въ установленіи прочности и единства правленія. Ибо единства народной воли почти никогда не существуетъ, а потому *верховная власть* въ демократическомъ государствѣ, *какъ правило*, имѣетъ тѣ недостатки (шаткость, перемѣнчивость, неосвѣдомленность, капризы, слабости), которые въ единоличномъ самодержавіи являются лишь *какъ исключеніе*. Единство воли въ

---

[1] Объ этомъ см. подробнѣе въ „Демократіи либеральной и соціальной".

отдѣльной личности столь же нормально, какъ рѣдко и исключительно въ массѣ народа. Въ организаціи самаго управленія монархъ точно также свободно и безопасно пользуется гораздо большимъ числомъ природныхъ силъ общества, нежели демократія. Въ общей сложности можно сказать, что *верховная власть* въ лицѣ монарха даже въ *среднихъ* своихъ образчикахъ дѣйствуетъ болѣе разумно и твердо, нежели демократія высокихъ образчиковъ.

При этихъ очевидныхъ преимуществахъ монархіи,—не мудрено, что она составляла до сихъ поръ какъ бы естественную норму государственной жизни человѣчества. Въ исторіи чаще всего мы встрѣчаемъ именно ее, и величайшія эпохи національнаго творчества въ большинствѣ случаевъ отмѣчаются именами монарховъ. Современныя демократіи (во Франціи, въ Америкѣ) *обѣщаютъ* измѣнить ходъ исторіи, но ужъ слишкомъ плохо исполняютъ обѣщаніе. Все болѣе напротивъ становится вѣроятнымъ предположеніе, что и *современные* запросы народовъ не будутъ на самомъ дѣлѣ удовлетворены, пока не дорастутъ до того идеальнаго состоянія, при которомъ способна будетъ и во Франціи и въ Америкѣ явиться *монархія* и совершить то, что неспособны сдѣлать ихъ демократіи.

Трудность возникновенія и поддержанія монархіи зависитъ лишь оттого, что она требуетъ присутствія въ націи живаго и общераздѣляемаго *нравственнаго идеала*. Если бы націи никогда его не теряли,—человѣчество, быть можетъ, не знало бы иной формы верховной власти. Но въ исторической дѣйствительности мы видимъ и борьбу, и смѣну этихъ идеаловъ и крайнее ихъ помутнѣніе, а это уже — все условія, при которыхъ монархическое начало или совсѣмъ невозможно, или неспособно развернуться во всемъ доступномъ ему совершенствѣ.

Будущее монархическаго принципа въ современныхъ культурныхъ странахъ опредѣляется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, какое окончательное направленіе возобладаетъ въ міросозерцаніи культурнаго міра. Въ этомъ общемъ процессѣ выработки міросозерцанія свою значительную роль можетъ имѣть *политическая наука*. Если ея усилія направятся на серьезное, дѣйствительно научное наблюденіе основныхъ формъ власти — монархическое начало, по всей вѣроятности, будетъ наукой снова выдвинуто какъ орудіе спасенія и развитія современной культуры, подобно тому, какъ это уже было въ античномъ мірѣ послѣ такого же періода господства демократической идеи.

